

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Экономика. Управление. Право

2024

Том 24

Выпуск 1

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW

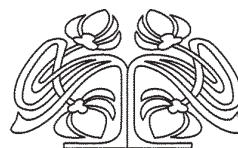
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2024 Том 24

ISSN 1994-2540 (Print)

ISSN 2542-1956 (Online)

Издается с 2007 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Экономика

Красильников О. Ю., Туркин А. А. Перспективы развития краудлендинговых платформ в современной российской экономике 4

Синиченко О. А. Влияние санкционной политики на состояние банковского сектора России 11

Вахитов В. К. Роль человека в постиндустриальной экономике 21

Управление

Выгодчикова И. Ю., Трофименко А. В. Иерархическая система ранжирования коммерческих банков 29

Степанов И. А. Факторный анализ рынка металлов платиновой группы и моделирование направлений его развития 37

Право

Липчанская М. А. Цифровое неравенство в системе местного самоуправления: понятие, критерии, пути преодоления 52

Тихонова С. В. Трансцендентальные основания права в коммуникативной теории права А. В. Полякова: правовое признание 59

Троицкая Т. В., Углонова О. А. История становления и развития института наблюдателей на выборах в России 65

Корабельникова Ю. Л. Влияние урбанизации на развитие современного государства и права 72

Торосян Р. А. Проблемы применения презумпции при установлении отцовства 80

Сливинская Н. Ю. Правовое регулирование института розыска, ареста и возврата активов, полученных преступным путем, как формы международного сотрудничества в Республике Ирландия 89

Кирносов И. Д. Историческая память как категория конституционного права 99

Мустафаев М. Г. Правовое регулирование интеграции цифрового пространства ЕАЭС 107

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “Экономика. Управление. Право”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76645 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4; 5.2.1; 5.2.3; 5.2.4; 5.2.5; 5.2.6)

Подписной индекс издания 36012. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (eup.sgu.ru)

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Агафонов Андрей Петрович

Верстка
Пермяков Алексей Сергеевич

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Дударева Светлана Сергеевна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 20.02.2024.
Подписано в свет 01.03.2024.
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 13,48 (14,5).
Тираж 100 экз. Заказ 18-Т

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2024

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском и английском языках общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований экономической и юридической науки в области экономической теории, экономики, организации, управления, государства и права.

Для рассмотрения статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы: 1) текст статьи в электронном виде, включая УДК, сведения об авторах на русском и английском языках, ORCID автора, название, ключевые слова и структурированную аннотацию на русском и английском языках, список литературы, references в одном документе; 2) справку о результатах самопроверки статьи на наличие неправомерных заимствований; 3) договор на издание и предоставление права использования произведения. Статья направляется на рецензирование только после получения подписанного автором договора (лично в деканате экономического факультета или почтовым отправлением). Более подробная информация о правилах оформления статей и образцы оформления различных источников приведены вместе со стилевым файлом по адресу: <https://eup.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченной научной работой, содержащей важные научные результаты самостоятельных исследований теоретического или эмпирического уровня. Статья должна быть структурирована с использованием подзаголовков: например, Введение, Теоретический анализ, Эмпирический анализ, Результаты, Список литературы, оформлена в соответствии с требованиями и тщательно отредактирована.

Статья подвергается анонимному рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель. Статья, задержанная на больший срок или требующая повторной доработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить допечатную правку текста статьи, не изменяющую ее основного смысла, без согласования с автором. Статьи публикуются в порядке очередности.

Адрес редколлегии серии: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Саратовский университет, экономический факультет/юридический факультет.

Ответственный секретарь разделов «Экономика», «Управление» – e-mail: sgu-eup@ Rambler.ru, тел.: (8452) 22-51-38; ответственный секретарь раздела «Право» – e-mail: kulikovasveta@inbox.ru, тел.: (8452) 22-51-17.

Сайт журнала: <https://eup.sgu.ru>

CONTENTS

Scientific Part

Economics

Krasilnikov O. Yu., Turkin A. A. Crowdfunding platforms development prospects in modern Russian economy 4

Sinichenko O. A. The impact of sanctions policy on Russian banking sector 11

Vakhitov V. K. Human role in post-industrial economy 21

Management

Vygodchikova I. Yu., Trofimenko A. V. Hierarchical system of commercial banks ranking 29

Stepanov I. A. Platinum group metals market factor analysis and modeling of its development directions 37

Law

Lipchanskaya M. A. Digital divide in the local government system: Concept, criteria, ways to overcome it 52

Tikhonova S. V. Transcendental foundations of law in A. V. Polyakov's communicative theory of law: Legal recognition 59

Troitskaya T. V., Uglanova O. A. The history of formation and development of the institution of election observers in Russia 65

Korabelnikova Yu. L. The influence of urbanization on the development of modern state and law 72

Torosyan R. A. Problems of the use of presumption in establishing paternity 80

Slivinskaya N. Yu. Legal procedure of search, seizure and confiscation of criminal assets as a type of international criminal cooperation in the Republic of Ireland 89

Kirnosov I. D. Historical memory as a category of constitutional law 99

Mustafaev M. G. Legal regulation of the integration of the EAEU digital space 107

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ. ПРАВО»**

Главный редактор

Огурцова Елена Вячеславовна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместители главного редактора

Фирсова Анна Александровна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственные секретари

Челнокова Ольга Юрьевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Куликова Светлана Анатольевна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Ананьева Анна Анатольевна, доктор юрид. наук, доцент (Москва, Россия)

Александр Анна, Ph.D. (Вайоминг, США)

Анисимов Алексей Павлович, доктор юрид. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Афанасьев Сергей Федорович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балаш Владимир Алексеевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Бенойт Уильям, Ph.D. (Огайо, США)

Василевич Григорий Алексеевич, доктор юрид. наук, профессор (Минск, Беларусь)

Велиева Джамиля Сейфаддиновна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Гиверц Павел, Ph.D. (Иерусалим, Израиль)

Горячева Татьяна Владимировна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Громов Владимир Геннадьевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ермасова Наталия Борисовна, Ph.D., доктор экон. наук, профессор (Иллинойс, США)

Землянухин Александр Исаевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Козин Михаил Николаевич, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Кокин Андрей Васильевич, доктор юрид. наук, доцент (Москва, Россия)

Красильников Олег Юрьевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юрид. наук, профессор (Тольятти, Россия)

Лхавгадори Ариунаа, Ph.D. (Уланбаатор, Монголия)

Манахова Ирина Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор экон. наук, профессор (Пермь, Россия)

Митяева Наталья Вячеславовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Муравьев Николай Васильевич, Ph.D., MBA, кандидат экон. наук (Данди, Великобритания)

Орехова Елена Анатольевна, доктор экон. наук, профессор (Волжский, Россия)

Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Романовский Георгий Борисович, доктор юрид. наук, профессор (Пенза, Россия)

Сидоров Сергей Петрович, доктор физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Стойлова Десислава, Ph.D. (Благоевград, Болгария)

Ткаченко Ирина Николаевна, доктор экон. наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

Хрусталев Виталий Николаевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Чердаков Олег Иванович, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Шугрина Екатерина Сергеевна, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Эртин Сефика Шуле, Ph.D. (Анкара, Турция)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW"**

Editor-in-Chief – Elena V. Ogurtsova (Saratov, Russia)

Deputy Editors-in-Chief – Anna A. Firsova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Executive Secretaries – Olga Yu. Chelnokova (Saratov, Russia)

Svetlana A. Kulikova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anna A. Ananyeva (Moscow, Russia)

Anne Alexander (Wyoming, USA)

Alexey P. Anisimov (Moscow, Russia)

Sergey F. Afanasiev (Saratov, Russia)

Vladimir A. Balash (Saratov, Russia)

William Benoit (Ohio, USA)

Grigory A. Vasilevich (Minsk, Belarus)

Jamila S. Veliyeva (Saratov, Russia)

Pavel Giverts (Jerusalem, Israel)

Tatiana V. Goryacheva (Saratov, Russia)

Vladimir G. Gromov (Saratov, Russia)

Natalia B. Ermasova (Illinois, USA)

Alexander I. Zemlyanukhin (Saratov, Russia)

Mikhail N. Kozin (Moscow, Russia)

Andrey V. Kokin (Moscow, Russia)

Oleg U. Krasilnikov (Saratov, Russia)

Dmitry A. Lipinsky (Tolyatti, Russia)

Ariunaa Lkhagvadorj (Ulaanbaatar, Mongolia)

Irina V. Manakhova (Moscow, Russia)

Janna A. Mingaleva (Perm, Russia)

Natalia V. Mityaeva (Saratov, Russia)

Nikolai V. Mouraviev (Dundee, United Kingdom)

Elena A. Orekhova (Volgskii, Russia)

Nazir T. Razgeldeev (Saratov, Russia)

Georgy B. Romanovsky (Penza, Russia)

Sergey P. Sidorov (Saratov, Russia)

Svetlana Zh. Solovykh (Saratov, Russia)

Desislava Stoilova (Blagoevgrad, Bulgaria)

Irina N. Tkachenko (Ekaterinburg, Russia)

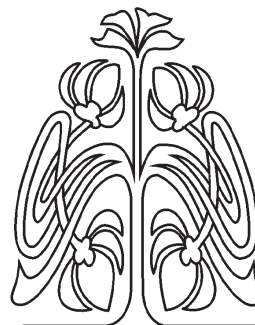
Vitali N. Khrustaluv (Saratov, Russia)

Oleg I. Cherdakov (Moscow, Russia)

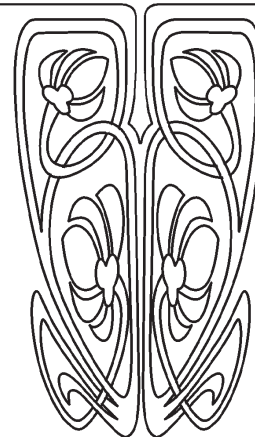
Georgy A. Cheremisinov (Saratov, Russia)

Ekaterina S. Shugrina (Moscow, Russia)

Şefika Ş. Erçetin (Ankara, Turkey)

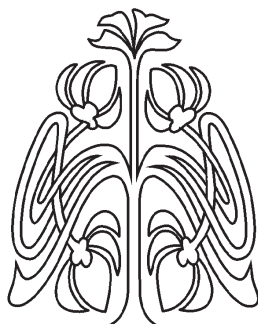

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

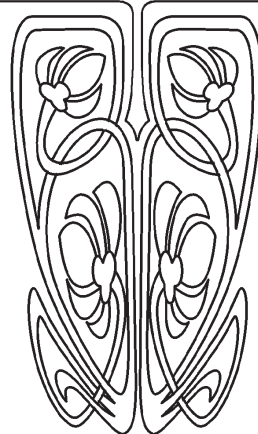

ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 4–10

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 4–10

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-4-10>

EDN: XNYDPE

Научная статья
УДК 336.7

Перспективы развития краудлендинговых платформ в современной российской экономике

О. Ю. Красильников , А. А. Туркин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Красильников Олег Юрьевич, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, ok-russia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2211-4370>

Туркин Андрей Алексеевич, студент экономического факультета, turkin2003@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5679-2435>

Аннотация. *Введение.* Изменение экономической конъюнктуры, произошедшее в связи с событиями февраля 2022 г., потребовало увеличения финансирования предприятий малого и среднего бизнеса. Параллельный импорт, освобождение рыночных ниш от иностранных производителей, желание сохранить и приумножить капитал в условиях девальвации рубля – эти и другие причины легли в основу исследования краудлендинга в настоящей работе. *Теоретический анализ.* Проанализированы темпы роста рынка краудлендинга в России и проведено сравнение динамики краудлендинга и банковских кредитов малому и среднему бизнесу. *Эмпирический анализ.* На примере компании ООО «ДжетЛенд» был проведен анализ требований к заемщикам и инвесторам, а также этапов проверки бизнеса потенциальных кредитополучателей. Представлена сравнительная характеристика индексов JetLend, IFX Cbond, Cbonds-CBI RU High Yield, которая позволяет говорить о том, что на горизонте трех лет среднестатистический инвестор платформы JetLend имел более высокую доходность, чем если бы он владел портфелем высокодоходных облигаций или бондов наиболее ликвидных компаний России. *Результаты.* Представлены положительные и негативные стороны использования краудлендинга как для инвесторов, так и для заемщиков. Сделан вывод о том, что краудлендинг является перспективным инструментом для кредитования малого и среднего бизнеса, особенно для тех экономических субъектов, у которых отсутствуют залог, кредитная история или иные факторы, необходимые для банковского кредита.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционные платформы, кредитование, краудлендинг, цифровизация экономики

Для цитирования: Красильников О. Ю., Туркин А. А. Перспективы развития краудлендинговых платформ в современной российской экономике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 4–10. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-4-10>, EDN: XNYDPE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Crowdfunding platforms development prospects in modern Russian economy

O. Yu. Krasilnikov , A. A. Turkin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Oleg Yu. Krasilnikov, ok-russia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2211-4370>

Andrey A. Turkin, turkin2003@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5679-2435>

Abstract. Introduction. The changes in the economic situation, which happened after certain events of February 2022, required significant investment in the development of small and medium-sized businesses. Parallel imports, new market niches to be fulfilled after foreign producers had left, the desire to preserve and increase capital while experiencing ruble devaluation— these and other reasons formed the basis of crowdfunding studying in this paper. **Theoretical analysis.** The growth rates of the crowdfunding market in Russia are analyzed and the dynamics of crowdfunding and bank loans to small and medium-sized businesses are compared. **Empirical analysis.** Based on the example of the company “JetLend” LLC, an analysis of the requirements for borrowers and investors, the stages of potential borrowers’ business checking were carried out. A comparative characteristic of the JetLend, IFX Cbond, Cbonds-CBI RU High Yield indices is presented, which suggests that during 3 years, an average investor of the JetLend platform had a higher yield than if he owned a portfolio of high-yield bonds or bonds of the most liquid companies in Russia. **Results.** Positive and negative aspects of using crowdfunding for both investors and borrowers are summed up. It is concluded that crowdfunding is a promising tool for small and medium-sized businesses, especially for those economic entities which do not have collateral, credit history or other factors necessary for a bank loan.

Keywords: investments, investment platforms, lending, crowdfunding, digitalization of the economy

For citation: Krasilnikov O. Yu., Turkin A. A. Crowdfunding platforms development prospects in modern Russian economy. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 4–10 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-4-10>, EDN: XNYDPE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В условиях цифровизации экономики все большее место в финансировании бизнеса стали занимать частные инвесторы. Ранее фондовый рынок и венчурные инвестиции считались делом немногочисленной группы лиц и компаний, аккумулирующих значительный объем капитала. Развитие институтов финансового рынка в России привело к тому, что доступ к различным видам инвестиций на сегодняшний день имеют широкие слои населения: барьеры для входа на фондовый рынок практически отсутствуют. В последние годы таких барьеров становится все меньше и для венчурных инвестиций в малый и средний бизнес благодаря развитию инвестиционных платформ. Особое место стал занимать новый инструмент привлечения заемных средств – краудлендинг.

Запуск механизма параллельного импорта и переориентация логистических цепочек на дружественные страны, освоение ниш ушедших с российского рынка иностранных компаний, а также инфляционный фактор поддержали спрос на кредиты со стороны субъектов малого и среднего бизнеса (МСБ).

В силу того что банки стремятся к минимизации собственных рисков, особенно в условиях экономической и политической турбулентности, привлечение банковских кредитов для субъектов малого и среднего бизнеса является крайне ограниченным инструментом финансирования. Другой вариант для инвестирования – выпуск

акций или облигаций. Однако такой способ привлечения средств приводит к значительным издержкам как на саму эмиссию, так и на самостоятельный поиск инвесторов.

Существующие условия позволяют инвестиционным платформам стать одним из главных бенефициаров кредитования МСБ, так как они позволяют значительно снизить величину транзакционных издержек для всех участников сделки. Инвесторы получают возможность выбора объекта для инвестиций из широкого перечня проектов. В свою очередь, бизнес имеет возможность привлечь средства для развития, которые в другой ситуации получить достаточно сложно (в случае стартапа зачастую и вовсе невозможно).

Теоретический анализ

Механизмы краудфандинга выступают перспективным способом получения средств для компаний, обладающих высоким потенциалом роста, но при этом не имеющих кредитной истории или имущества под залог. С другой стороны, инвесторы в условиях значительной девальвации рубля и растущей инфляции получают возможность разместить свои средства под процент, превышающий среднерыночный.

Инвестирование на инвестплатформе может осуществляться тремя способами:

- 1) путем предоставления займов;
- 2) путем приобретения эмиссионных ценных бумаг;

3) путем приобретения утилитарных цифровых прав: права требования выполнения работ или оказания услуг, передачи вещи или интеллектуальных прав в информационной системе [1].

Для частных инвесторов оптимальным выбором может стать предоставление займов малым и средним предприятиям (МСП), так называемый краудлендинг, или, как его еще называют, P2B-переводы («personal to business»). Данный инструмент представляет собой процесс кредитования юридического лица или предпринимателя физическим лицом или их группой. Ближайшим аналогом краудлендинга являются высокодоходные облигации.

На конец 2022 г. в реестре операторов инвестиционных платформ, который формируется Центральным банком Российской Федерации, насчитывалось 64 организации, ориентированных преимущественно на предоставление займов. При этом в феврале 2022 г. в реестре находилось лишь 54 оператора инвестиционных платформ. Более того, по итогам этого года, объем привлечения средств путем предоставления займов краудлендинговыми платформами составил 12,8 млрд руб. (в 2021 г. 9,06 млрд руб.) [2]. Рост рынка краудлендинга составил 41%. Если обратиться к статистической информации, касающейся банковских кредитов, то за 2021 г. коммерческие банки выдали предприятиям малого и среднего бизнеса 10,5 трлн руб., а в 2022 г. – 11,4 трлн руб. Прирост объема выдачи займов в банках составил всего 8,6% [3].

Размеры и темпы роста выдачи займов посредством использования краудлендинговых платформ опережают указанные параметры банковского кредитования МСБ. Это подтверждает существование значительного спроса на услуги краудлендинга как со стороны заемщиков, так и со стороны инвесторов. Однако при этом коллективное инвестирование посредством инвестиционных платформ значительно уступает по объемам банковским кредитам – доля краудлендинга составляет чуть более 0,1% от выданных банками кредитов малому и среднему бизнесу.

Одним из крупнейших операторов инвестиционных платформ, специализирующихся на рынке краудлендинга, является компания ООО «ДжетЛенд» (дата регистрации организации – 28 августа 2018 г., дата предоставления лицензии – 21 декабря 2020 г.) [4].

Проанализируем бизнес-модель компании, которая могла бы быть интересна потенциальным инвесторам и заемщикам.

Эмпирический анализ

ООО «ДжетЛенд» является оператором инвестиционных платформ и выполняет связующую роль между инвесторами и заемщиками. Финансовыми услугами, которые оказывает данная краудлендинговая платформа, являются следующие:

- оценка компании, которая желает привлечь займ;
- верификация компании и подтверждение всех важных сведений об организации;
- сбор средств посредством включения компании в реестр первичных размещений;
- перечисление денежного транша кредитополучателю после сбора необходимого количества заявок на покупку займа со стороны инвесторов;
- возврат денежных средств инвесторам в форме аннуитета, как правило, ежемесячно.

В целом механизм имеет большое сходство с привлечением средств через фондовый рынок. Сравнивая барьеры входа и условия для инвестора на фондовом рынке и инвестиционной платформе, можно сделать вывод, что во втором случае требования гораздо лояльнее и представлены следующими параметрами:

- 1) гражданство РФ;
- 1) совершеннолетие;
- 2) действующий банковский счет;
- 3) физическое или юридическое лицо;
- 4) минимальная сумма инвестиций на платформе 1 руб.;
- 5) минимальная сумма инвестиций в одну заявку 100 руб.;
- 6) стоимость продажи займа на вторичном рынке – бесплатно;
- 7) стоимость зачисления средств – в зависимости от комиссии вашего банка;
- 8) комиссия для инвесторов за операции внутри платформы отсутствует [5].

Таким образом, требования к физическим и юридическим лицам, которые желают предоставить свои деньги малому и среднему бизнесу, легко выполнимы. Требования, предъявляемые к потенциальным заемщикам, также минимальны:

- среднемесячная выручка – от 0,6 млн руб.;
- срок деятельности – от 12 мес.;
- нейтральная кредитная история.

Основными этапами проверки заемщиков являются:

- 1) загрузка регистрационных данных и банковских выписок;
- 2) проверка (верификация) количественных и не количественных показателей бизнеса, его надежности и прозрачности;

- 3) интервью с андеррайтером;
- 4) присвоение рейтинга и ставки;
- 5) создание инвестиционного предложения и отправка заявки на сбор средств [5].

Внутри самой платформы существует рейтинг компании по степени надежности эмитента. Во многом он является схожим с теми, которые уже существуют на рынке: рейтинг компании Standard & Poor's, рейтингового агентства Moody's и т.д. Инвестплатформа, таким образом, также оценивает платежеспособность компании, вероятность ее дефолта и в зависимости от этого устанавливает ставку кредитования.

Существование подобных требований к потенциальным заемщикам и рейтингового ранжирования позволяет в некоторой степени обезопасить инвесторов от неблагонадежных предпринимателей и определяет горизонт действий, который позволяет им самостоятельно выбирать свой риск-профиль.

Однако необходимо учитывать важный момент. Одним из ключевых недостатков краудлендинговых платформ, в том числе ООО «ДжетЛенд», выступает известная информационная непрозрачность. При том что инвестиционные площадки, равно как и банки, в своей оценке заемщиков ориентируются на одни и те же источники информации, результаты такой оценки могут существенно различаться.

Данным платформам свойственна заметная информационная асимметрия. Объем информации о заемщике, который будет раскрыт, операторы (краудлендинговые площадки) определяют самостоятельно. При этом у платформы имеется

значительно больший объем информации, чем у инвестора. Одновременно инвестор имеет доступ только к рейтингу заемщика, рассчитанному по внутренним критериям платформы. Вся же полнота рисков при этом ложится на инвестора.

Перейдем к вопросу о том, почему инвесторам может быть интересен краудлендинг? Одной из важнейших метрик для инвестора в части выбора инструмента для инвестиций является доходность. В этом контексте платформа ДжетЛенд заявляет, что доходность может составить от 16,9 до 37,7% годовых в зависимости от выбранной стратегии [5]. Такая доходность во многом превосходит ключевую ставку, которая на 15 сентября 2023 г. составляла 13,0% [6]. Потенциальная доходность зависит от избранного риск-профиля: выбирая компании высокого рейтинга, заработать много не получится, однако риск потерять свой капитал в таком случае ниже, чем при выборе компаний с низким рейтингом и высокой ставкой кредитования.

Для более объективной оценки доходности воспользуемся индексом JetLend, который показывает средневзвешенную доналоговую доходность всех инвесторов платформы. В качестве других индексов для сравнения возьмем индекс облигаций IFX Cbonds – индекс полной доходности российского рынка корпоративных облигаций, включающий в себя 30 наиболее ликвидных корпоративных облигаций [7], и индекс высокодоходных облигаций (ВДО) Cbonds-CBI RU High Yield – индекс полной доходности российского рынка высокодоходных облигаций, рассчитанный на основе наиболее ликвидных бумаг сектора (рисунок) [8].

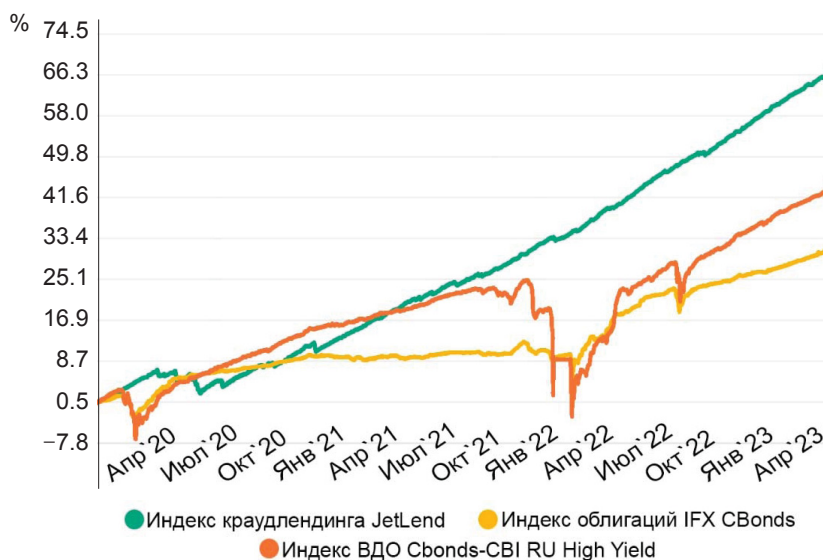

График темпа роста индексов JetLend, IFX Cbonds, Cbonds-CBI RU High Yield [5, 7, 8] (цвет онлайн)

Figure. Graph of the growth rate of JetLend, IFX Cbonds, Cbonds-CBI RU indices with high profitability [5, 7, 8] (color online)

Из графика следует, что средневзвешенная доналоговая доходность всех инвесторов платформы JetLend на горизонте трех лет превышает доходность других индексов. Более того, волатильность индекса JetLend гораздо ниже, чем индексов IFX Cbonds и Cbonds-CBI RU High Yield. Конечно, три года не являются показательными для инвестиций, однако стоит понимать, что хотя рынок краудлендинга

сравнительно новый для России, он показал относительную устойчивость даже в кризисные периоды. Пандемия коронавируса и начало специальной военной операции не оказали серьезного воздействия на общий положительный тренд роста данного рынка.

На основе значений индексов, представим таблицу доходности для более детального рассмотрения указанных тенденций (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Значение индексов и соответствующая доходность
The value of the indices and the corresponding profitability

Дата	Индекс JetLend		Индекс IFX CBonds		Индекс Cbonds CBI RU High Yield	
	Значение	Темп прироста, %	Значение	Темп прироста, %	Значение	Темп прироста, %
04.07.2023	169,11	18,9	867,73	10,9	188,16	17,5
04.07.2022	142,21	16,9	782,24	8,5	160,14	2,3
05.07.2021	121,63	17,6	720,97	3,5	156,61	13,2
03.07.2020	103,42	–	696,64	–	138,35	–

Рассчитано по: [5, 7, 8] / Calculated to: [5, 7, 8].

Из данных, приведенных в таблице, следует, что за три года индекс рассматриваемой краудлендинговой платформы ни разу не уступил индексам ВДО и ликвидных корпоративных облигаций. JetLend позволял получать доходность выше рынка и, что не менее важно, превышающую среднегодовую инфляцию [6].

Почему же краудлендинговые платформы имеют высокий потенциал дальнейшего развития и почему инвестору стоит обратить внимание на подобный вид инвестиций?

Во-первых, в отличие от тех же криптовалют, сфера инвестиционных платформ уже имеет сформировавшуюся нормативно-правовую базу, которая регулирует данную нишу. Ключевым является Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 № 259-ФЗ.

Во-вторых, важным дополнением является то, что многие из краудфандинговых платформ могут стать или уже являются участниками проекта «Сколково», что позволяет им как привлекать дополнительную финансовую поддержку через гранты, так и получать различные налоговые льготы. Крупнейшие краудлендинговые платформы в лице ООО «Поток.Диджитал» и ООО «ДжетЛенд» уже являются таковыми [9, 10].

В-третьих, события февраля 2022 г. привели к тому, что отечественные инвесторы лишились дальнейших перспектив для осуществления инвестиций в иностранные активы. Сегодня

возможности неквалифицированных инвесторов во многом ограничиваются покупкой ценных бумаг отечественных компаний [11]. Это ведет к тому, что сфера важнейшей составляющей инвестиций – диверсификации – существенно сокращается. Краудлендинг позволяет значительно диверсифицировать инвестиционный портфель для снижения рыночного риска. Однако главная проблема остается открытой – диверсификация по регионам и валюте пока еще в значительной степени ограничена.

В-четвертых, хотя займы малым и средним предприятиям считаются высокорискованными вложениями, дефолтность заемщиков на платформе ДжетЛенд за все время составила всего 1,47% [5]. Такой низкий показатель может быть свидетельством того, что большие данные (Big Data), которыми располагает компания, позволяют на регулярной основе успешно применять критерии их отбора. И если в 2020 г. объем средств, ушедших в дефолт, составлял 3,29% от общей суммы выданных кредитов, то в 2022 г., несмотря на макроэкономические шоки, дефолтность составила 1,48% [5].

Для достижения подобных целевых показателей инвестором ДжетЛенд предлагает стратегии, которые позволяют диверсифицировать портфель. Рекомендованной является ситуация, когда на один займ не приходится более 1% от стоимости портфеля. Учитывая то, что на один займ может приходиться всего 100 рублей, добиться такой диверсификации возможно, имея капитал всего в 10 тыс. руб.

Результаты

В результате исследования рынка краудлендинга на примере компании ООО «ДжетЛенд» в табл. 2 приведем основные преимущества и недостатки данного типа инвестирования.

Исследование показывает, что краудлендинг является перспективным способом кредитования, который может быть полезен как заемщикам в

лице МСБ, так и инвесторам. Если коммерческий банк отказывает в кредите, а возможность эмитировать ценные бумаги отсутствует или это лишено смысла, то краудлендинг может стать оптимальным способом привлечения капитала. Однако выбор между банковским кредитом и краудлендингом является субъективным и требует индивидуального рассмотрения возможностей и требований каждого отдельного заемщика.

Таблица 2 / Table 2

Преимущества и риски краудлендинга
Advantages and disadvantages (risks) of crowdlending

Преимущества	Риски
Для инвесторов	
Старт инвестирования с минимальной суммы В случае успешной инвестиции – получение высокой доходности Низкая комиссия или ее отсутствие Не требует квалификации и специальных знаний	Отсутствие унифицированной системы оценки заемщика Асимметрия информации, приводящая к неравенству в условиях сделки Трудоемкий процесс взыскания задолженности с заемщика Малый и средний бизнес может быть чувствителен к мерам государственной поддержки и макроэкономической ситуации
Для заемщиков	
Рассмотрение заявки и выдача займа занимает от 1 дня Финансирование в режиме онлайн Небольшой портфель документов Низкие транзакционные издержки Возможность финансироваться в случае отсутствия кредитной истории или отказа от предоставления кредита в банке	Возможная утеря данных об организации платформой Потенциальное прекращение деятельности площадки – риск потери инвестора Возможность финансирования только юридических лиц и предпринимателей резидентов РФ При систематических невыплатах заемщик обязан выплатить займ в полном объеме с учетом пени

Составлено по: [1, 12] / Compiled to: [1, 12].

Подводя итог проведенного исследования, можно говорить о том, что, несмотря на все преимущества коллективного кредитования посредством использования инвестиционных платформ, краудлендинг сопряжен со значительными рисками как для кредиторов, так и для заемщиков. Краудлендинг может быть быстрее и проще в осуществлении, чем банковский кредит, но требует большего участия и внимания со стороны участников инвестиционного процесса.

Следует отметить, что существует поэтапное развитие данного института в России, и уже сейчас есть смысл говорить о формировании уникального рынка капитала, который имеет значительные перспективы для развития. Проводимые Банком России мероприятия по формированию благоприятной среды в системе краудфандинговых отношений и существующее законодательное регулирование данной сферы должны оказать положительное воздействие на финансовую систему и не только обеспечить

формирование нового рынка капитала, но и создать условия существования нового инвестиционного инструмента, который может позволить получать доход, превышающий инфляцию.

Список литературы

1. Морозко Н. И., Морозко Н. И. Рост возможностей финансирования малого и среднего бизнеса в условиях цифровизации экономики // Вестник университета. 2023. № 4. С. 159–168. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-4-159-168>
2. Обзор платформенных сервисов в России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/146720/platform_services_20230515.pdf (дата обращения: 05.09.2023).
3. Кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/45073/stat_bulletin_lending_23-04_35.pdf (дата обращения: 05.09.2023).
4. ООО «Джетленд». URL: <https://www.cbr.ru/finorg/foinfo/?ogrn=1187746779868> (дата обращения: 06.09.2023).

5. ООО «ДжетЛенд» : [сайт]. URL: <https://jetlend.ru/investor/> (дата обращения: 06.09.2023).
6. Ключевая ставка Банка России. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения: 16.09.2023).
7. IFX-Cbonds RU000A100J26. URL: <https://cbonds.ru/indexes/IFX-Cbonds/> (дата обращения: 08.09.2023).
8. Cbonds-CBI RU High Yield. URL: <https://cbonds.ru/indexes/Cbonds-CBI-RU-High-Yield/> (дата обращения: 08.09.2023).
9. Поток. Диджитал. Участник проекта «Сколково». URL: <https://navigator.sk.ru/orn/1123588> (дата обращения: 10.09.2023).
10. ДжетЛенд. Участник проекта «Сколково». URL: <https://navigator.sk.ru/orn/1123480> (дата обращения: 10.09.2023).
11. Туркин А. А. Диверсификация инвестиционного портфеля в условиях неустойчивости фондового рынка России // Международная научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов по устойчивому развитию, инвестициям и финансовым рискам «Финатлон форум» : материалы конференции. М. : Московский политехнический ун-т, 2023. С. 257–273. EDN: MDSMHT
12. Калашник Е. С., Орлова Е. А., Ткаченко А. А. Аналитический обзор преимуществ и недостатков краудлендинга как альтернативного источника финансирования для малого и среднего бизнеса // *E-SCIO*. 2023. № 3 (78). С. 493–502. EDN: ZGRWWD
13. Брызгалова М. А., Виншу Д. В., Шулекина Е. Н. Эмиссия облигаций как источник финансирования деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства // *Финансовые рынки и банки*. 2021. № 12. С. 86–91. EDN: ATMZWX
4. ООО «Dzhetlend» (Jetlend LLC). Available at: <https://www.cbr.ru/finorg/foinfo/?ogrn=1187746779868> (accessed September 6, 2023) (in Russian).
5. ООО «DzhetLend» (JetLend LLC. Site). Available at: <https://jetlend.ru/investor/> (accessed September 6, 2023) (in Russian).
6. *Kliuchevaia stavka Banka Rossii* (Key rate of the Bank of Russia). Available at: https://www.cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (accessed September 16, 2023) (in Russian).
7. *IFX-Cbonds RU000A100J26*. Available at: <https://cbonds.ru/indexes/IFX-Cbonds/> (accessed September 8, 2023) (in Russian).
8. *Cbonds-CBI RU High Yield*. Available at: <https://cbonds.ru/indexes/Cbonds-CBI-RU-High-Yield/> (accessed September 8, 2023) (in Russian).
9. *Potok.Didzhital. Uchastnik proekta «Skolkovo»* (Stream. Digital. Participant of the Skolkovo project). Available at: <https://navigator.sk.ru/orn/1123480> (accessed September 10, 2023) (in Russian).
10. *DzhetLend. Uchastnik proekta «Skolkovo»* (JetLend. Participant of the Skolkovo project). Available at: <https://navigator.sk.ru/orn/1123588> (accessed September 10, 2023) (in Russian).
11. Turkin A. A. Diversification of the investment portfolio in conditions of instability of the Russian stock market. In: *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya molodykh uchenykh i spetsialistov po ustoychivomu razvitiyu, investitsiyam i finansovym riskam «Finatlon forum»* [International scientific and practical conference of young scientists and specialists on sustainable development, investment and financial risks “Finathlon Forum”. Conference materials]. Moscow, Moscow Polytechnic University Publ., 2023, pp. 257–273 (in Russian). EDN: MDSMHT
12. Kalashnik E. S., Orlova E. A., Tkachenko A. A. Analytical review of the advantages and disadvantages of crowdlending as an alternative source of financing for small and medium-sized businesses. *E-SCIO*, 2023, no. 3 (78), pp. 493–502 (in Russian). EDN: ZGRWWD
13. Bryzgalova M. A., Vinshu D. V., Shulekina E. N. The issue of bonds as a source of financing the activities of small and medium-sized businesses. *Financial Markets and Banks*, 2021, no. 12, pp. 86–91 (in Russian). EDN: ATMZWX

References

1. Morozko N. I., Morozko N. I. Growth of financing opportunities for small and medium-sized businesses in the digitalization of the economy context. *Vestnik universiteta*, 2023, no. 4, pp. 159–168 (in Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-4-159-168>
2. *Obzor platformnykh servisov v Rossii* (Overview of platform services in Russia). Available at: https://cbr.ru/Content/Document/File/146720/platform_services_20230515.pdf (accessed September 5, 2023) (in Russian).
3. *Kreditovanie sub#ektov malogo i srednego predprinimatel'stva* (Lending to entities small and medium entre-

Поступила в редакцию 20.09.2023; одобрена после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 20.09.2023; approved after reviewing 10.10.2023; accepted for publication 10.11.2023

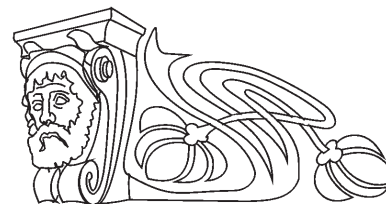

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 11–20
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 11–20
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-11-20>, EDN: WMCVZG

Научная статья
УДК 336.71

Влияние санкционной политики на состояние банковского сектора России

О. А. Синиченко

Таганрогский институт управления и экономики, Россия, 347900, г. Таганрог, ул. Петровская, д. 45

Синиченко Олеся Андреевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов, o.sinichenko@tmei.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9216-4528>

Аннотация. Введение. Банковский сектор является ключевой сферой национальной экономики и фактором роста, определяя ее эффективность и перспективы развития. В последние полтора года национальная экономика в целом и банковский сектор в частности адаптируются к внешнему негативному воздействию санкционной политики западных стран. Пакетные санкции на регулярной основе создавались и сегодня применяются с целью ограничения развития страны по всем направлениям ее функционирования. **Теоретический анализ.** В исследовании определены и обоснованы факторы, которые обеспечивают взаимосвязь введенных санкций со стороны западных стран и состояния банковского сектора Российской Федерации. Основу функционирования банковского сектора России составляют системообразующие банки, в связи с этим особый исследовательский интерес вызывает влияние санкций на их деятельность и механизмы адаптации к санкциям. **Эмпирический анализ.** Проанализированы статистические показатели банковского сектора, активы, кредитование корпоративных клиентов и физических лиц, прибыль банковского сектора и кредитных организаций. Сделаны выводы об успешной адаптации к санкциям вследствие роста показателей, высокой маржинальности и существенного снижения стоимости риска в сравнении с 2022 г. **Результаты.** Представлен процесс адаптации банковского сектора к санкционному давлению и выявлены причины эффективного его восстановления.

Ключевые слова: банковский сектор, национальная экономика, санкционная политика, коммерческие банки, системообразующие (системно значимые) банки

Для цитирования: Синиченко О. А. Влияние санкционной политики на состояние банковского сектора России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 11–20. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-11-20>, EDN: WMCVZG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The impact of sanctions policy on Russian banking sector

O. A. Sinichenko

Taganrog Institute of Management and Economics, 45 Petrovskaya St., Taganrog 347900, Russia

Olesya A. Sinichenko, o.sinichenko@tmei.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9216-4528>

Abstract. Introduction. The banking sector is a key sector of the national economy and a growth factor, determining its efficiency and development prospects. Over the past year and a half, the national economy in general and the banking sector in particular have been adapting to the external negative impact of the sanctions policies of Western countries. Package sanctions were created on a regular basis and are used today to limit the development of the country in all areas. **Theoretical analysis.** The study identifies and substantiates the factors that ensure the relationship between the sanctions imposed by Western countries and the state of the banking sector of the Russian Federation. The basis for the Russian banking sector functioning is systemically important banks; in this regard, the influence of sanctions on their activities and mechanisms of adaptation to sanctions are of particular research interest. **Empirical analysis.** Statistical indicators of the banking sector, assets, lending to corporate clients and individuals, profits of the banking sector and credit organizations were analyzed, conclusions were drawn about successful adaptation to sanctions due to growth in indicators, high margins and a significant reduction in the cost of risk in comparison with 2022. **Results.** The process of the banking sector adaptation to sanctions pressure is presented and the reasons for its effective recovery are identified.

Keywords: banking sector, national economy, sanctions policy, commercial banks, systemically important banks

For citation: Sinichenko O. A. The impact of sanctions policy on Russian banking sector. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 11–20 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-11-20>, EDN: WMCVZG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Банковская система страны – фундамент национальной экономики. С момента своего создания и на протяжении всего периода функционирования она испытывала на себе все трудности и давление как со стороны внутренних факторов, связанных, например, с развитием и стабильностью коммерческих банков Российской Федерации, так и внешних факторов, зачастую связанных с политической обстановкой в мире и желанием «сверхдержав» ограничить права других стран.

Очередной «вызов» для банковской системы страны был определен как раз набором внешних факторов влияния, заключавшихся в создании набора определенных условий, которые должны были не только ограничить участие России на мировом финансовом рынке, но и, по мнению некоторых зарубежных экспертов и аналитиков, сделать страну банкротом, полностью зависящим от деятельности западных стран и США [1].

За всю историю ни одна страна в мире не находилась под таким количеством санкций. В некоторых средствах массовой информации их еще называют «пакетными» санкциями, поскольку они принимались комплектами, включавшими в себя сформированный перечень ограничений по различным сферам и отраслям деятельности.

Интересен тот факт, что даже зарубежные эксперты отмечают, как более чем достойно Россия реагирует на санкционную политику, преимущественно Западной Европы и США: в некоторых случаях в ход идут ответные санкции, в других начинает работать процедура адаптационных механизмов, что чаще всего и происходит применительно к российскому банковскому сектору. В любом случае нельзя однозначно говорить о негативном влиянии санкций, одним из несомненных плюсов является усиление самостоятельности нашей страны по многим направлениям развития, в том числе и в финансовой сфере [2].

Теоретический анализ

Исследование санкционной политики, ограничивающей развитие банковского сектора России, необходимо начать с рассмотрения непосредственно терминов «санкция» и «санкционная политика», а также предпосылок их введения и ключевых характеристик. Под санкциями, как правило, понимается набор или комплекс мероприятий, которые применяются в качестве наказания за нарушения неких установленных

правил. Зачастую данные мероприятия выражаются в запретительных мерах по отношению к чему-либо или кому-либо. Запреты могут касаться физических и юридических лиц, сферы деятельности, отрасли, целого государства и т. д. [3]. Первые санкции были экономическими и успешно применялись еще до нашей эры греками, ограничивая возможность торговли между купцами разных городов.

Процесс осуществления или претворения санкций в реальную жизнь происходит через «санкционную политику». Санкционная политика государств прошлого века в большей степени была направлена на военные сдерживания, в том числе против накопления ядерного оружия.

Санкции могут быть индивидуальными и коллективными. В первом случае отдельно взятая страна вводит некие ограничения по отношению к другой (например, США по отношению к России), во втором их вводит объединенная группа стран (например, страны ЕС по отношению к России).

В настоящее время большинство санкций носит экономический характер, чаще всего торговый или финансовый, особенно в отношении России. В некоторых случаях можно даже отчетливо увидеть, что санкции используются в качестве альтернативы военного конфликта, основной целью в обоих случаях является ослабление государства, а произойти это может и при дефолте национальной экономики и ее последствиях.

Санкции, по мнению многих экспертов, применяются к странам, которые нарушают принципы демократии. Однако, к сожалению, в современном мире понятие демократии, и особенно ее принципы, стали толковаться слишком широко и, таким образом, как это выгодно той или иной стороне или стране. Санкции превратились в триггер для всего мирового финансового рынка, выступая эффективным инструментом влияния на отношения между странами, заменяя дипломатию как таковую [4].

В современном мире активная санкционная политика по отношению к нашей стране началась в 2014 г., когда произошло присоединение Крыма к России. Затем некоторые санкции были введены в 2015 г., когда Россию обвинили в кибератаках на финансовую сферу США. Далее в 2017 г. были введены некоторые ограничения на РФ за поддержку Сирии и Венесуэлы [5].

Часть российских банков, между прочим, попали под санкции еще в период с 2014 по 2017 г. (например, СМП Банк, РНКБ, Моссоцбанк, Сетелем Банк (Драйв Клик Банк),

Генбанк, Черноморский банк развития и реконструкции, Индустриальный Сберегательный Банк, Росэксимбанк).

В 2018 г. следствием громкого дела «отравление Скрипалей» стало применение санкций, преимущественно связанных с экспортом некоторых групп товаров. И так, уже на данном этапе можно наблюдать активное желание «недружественных» стран снизить влияние России на международной арене.

И если до 2022 г. прямые санкции против банковского сектора касались только Крыма, в частности, зарубежные банки ограничили любые транзакции с банками, находящимися на полуострове, а также там перестали работать карты

двух самых крупных платежных систем, Visa и Mastercard, то после начала специальной военной операции в феврале 2022 г. началась активная санкционная фаза уже по отношению ко всем сферам функционирования и отраслям страны, в том числе против банковского сектора.

Все санкции, в том числе и в отношении банковского сектора, можно условно разделить на две группы: блокирующие и секторальные (рис. 1). Блокирующие ведут к заморозке активов и запрещают любые операции с физическими или юридическими лицами из санкционного списка. Секторальные ограничивают только некоторые направления деятельности компании, попавшей под такие санкции.

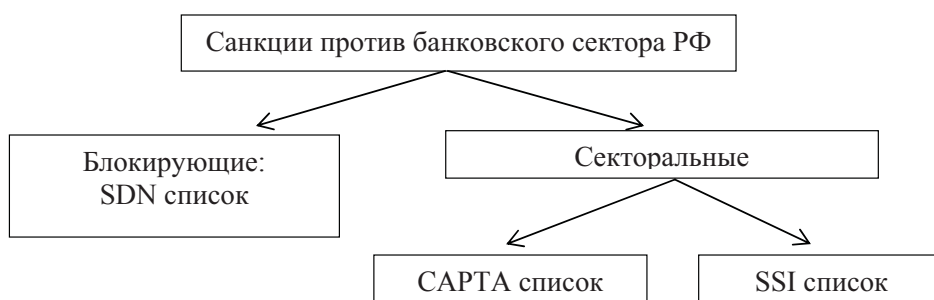

Рис. 1. Виды санкций против банковского сектора РФ
 Fig. 1. Types of sanctions against the banking sector of the Russian Federation

Рассмотрим каждый из списков более подробно.

1. SDN список (Specially Designated Nationals – «специально назначенные лица»). Против банков, включенных в данный список, применяют самые жесткие блокирующие санкции, а именно активы банка в Америке полностью замораживаются, нельзя использовать в расчетах ни с кем американскую валюту. Также нельзя покупать иностранные акции и валюту через брокеров этих банков. Таких банков сейчас 42 (по данным на начало октября 2023 г.).

2. CAPTA список (The Correspondent Account or Payable-Through Account Sanctions List) – санкционный список корреспондентских счетов или счетов с оплатой через них. Данный список ведется Управлением по контролю за иностранными активами Министерства финансов США (OFAC). Он идентифицирует иностранные финансовые учреждения, которым запрещено или каким-либо образом ограничено ведение корреспондентского счета или счета с оплатой через посредника в Соединенных Штатах. Корреспондентские банковские счета позволяют национальным банкам осуществлять платежи иностранным банкам или получать платежи от

них в соответствии с соглашением, а расчетные счета – это счета, через которые банки, расположенные в Соединенных Штатах, предоставляют привилегии на выписывание чеков клиентам иностранных банков. Как корреспондентские банковские счета, так и счета с оплатой через банки облегчают обмен денежными средствами и товарами между США и зарубежными странами. В него включены все банки из списка SDN.

3. SSI список (Sectoral Sanctions Identifications) – список идентификаторов секторальных санкций. По сравнению с предыдущими двумя списками, данный вариант является менее жестким. Список SSI не является частью списка специально назначенных граждан (SDN). Однако физические лица и компании, включенные в список SSI, могут также появиться в списке SDN. Против банков вводятся ограничения на сделки с новыми долговыми обязательствами и акциями, а также на заимствования и кредиты, предоставляемые на длительный срок. Ключевая особенность списков SSI – активы банков не замораживаются, а также не запрещается работать с американской финансовой системой. Перечень SSI включает 56 банков (по данным на начало октября 2023 г.).

Далее рассмотрим ключевые особенности пакетов санкций, введенных в отношении банковского сектора страны [6]:

1-й пакет (февраль 2022 г.). Введен за два дня до начала специальной военной операции совместно США и западными странами как ответ на присоединение к РФ четырех новых регионов. Под санкции попали преимущественно банки, которые финансировали оборонную промышленность: ВЭБ, Промсвязьбанк и др.;

2-й пакет (февраль 2022 г.). США начинают вносить в SDN список банки из ТОП-10: ВТБ, «Открытие», Новикомбанк, Совкомбанк. Сбербанк вносят в CAFTA список. ЕС вносят некоторые банки из ТОП-10 в SSI список;

3-й пакет (февраль 2022 г.). Заморозка активов Банка России, половина банков из ТОП-10 были отключены от SWIFT. Международные платежные системы Visa и Mastercard перестают работать в РФ и обслуживать в ней свои карты.

4-й пакет (март 2022 г.). Зарубежные рейтинговые агентства перестают присваивать свои рейтинги российским коммерческим банкам. России запрещено оплачивать долги по госдолгу из замороженных резервов;

5-й пакет (апрель 2022 г.). Расширение SDN, CAFTA и SSI списков. Исключение составляют операции банков, связанные с энергетикой;

6-й пакет (июнь 2022 г.). Расширение SDN списка, отключение Сбербанка от SWIFT;

7-й пакет (июль 2022 г.). Ужесточение санкций против Сбербанка. Расширение SDN, CAFTA и SSI списков. Санкции против платежной системы МИР;

8-й пакет (октябрь 2022 г.). Санкции против организаций, которые могут быть использованы для ухода от уже введенных санкций;

9-й пакет (декабрь 2022 г.). Расширение SDN, CAFTA и SSI списков;

10-й пакет (февраль 2023 г.). Расширение SDN и SSI списков;

11-й пакет (июнь 2023 г.). Расширение SDN, и SSI списков;

12-й пакет (декабрь 2023 г.). В пакет не были включены санкции по отношению к банковскому сектору.

Отдельно хотелось бы остановиться на рассмотрении санкций по отношению к системно значимым банкам РФ. На сегодняшний день их 13, формирование списка таких банков началось после кризиса 2008 г. Особенностью данных кредитных организаций является большой размер их активов, а значит, потенциально при их банкротстве может пострадать и банковская система страны в целом. Данные банки находятся под пристальным вниманием Банка России, который,

в свою очередь, при необходимости будет поддерживать их финансовую устойчивость.

Под санкциями находятся 11 из 13 коммерческих банков, оставшиеся две – Райффайзенбанк и Юникредит Банк – не попали под них по причине того, что обе кредитные организации являются дочерними предприятиями зарубежных компаний. Данная особенность сыграла важную роль при формировании прибыли этих банков в прошлом году. Чистая прибыль российской «дочки» UniCredit по итогам 2022 г. увеличилась с 14,3 млрд руб. в 2021 г. до 56,5 млрд руб., т. е. почти в 4 раза. Райффайзенбанк получил в 2022 г. 141 млрд руб. чистой прибыли – четверо больше, чем годом ранее (38,7 млрд руб.), заняв второе место после Сбербанка. К большому сожалению зарубежных владельцев данных банков, они не смогли получить данную прибыль в виде дивидендов, так как согласно законодательству сейчас есть ограничения на вывод средств в «недружественные» страны, поэтому их дочерние структуры были вынуждены пополнять за счет прибыли собственный капитал. В обоих случаях основная часть прибыли была получена за счет комиссионных доходов за международные переводы, которые были ограничены санкциями у многих других банков РФ.

Эмпирический анализ

В конечном счете нельзя отрицать, что санкции повлияли на все направления деятельности в нашей стране, затронув каждую отрасль и сферу, только в разной степени. Э. Набиуллина отметила, что экономика страны должна структурно перестраиваться в условиях санкций, что и наблюдается в очень интенсивном варианте развития событий. Учитывая большое число санкций и количество коммерческих банков, которые они затронули, в особенности интересен в этом плане временной период начиная с 2022 г., очень актуальным становится вопрос о текущем состоянии банковской сферы страны.

Отрицательная динамика числа кредитных организаций сохраняется приблизительно на одном уровне почти двадцать лет. Снижение их количества началось с 2004 г., когда их число составляло 1329 единиц. Далее ежегодно количество кредитных организаций уменьшалось на 5–7%, и на начало октября 2023 г. их осталось 360 единиц. Интересен тот факт, что в начале 2022 г. их было 370, т. е., наоборот, можно увидеть замедление процесса ликвидации коммерческих банков, что отчасти можно охарактеризовать как некий фактор стабильности банковского сектора РФ.

Один из ключевых показателей, характеризующий финансовую эффективность банковского сектора страны, – это прибыльность коммерческих банков. Вот в данном вопросе санкции оказали свое отрицательное влияние. На рис. 2 приведены статистические данные Банка России по показателю «Прибыль банковского сектора» в период с 2019 по 2023 г. (про-

гнозное значение), приведенные в совокупности с показателем «Рентабельность собственного капитала» (ROE). Видно, как в 2022 г. сильно упала прибыль коммерческих банков. При этом прогнозные значения Банка России были значительно хуже, и по итогам года банковский сектор вышел в +0,2 трлн руб., хотя прибыль в первом полугодии 2022 г. была отрицательной.

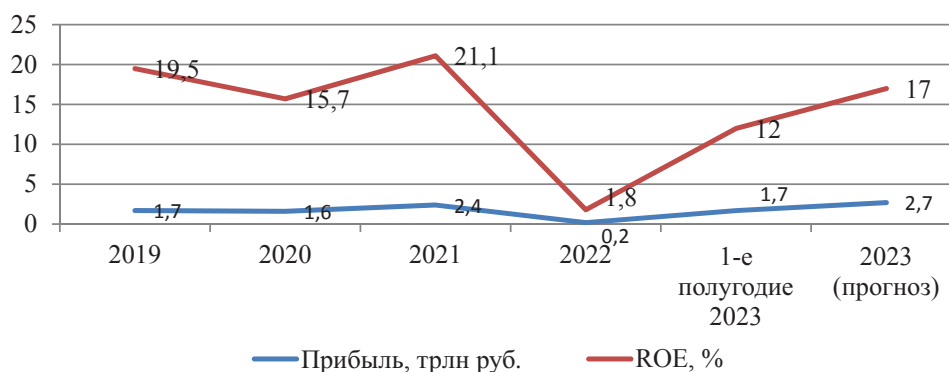

Рис. 2. Динамика показателей прибыли и рентабельности банковского сектора РФ с 2019 по 2023 г. (прогноз) (сост. по: [7]) (цвет онлайн)

Fig. 2. Dynamics of profit and profitability indicators of the banking sector of the Russian Federation from 2019 to 2023 (forecast) (compiled to: [7]) (color online)

Среди факторов, обуславливающих сложившуюся ситуацию, можно выделить, во-первых, ажиотажное и масштабное снятие валюты населением со своих счетов в коммерческих банках, из-за чего у кредитных организаций образовалась так называемая валютная яма и им пришлось покупать валюту по невыгодному и завышенному на тот момент курсу. Во-вторых, те банки, активы которых были размещены за рубежом, также начали терпеть убытки из-за заморозки, к ним относятся деньги, акции, недвижимость и т. д. В-третьих, не стоит забывать про валютную переоценку, она тоже внесла значительные отрицательные коррективы в прибыльность коммерческих банков в 2022 г.

Основная прибыль банковского сектора складывается из прибыли системно значимых банков, их суммарный размер активов достигает порядка 78 % от всех активов кредитных организаций в стране. На рис. 3 показано соотношение размеров активов системно значимых банков и их прибыли, полученной в 2022 г. Необходимо отметить, что на рисунке не представлены данные Промсвязьбанка, единственного из всех системно значимых банков, кто официально не разместил свою отчетность за 2022 г. Это связано с тем, что банк работает на оборонный комплекс страны, и засекретил данные в целях снижения санкционных рисков.

Из всех рассматриваемых банков только два получили убыток за 2022 г.: ВТБ и Альфа-Банк. У Альфа-Банка отрицательная прибыль была получена по причине заморозки зарубежных активов, а у ВТБ – из-за валютной переоценки и покупки банка «Открытие» в декабре 2022 г. У Райффайзенбанка и «Юникредит», наоборот, прибыль выросла по сравнению с 2021 г., причины были указаны ранее в данной статье. Остальные системообразующие банки получили меньшую относительно 2021 г. прибыль.

Одной из наиболее серьезных санкций по отношению к банковскому сектору России стало отключение некоторых коммерческих банков от системы SWIFT. Важность данной системы для нашей страны заключалась в возможности отправлять валютные переводы и тем самым обеспечивать эффективную финансовую коммуникацию. Интересный факт: до Российской Федерации был только один случай отключения всех коммерческих банков от данной системы в рамках совместных санкций США и ЕС – против Ирана в 2012 г. Некоторые банки официально отключены от SWIFT, некоторые хотя по факту и не отключали, но сталкиваются со значительными проблемами при отправке международных переводов. Из ТОП-10 банков не отключенным от SWIFT является только Газпромбанк. Причина такого поведения со стороны Запада проста и

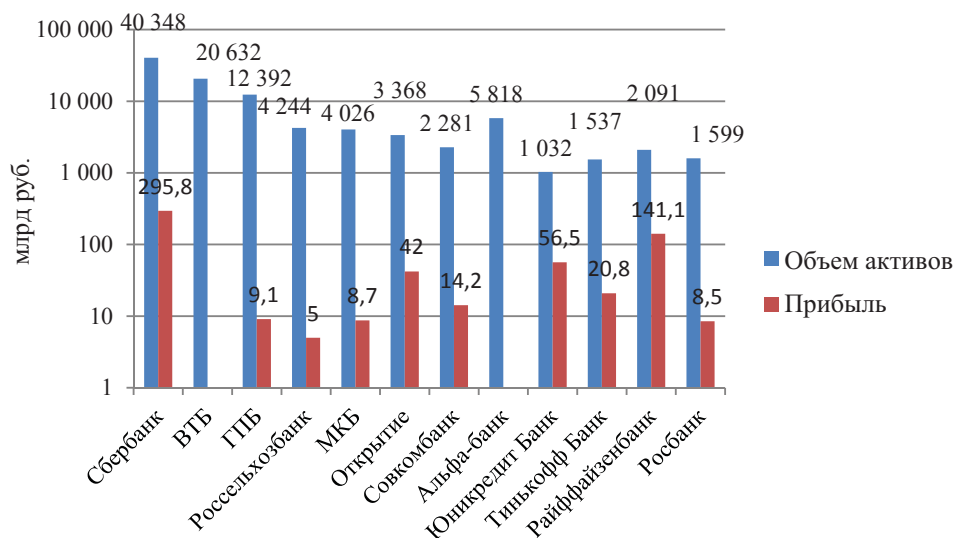

Рис. 3. Динамика объемов активов и прибыли системно значимых банков в 2022 г. (сост. по: [8–10]) (цвет онлайн)
Fig. 3. Dynamics of assets and profits of systemically important banks in 2022, billion rubles (compiled to: [8–10]) (color online)

очевидна, по указу Президента России все расчеты за газ с недружественными странами должны проводиться в рублях исключительно через ГПБ посредством открытия в нем счетов для иностранных компаний. Официально данных о числе таких открытых счетов нет, так как часть компаний пожелали остаться инкогнито. Наиболее востребованными кредитными учреждениями, работающими со SWIFT и трансграничными переводами, в настоящее время являются Солид Банк, Райффайзенбанк и Цифра Банк.

Отключение банков от SWIFT (а также возникшие проблемы в тех банках, которые не были отключены официально) привело к увеличению сроков и стоимости осуществления международных платежей, массовым сбоям при отправке, многие инвесторы отказались от установления партнерских отношений с Россией. И если для физических лиц проблемы были не такие масштабные, то для юридических, работающих по международным контрактам, осуществлять международные расчеты стало затруднительно. Такие юридические лица были вынуждены переходить на обслуживание в те банки, которые могли обеспечивать им переводы за рубеж, что привело к перетоку капиталов между российскими банками.

Стоит подчеркнуть, что возможность совершения международных платежей для отключенных банков не исчезла. Технически банки могут проводить международные транзакции без использования SWIFT, но это сложно, дорого и требует взаимного доверия между организациями.

Нельзя сказать, что Россия не была готова к возможному отключению, так как слухи об этой ситуации появились еще раньше. В связи с этим Банк России разрабатывал возможную альтернативную систему – Систему передачи финансовых сообщений (СПФС). В апреле 2022 г. ЦБ РФ принял решение о закрытии публичного доступа к сведениям об участниках СПФС. На то время к системе уже была подключена 331 организация, в том числе некоторые банки ближнего зарубежья: Белоруссии, Армении и Киргизии.

Помимо СПФС в России также можно использовать китайскую систему CIPS для международных расчетов в юанях. В 2022 г. ЦБ РФ и Центробанк Ирана связали российскую СПФС с иранским аналогом SEPAM. Также по данному направлению можно сказать, что процесс адаптации идет стабильно и эффективно.

Еще одним фактором взаимосвязи санкций и состояния национального банковского сектора стала инфляция. После начала СВО на уровень инфляции в нашей стране стали оказывать влияние так называемые немонетарные факторы, к которым необходимо отнести, прежде всего, пакетные санкции со стороны западных стран и США. Первый скачок инфляции был обусловлен падением обменного курса рубля и ажиотажным спросом на валюту. Значительные ограничения изменили предложение на отраслевых рынках, что также подхлестнуло инфляцию на фоне ускоренного роста мировых цен на нефть и газ. Стремительное увеличение уровня инфляции крайне негативно

сказывается на экономическом росте. Одним из инструментов денежно-кредитной политики по приведению инфляции к нормативному значению (по мнению ЦБ – 4%) является варьи-

рование ключевой ставки. На рис. 4 показано сопоставление уровня инфляции, ее целевого значения и ключевой ставки с начала 2022 г. по сентябрь 2023 г.

Рис. 4. Сопоставление уровня инфляции, ее целевого значения и ключевой ставки с начала 2022 г. по сентябрь 2023 г. (сост. по: [8–10]) (цвет онлайн)

Fig. 4. Comparison of the inflation rate, its target value and the key rate from the beginning of 2022 to September 2023 (compiled to: [8–10]) (color online)

Как видно из данных рис. 4, политика Банка России направлена на возвращение инфляции к цели в любой ситуации. Увеличение ключевой ставки летом 2023 г. произошло, прежде всего, по причине повышения уровня инфляции и снижения перспектив в ближайшее время вернуться к целевому значению в 4%.

Одним из обязательных негативных факторов, которые сопровождают повышение ключевой ставки, является удорожание кредитов. Рассмотрим показатели корпоративного и потребительского кредитования с начала 2022 г. по сентябрь 2023 г. Динамика корпоративного кредитования представлена на рис. 5.

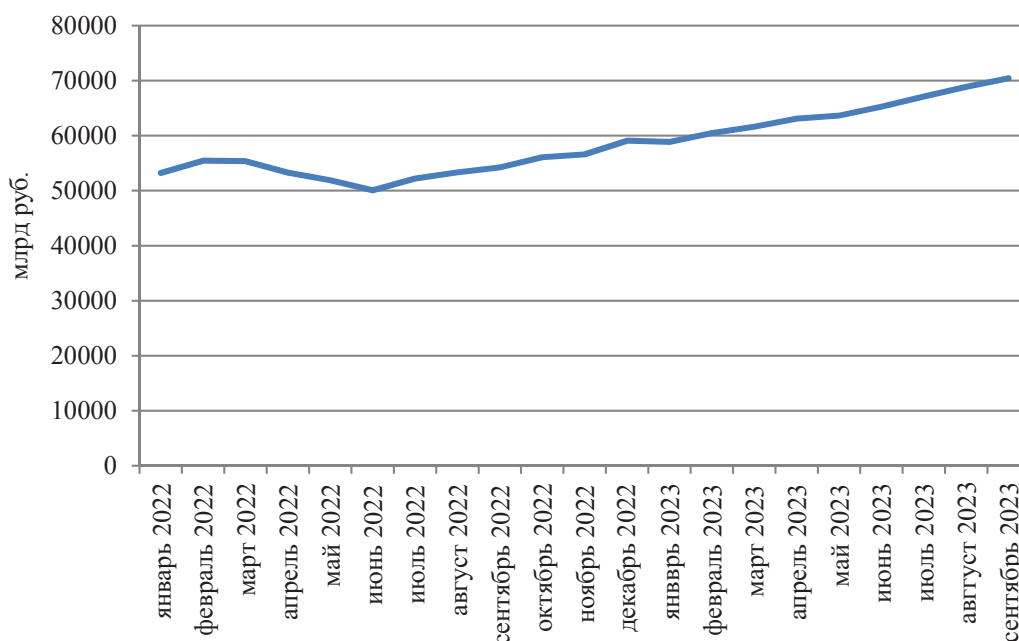

Рис. 5. Динамика корпоративных кредитов коммерческих банков (сост. по: [8–10])

Fig. 5. Commercial banks' corporate loans dynamics (compiled to: [8–10])

Как видно из данных рис. 5, выдача кредитов юридическим лицам происходит достаточно стабильно, не видно спада в связи с началом СВО и дальнейшими санкциями, наоборот, с лета 2022 г. отмечен небольшой, но постоянный прирост, который обеспечивался, прежде всего, кредитными заявками нефтегазовых, горнодобывающих и телекоммуникационных компаний. Общий прирост в 2022 г. составил 14,3% (по сравнению с 11,7% в 2021 г.). Какие основные факторы, которые способствовали недопущению упадка в корпоративном кредитовании? Прежде всего, господдержка кредитования системообразующих предприятий, наращивание проектного жилищного строительства, финансирование внутренних инвестиционных проектов, направленных на импортозамещение. Также российские компании активно девальютизируют свои кредиты в иностранной валюте в рублевые.

В 2023 г. рост корпоративного кредитования продолжился, основными причинами стали те же, что и в 2022 г., однако помимо них увеличение кредитного корпоративного портфеля произошло также из-за покупки бизнеса у иностранных компаний, уходящих с российского рынка.

По поводу кредитов физических лиц в своем выступлении летом 2023 г. на видео-пресс-конференция Председателя Банка России по итогам заседания совета директоров Э. Набиуллина сказала: «Сегмент [розничного кредитования] сильно просел в прошлом году, но сейчас... восстанавливается быстро, и важно, чтобы он не рос быстрее, чем растут доходы людей».

Кредитование физических лиц целесообразно рассмотреть как в общей совокупности кредитного портфеля, так в разрезе входящих в него ключевых элементов, таких как потребительское кредитование и ипотека (рис. 6).

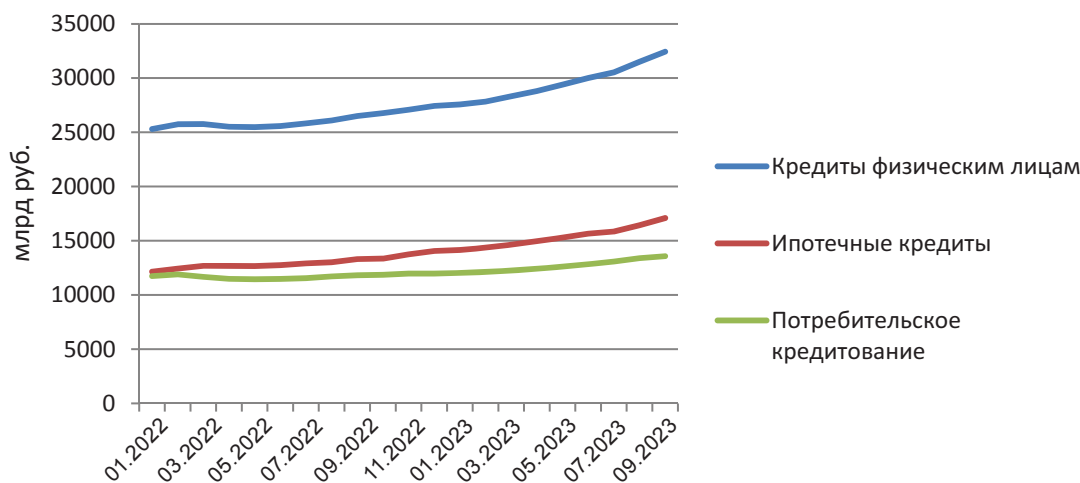

Рис. 6. Динамика кредитов физическим лицам коммерческих банков (сост. по: [8–10]) (цвет онлайн)
Fig. 6. Dynamics of commercial banks' loans to individuals (compiled to: [8–10]) (color online)

Около половины всех кредитов для физических лиц приходится на ипотеку, чуть меньше – на потребительское кредитование, порядка 4% приходится на автокредитование. Потребительское кредитование к концу 2022 г. увеличилось всего на 3%, что значительно ниже прироста в 20% годом ранее. Причинами такого небольшого роста стала незначительная отрицательная динамика весной 2022-го, когда население вело в отношении кредитов выжидательную позицию, и ужесточение кредитной политики со стороны Банка России осенью 2022 г. В 2023 г. объемы потребительского кредитования также продолжают расти, только на фоне увеличения ставок и некоторого замедления потребительской активности темп прироста

снижается. Также необходимо отметить и регуляторные изменения со стороны Банка России. С 1 сентября 2023 г. повышены макронадбавки к коэффициентам риска по высокорискованным кредитам: главным образом, изменения касаются кредитов с показателем «Полная стоимость кредита» >50% и «Показатель долговой нагрузки» >25%, что точно так же в ближайшей перспективе однозначно отразится на объемах кредитования физических лиц.

Что касается ипотечного кредитования, то, по итогам 2022 г., здесь также произошел рост, только значительно больше 20,4%. Такой рост был обусловлен наличием многочисленных льготных программ, частично субсидируемых государством, в связи с чем рост ключевой

ставки на них не отразился. В 2023 г. рост числа ипотечных кредитов и объемы их выдачи также продолжили активно расти, опять же преимущественно за счет госпрограмм. Причины роста объясняются желанием населения оформить ипотеку до повышения первоначального взноса по льготным программам, а также вероятного повышения процентных ставок и стоимости жилья [11].

На фоне ухода Visa и Mastercard из России произошло стремительное развитие не только национальной платежной системы МИР и увеличение числа транзакций через систему быстрых переводов (СБП). Карты ушедших платежных систем, выпущенные российскими банками, по-прежнему работают в России. Но за границей и в иностранных онлайн-магазинах расплатиться ими нельзя. Карточные операции в России, по итогам 2022 г., увеличились на 11,0% по количеству и на 16,0% по объему. Возросла значимость карт «Мир», эмиссия которых за год увеличилась в 1,6 раза, до 182,3 млн карт на 1 января 2023 г.

Проект Банка России – СБП – продолжил активно развиваться. Число пользователей СБП в 2022 г. выросло на 37 млн чел. и достигло 81 млн, количество операций увеличилось в 3,5 раза, объем – в 2,9 раза.

Результаты

Проведенный анализ банковского сектора в России, находящегося под влиянием многочисленных санкций, постоянно трансформируется, что позволяет ему успешно адаптироваться к возможным рискам. Банк России проводит эффективную работу по стабилизации экономики и банковского сектора, снижению уровня угроз, связанных с уже имеющимися санкциями и их последствиями. Показатели банковского сектора в 2022 г. значительно снизились по сравнению с данными предыдущего года, что было ожидаемо.

Адаптация банковского сектора в 2022 г. и, по сути, отсутствие серьезных новых санкций по отношению к нему в 2023 г. стали причиной активного роста всех банковских показателей, а прогнозы как самого Банка России, так и многочисленных российских экспертов – значительно оптимистичнее. В июне 2023 г. аналитики предполагали, что банковский сектор может заработать по итогам года свыше 2 трлн руб., а уже к концу сентября прогнозируемая сумма увеличилась до 3 трлн руб. Основные причины изменения прогноза – значительная маржа (годовой прогноз повышен до 4,3–4,5%), она позволяет

компенсировать потенциальное замедление роста активов, увеличение комиссионных доходов коммерческих банков и высокие фактические показатели начала года (1,7 трлн руб. за полгода, в том числе из-за валютной переоценки на фоне ослабления рубля [12]). Валютная переоценка стала для многих банков одним из ключевых направлений формирования прибыли, так как в начале года курс был значительно ниже, чем сейчас, и предпосылок для большого отката курса назад пока нет. Большую часть прибыли, как это было и в прошлые годы, получают крупнейшие банки страны – Сбербанк и ВТБ. По прогнозам, суммарная прибыль системно значимых банков составит три четверти всех доходов банковского сектора в 2023 г.

Список литературы

1. Семено Г. В. Банковский сектор России в условиях международных санкций // Экономические и социальные проблемы России. 2023. № 2 (54). С. 106–129.
2. Зимовец А. В., Климачев Т. Д. Анализ и оценка сценариев социально-экономического развития России в условиях санкционной блокады и непредсказуемости глобальных трендов мировой экономики // Экономические отношения. 2023. Т. 13, № 1. С. 181–202. <https://doi.org/10.18334/eo.13.1.117207>, EDN: ONHAKM
3. Титова Н. Ю., Коркишко Е. А., Рыбина Е. Е. Влияние международных санкций на обеспечение устойчивости банковской системы РФ // Финансовые исследования. 2022. № 2 (75). С. 9–21. <https://doi.org/10.54220/finis.1991-0525.2022.75.2.002>, EDN: OLXAQC
4. Ковалева Е. Г., Корсачева Е. А., Васильев И. И. Влияние антироссийских санкций на банковскую систему РФ. Меры поддержки Центральным Банком России банковского сектора в связи с антироссийскими санкциями // Финансовые рынки и банки. 2022. № 11. С. 25–29.
5. Зимовец А. В., Сорокина Ю. В., Ханина А. В. Комплекс предложений по защите экономики России от санкций стран Запада на макро-, мезо- и микроуровне // Экономические отношения. 2022. Т. 12, № 2. С. 195–214. <https://doi.org/10.18334/eo.12.2.114792>, EDN: KZLOCK
6. Информация о введенных санкциях в отношении Российской Федерации // Торгово-промышленная палата Российской Федерации. URL: https://uslugi.tpprf.ru/ru/sanctions_2022/ (дата обращения: 17.11.2023).
7. Доронкин М. Банковский сектор. Аналитический комментарий // NCR. URL: https://ratings.ru/files/research/banks/NCR_BanksOutlook_Apr2023.pdf (дата обращения: 17.11.2023).
8. О развитии банковского сектора в декабре 2022. Информационно-аналитический материал. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43685/razv_bs_22_12.pdf (дата обращения: 17.11.2023).

9. О развитии банковского сектора в июне 2023 года. Информационно-аналитический материал. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/45179/razv_bs_23_06.pdf (дата обращения: 17.11.2023).
10. О развитии банковского сектора в сентябре 2023 года. Информационно-аналитический материал. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/46509/razv_bs_23_09.pdf (дата обращения: 17.11.2023).
11. Синиченко О. А. Особенности льготного ипотечного кредитования в России // Вектор экономики : электронный научный журнал. 2020. № 9 (51). URL: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2020/9/financeandcredit/Sinichenko.pdf> (дата обращения: 17.11.2023).
12. Шерункова О. У банков троятся триллионы // Коммерсантъ : [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6238366?ysclid=loigpdb6ru568949605> (дата обращения: 17.11.2023).

References

1. Semeko G. V. Russia's banking sector under international sanctions. *Economic and Social Problems of Russia*, 2023, no. 2 (54), pp. 106–129 (in Russian).
2. Zimovets A. V., Klimachev T. D. Analysis and assessment of scenarios for Russia's socio-economic development under the sanctions embargo and unpredictable global economic trends. *Ekonomicheskie otnosheniya*, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 181–202 (in Russian). <https://doi.org/10.18334/eo.13.1.117207>, EDN: ONHAKM
3. Titova N. Yu., Korkishko E. A., Rybina E. E. The impact of international sanctions on the sustainability of the Russian banking system. *Financial Research*, 2022, no. 2 (75), pp. 9–21 (in Russian). <https://doi.org/10.54220/finis.1991-0525.2022.75.2.002>, EDN: OLXAQC
4. Kovaleva E. G., Korsacheva E. A., Vasilyev I. I. The impact of anti-Russian sanctions on the banking system of Russian Federation. Measures, taken by the Central Bank of Russia to support the banking sector due to anti-Russian sanctions. *Financial Markets and Banks*, 2022, no. 11, pp. 25–29 (in Russian).
5. Zimovets A. V., Sorokina Ya. V., Khanina A. V. A set of proposals to protect the Russian economy from Western sanctions at the macro-, mesoand micro-levels. *Ekonomicheskie otnosheniya*, 2022, vol. 12, no. 2, pp. 195–214 (in Russian). <https://doi.org/10.18334/eo.12.2.114792>, EDN KZLOCK
6. Information about the sanctions imposed on the Russian Federation. *Torgovo-promyshlennaya palata Rossiyskoy Federatsii* (Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation). Available at: https://uslugi.tpprf.ru/ru/sanctions_2022 (accessed November 17, 2023) (in Russian).
7. Doronkin M. Banking sector. Analytical commentary. *NCR*. Available at: https://ratings.ru/files/research/banks/NCR_BanksOutlook_Apr2023.pdf (accessed November 17, 2023) (in Russian).
8. *O razvitii bankovskogo sektora v dekabre 2022. Informatsionno-analiticheskiy material* (On the development of the banking sector in December 2022. Informational and analytical material). Available at: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43685/razv_bs_22_12.pdf (accessed November 17, 2023) (in Russian).
9. *O razvitii bankovskogo sektora v iyune 2023. Informatsionno-analiticheskiy material* (On the development of the banking sector in June 2023. Informational and analytical material). Available at: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/45179/razv_bs_23_06.pdf (accessed November 17, 2023) (in Russian).
10. *O razvitii bankovskogo sektora v sentyabre 2023. Informatsionno-analiticheskiy material* (On the development of the banking sector in September 2023. Informational and analytical material). Available at: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/46509/razv_bs_23_09.pdf (accessed November 17, 2023) (in Russian).
11. Sinichenko O. A. Features of preferential mortgage lending in Russia. *Vektor ekonomiki: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Vector of Economics: Electronic scientific journal], 2020, no. 9 (51). Available at: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2020/9/financeandcredit/Sinichenko.pdf> (accessed November 17, 2023) (in Russian).
12. Sherunkova O. Trillions of banks are tripled. *Kommersant*. Site. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6238366?ysclid=loigpdb6ru568949605> (accessed November 17, 2023) (in Russian).

Поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 10.12.2023; принята к публикации 15.12.2023
The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 10.12.2023; accepted for publication 15.12.2023

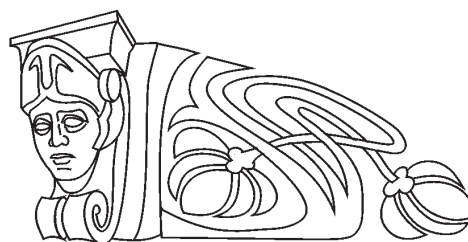

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 21–28
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 21–28
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-21-28>, EDN: ZPPIRT

Научная статья
УДК 331.1

Роль человека в постиндустриальной экономике

В. К. Вахитов

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Вахитов Виталий Камилевич, аспирант кафедры менеджмента организации, kvvahitov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0946-7879>

Аннотация. Введение. Масштабные процессы развития информатизации в последние десятилетия обуславливают необходимость и возможность для переосмысления роли и значения человека в современном обществе, определения его места в экономической системе, повышения роли в деятельности организации. **Теоретический анализ.** Проведен обзор основных тенденций развития постиндустриальной экономики и ее характеристик как типа общества с преобладанием инновационных, прогрессивных научных и постиндустриальных компонентов в структуре экономики и перераспределением структуры занятого населения от промышленности к сфере услуг. Рассмотрены основные факторы, влияющие на повышение значимости личности (человека) в организации в системе постиндустриальной экономики. **Результаты.** В постиндустриальной экономике ключевым ресурсом становится человеческий капитал, и роль человека претерпевает существенные изменения под воздействием технологического прогресса, роста знаниеемких секторов экономики, автоматизации и изменений в структуре производства. Важным фактором становится способность к обучению, адаптации и развитию навыков, соответствующих современным требованиям постиндустриальной экономики. Роль человека не исчезает, она эволюционирует, и его способность к адаптации и инновациям становится определяющим фактором в успехе организаций и экономического прогресса в постиндустриальной эпохе.

Ключевые слова: индустриальная экономика, постиндустриальная экономика, человек, трансформационные процессы, организация

Для цитирования: Вахитов В. К. Роль человека в постиндустриальной экономике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 21–28. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-21-28>, EDN: ZPPIRT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Human role in post-industrial economy

V. K. Vakhitov

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Vitaliy K. Vakhitov, kvvahitov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0946-7879>

Abstract. Introduction. Large-scale processes of informatization development in recent decades determine the need and opportunity to reconsider the role and importance of the human in modern society, determine his place in the modern economic system, and increase his role in the activities of the organization. **Theoretical analysis.** A review of the main trends in the development of post-industrial economy and its characteristics as a type of society with a predominance of innovative, progressive scientific and post-industrial components in the structure of the economy and a redistribution of the employed population structure from industry to the service sector is carried out. The main factors influencing the increase in the importance of the individual (person) in an organization in the system of post-industrial economy are considered. **Results.** In post-industrial economy, human capital becomes the key resource, and the role of the human is undergoing significant changes under the influence of technological progress, the growth of knowledge-intensive sectors of the economy, automation and changes in the structure of production. An important factor is the ability to learn, adapt and develop skills that meet the modern requirements of post-industrial economy. The human role does not disappear, it evolves, and its ability to adapt and innovate become determining factors in the success of organizations and economic progress in the post-industrial era.

Keywords: industrial economy, post-industrial economy, human, transformation processes, organization

For citation: Vakhitov V. K. Human role in post-industrial economy. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 21–28 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-21-28>, EDN: ZPPIRT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Масштабные процессы развития и массового применения в повседневной жизни новых информационных технологий, а также вовлечение развитых стран в абсолютно новую постиндустриальную стадию социально-экономического развития, произошедшие во второй половине прошлого столетия, обрели значительный охват и предоставили необходимость и возможность для переосмысления роли и значения человека в современном обществе, определения его места в современной экономической системе, повышения роли в деятельности организации с возможностью исследования и анализа экономических, социальных и правовых аспектов и его интеграции в современное общество.

Сложность данных вопросов связана с незавершенностью процесса перехода от индустриального общества к постиндустриальному, что определено незавершенностью социально-экономических изменений и трансформационных процессов, оказывающих непосредственное влияние и на организацию как основную экономическую единицу современной экономики, и на роль человека в ней.

Для осмысления современного развития следует проанализировать основные тенденции развития современного информационного общества и усиление роли человека в организации и в обществе.

Теоретический анализ

Интерес к проблемам информационного общества появился достаточно давно. Еще в середине XX в. получили развитие концепции, ориентированные на понимание не только прошлого и настоящего, но и будущего. Исследования преобразований в производственной сфере постепенно сформировали основу теории постиндустриального общества.

Разные экономисты дают различные трактовки индустриального и постиндустриального общества. Большой вклад в развитие концепции постиндустриального общества внесли исследования профессора Гарвардского университета Д. Белла в работе «Грядущее постиндустриальное общество» и испанского социолога-постмарксиста М. Кастельса в работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [1, 2].

Индустриальное общество принято трактовать как общество с определяющим ядром в виде промышленности и главными структурными

составляющими в виде организации и корпорации. Единой трактовки постиндустриального общества пока не сформировано, на наш взгляд, в связи с незавершенностью процесса его формирования, что только усиливает научный интерес к заданной проблематике. На изменение всех сфер человеческой жизнедеятельности влияют экспоненциальный темп развития науки и техники, активное внедрение инноваций, новые технологические процессы, автоматизация и информатизация, рост интеллектуализации хозяйственной деятельности и доли знаниеемких секторов экономики, что делает особенно значимым исследование проблем постиндустриального общества [3–5].

Происходящие трансформационные процессы и социально-экономические изменения, обусловленные научно-техническим, информационным и инновационным развитием экономики, способствовали смещению ценностных ориентиров менеджмента организации в сторону научно-исследовательского развития и повышения роли человека в структуре организационного управленческого процесса [6].

Велико влияние трансформационных процессов, происходящих в постиндустриальном обществе, на роль человека в производственных и социальных сферах. Постиндустриальная экономика характеризуется быстрыми изменениями и нестабильностью. Люди, способные быстро адаптироваться к новым условиям, обучаться новым технологиям и менять свои навыки в соответствии с требованиями рынка, более успешны. Особое внимание уделяется проблемам обучения и переквалификации рабочей силы, необходимой для эффективной работы в новых условиях.

В постиндустриальной экономике важным ресурсом становятся знания. Люди, обладающие высоким уровнем образования, специализированными навыками и способностью быстро учиться, имеют преимущество. Образование становится ключевым фактором конкурентоспособности индивида и общества в целом.

Изменения в организационной структуре в постиндустриальной экономике, включая переход к гибким и адаптивным системам управления, делают человека центральным элементом организационных процессов, и его роль как интеллектуального и творческого ресурса приобретает все большее значение.

С начала 70-х гг. XX в. управление персоналом, а также весь комплекс управленческих процессов и система организационного управления

ощутили на себе воздействие этих серьезных трансформационных процессов. В основном эти процессы были обусловлены вхождением многих государств, имеющих развитую и эффективно функционирующую промышленную отрасль экономики, в постиндустриальную стадию развития. С позиции заданной проблематики нам крайне интересно будет и исследование информационных технологий, и формирование информационного и телекоммуникационного пространства в плане взаимодействия человека и организации, а также введенный с недавнего времени в период пандемии коронавирусной инфекции практически массовый дистанционный режим работы как абсолютно новое явление в экономической системе и менеджменте [7].

Информационные и телекоммуникационные технологии расширяются, несут в себе все более глобальный характер и способствуют созданию единого инфокоммуникационного пространства, вырабатывающего свои экономические, социальные и правовые правила и нормы поведения, существования и развития.

В условиях постиндустриального общества ввиду предоставленной возможности смены единого строгого территориально-временного пространства на новое информационно-коммуникационное формируется отрыв социально-правовых и экономико-трудовых, в том числе управленческих отношений, от локального пространства в сторону смещения к транснациональному социально-экономическому пространству. Это позволяет говорить о трансформации социально-экономических отношений и взаимодействии человека и организационной структуры.

Исследуя особенности развития постиндустриального общества, следует, на наш взгляд, определить человека в качестве основной движущей силы управления организационными процессами, способного быть интегрированным в информационно-коммуникационное пространство, независимое от основных общественных, экономических, социальных, правовых норм и институтов.

Развитие глобальных сетей во взаимодействии с развитием мировых интеграционных процессов, информационно-коммуникационных технологий влечет за собой ослабление и развал ограничений и барьеров социальных, экономических, правовых, политических, что в конечном счете определяет укрепление связей человека с информационным контентом, которое находит отражение во всех процессах взаимодействия

человека и экономической системы [8]. Тот факт, что постиндустриальное общество динамично развивается и постоянно находится под воздействием трансформационных процессов, подталкивает и человека к проблеме выбора стратегии его нахождения в конкретной социально-экономической среде.

Постиндустриальное общество, с позиции автора, следует трактовать в экономической политике как тип общества с преобладанием инновационных, прогрессивных научных и индустриальных компонентов в структуре экономики, с высоким уровнем промышленного производства, ориентированного на использование инноваций, и перераспределением структуры занятого населения от промышленности к сфере услуг.

В структуре постиндустриального общества происходит перераспределение нагрузки с реализации потребностей конечных потребителей за счет промышленного производства и одновременного снижения прироста его элементов к увеличению научных, инновационных, качественных, прогрессивных аспектов. Среди них следует выделить: креативный подход, способность к обучению, повышение квалификации и уровня профессионализма. И, конечно же, основным движущим элементом постиндустриального общества выступает человек – профессионал, с высоким уровнем образования, обладающий научным потенциалом, опытом эффективной работы, творческими способностями к реализации различных проектов, высоким уровнем способности к обучению, переподготовки и повышению квалификации в различных сферах инновационной экономики [9].

Постиндустриальное общество отличается от индустриального ростом таких показателей, как инновационная экономика с применением новейших научных разработок и внедрением современных технологий, конкуренция инновационных процессов, производительность труда, уровень жизни населения [10]. Важно отметить, что формирование и развитие постиндустриального общества сопровождается повышением уровня жизни населения, становлением экономики, ориентированной на человеческий фактор, рост его качественной составляющей и инновации, в том числе научные разработки, новейшие технологии и научные знания как основы инновационной экономики. Все эти процессы сформировались и протекали под воздействием различных экономических, политических, социальных факторов.

Основным фактором, оказавшим влияние на усиление позиции человека, в современных производственных процессах выступают, по нашему мнению, кардинальные изменения в структуре труда, связанные с внедрением и использованием новой техники, научных разработок, современных технологий и усовершенствованных методов, и способов реализации производственных процессов.

Кроме того, сама основа и содержание труда трансформировались под воздействием получившего свое развитие с середины XX в. процесса автоматизации производства, что создало серьезную грань между работниками и предметами труда. Основой этой трансформации стали сложные технические механизмы (оборудование и машины), использование которых зародило создание человека в новом статусе в рамках производственных процессов как работника, не отягощенного большей частью простых механических функций, а с определенным научным потенциалом и практическими навыками работы, способного осмысливать поступающую от оборудования, машин и сложной техники информацию.

Также следует выделить трансформационные процессы от автоматизации производства, которые снизили, а где-то и совсем исключили существовавшую ранее зависимость между интенсивностью труда и его производительностью. Вместе с тем полагаем, что новое значение обрели такие функции работников, как поддержание непрерывности или обеспечение бесперебойности работы сложных технологических механизмов (машин и систем агрегатов), техническое обслуживание и наладка современного оборудования. Значимость интеллектуального наполнения труда, а также ответственности, контроля над технологическими процессами и самоконтроля работников возросли и легли в основу постиндустриального общества [11].

На наш взгляд, следует обратить внимание на основные факторы, влияющие на повышение значимости личности (человека) в организации в системе постиндустриальной экономики.

К первому фактору можно отнести глобальные трансформационные процессы в самом содержании труда, основанные на усилении интеллектуализации, научности, индивидуальной и коллективной ответственности работников и персонала, а также контроля работников над организационными и производственными процессами.

Ко второму фактору следует относить процесс изменения уровня и степени контроля над работниками, в том числе в рамках осуществления трудовой деятельности, а также реализации задач в ходе трудового процесса. Развитие информационного блока управленческого процесса позволяет, с одной стороны, усилить контроль над организацией и реализацией организационных процессов и расширить его виды и, с другой – предоставить работникам больше свободы для действий и принятия решений, а также усилить самоконтроль работника.

К третьему фактору можно относить изменения макроэкономического характера, связанные с повышением роли и значения качества продукции и услуг, сопровождаемые ростом показателей мировой рыночной конкуренции в масштабе экономики на макроуровне, а также изменением и динамичным развитием спроса и производственных процессов, ставящих своей целью его удовлетворение.

Четвертый фактор характеризуется внедрением и использованием в современных условиях коллективного формата, подразумевающего многоуровневую систему управления и контроля, в процессе организации труда на уровне отдельной организации и ее структурных подразделений.

К пятому фактору мы относим рост научного, профессионального, образовательного, творческого уровня и потенциала человека (сотрудника) и персонала организации, а также, связанного с этим процесса формирования нового типа личности (работника), ориентированного на профессиональный рост, интеграцию в коллектив и мотивацию корпоративной культуры.

В качестве шестого значимого фактора роста роли личности в постиндустриальном обществе можно рассматривать повышение влияния таких элементов взаимодействия человека и организации, как защита прав работника на производстве и в организации, уважение к личности сотрудника со стороны руководителя и коллег, его чувству собственного достоинства, укрепление его трудовых прав и социальных аспектов деятельности, а также нормативное регулирование этих отношений.

В рамках заданной проблематики также следует обратить особое внимание на человека как на движущий элемент постиндустриального общества, а также на человеческий ресурс в целом и на кадровый потенциал в призма взаимодействия человека и организации в частности.

Все эти факторы, на наш взгляд, определяют процессы формирования новой роли личности в постиндустриальном обществе. Формирование нового типа личности на уровне организации сопряжены с вопросом кадровой политики, включающей в себя процессы обучения, стажировки, адаптации, профессиональной переподготовки, ротации кадров и формирования кадрового резерва [12].

Специфика формирования нового типа личности и развития кадрового резерва в системе организационных и производственных процессов сопровождают развитие постиндустриальной экономики.

Особую роль в формировании существующей в настоящее время экономической системы имело массовое внедрение компьютеров и электронных вычислительных машин в производственные и организационные процессы, произошедшее с начала 80-х гг. XX в. Их внедрение в качестве отдельных единиц, а также в комплексе с прочими производственно-техническими механизмами обеспечило серьезные изменения в самом содержании трудовой функции, а удешевление компьютеров, комплектованных к ним и аналогичных аппаратов, связанное с их массовым внедрением в организационные, технологические и производственные процессы, повлекло за собой следующий этап – автоматизацию и компьютеризацию производственных процессов промышленности и других отраслей современной экономической системы [13]. Именно этот этап и обеспечил человеческий ресурс новым статусом – творческой (креативной), интеллектуальной, научной, исследовательской, развивающейся профессиональной единицы.

Однако сам процесс автоматизации и компьютеризации производственных процессов, наряду с решением определенных задач и проблем посредством усиления роли человека в данном процессе, способствует и возникновению ряда проблемных моментов в сфере управления персоналом организации. Среди них следует выделить снижение силы корпоративной направленности, которая ориентирована на достижение максимального эффекта от функционирования предприятия (организации) за счет прочных межличностных связей, образовавшихся в коллективе, реализующем трудовые обязанности каждый день в одном территориально-обособленном структурном подразделении. Особую роль следует отнести созданию и развитию в коллективе элементов корпоративной куль-

туры и организационной принадлежности, а также мотивации к их стабильному развитию и особому значению. При автоматизации производства вырастают объем и значимость индивидуального характера труда за счет дистанционного формата работы, что, безусловно, на наш взгляд, влечет за собой ослабление мотивационных составляющих корпоративного единства и развития.

В этой связи управление организацией, а также нахождение человека в данной системе и воздействие на него должно быть направлено на снижение этих негативных в определенной мере процессов.

Важными элементами в усилении роли человека в постиндустриальном обществе выступают снижение функции контроля над работником со стороны работодателя и повышение функции самоконтроля со стороны работника, повышение уровня личной и коллективной дисциплины персонала.

Творческий и инновационный подход к организации труда и реализации трудовых функций практически несовместим с функцией текущего контроля в управлении персоналом. Ему на смену здесь приходят ответственность, самоконтроль, повышение таких показателей, как самодисциплина и ответственность сотрудника. Функция контроля руководителя реализуется лишь на уровне конечного результата исполнения поставленной задачи.

Эти процессы, обостряющие противоречие между творчеством и инновациями, с одной стороны, и текущим контролем, с другой, обусловили плацдарм для индивидуальности личности, самостоятельности принятия конкретных решений для исполнения поставленной задачи на уровне как отдельного индивида, так и группы людей. Достижение глобальных целей организации при реализации новых возможностей предполагает у сотрудников (работников) соответствующие качества и мотивационную составляющую [14].

Опыт предоставления работникам возможности самостоятельно регистрировать результаты своего труда с помощью специализированных устройств и таким образом определять размер заработной платы ведет к повышению самоконтроля и самомотивации как для личности, так и для групп лиц.

Укрепление позиций самоконтроля и самодисциплины сотрудников в структуре трудовых функций организации меняет расстановку мотивационных компонентов для исполни-

телей и формирует новую сложную систему мотивации в системе управления персоналом.

Полагаем, что к факторам, влияющим на повышение роли персонала в современных производственных, организационных и управленческих процессах, следует относить макроэкономические факторы, связанные с ростом конкуренции ввиду увеличенного предложения на рынке новых инновационных товаров и технологий. Качество продукции, связанное напрямую с ролью человека в производственном процессе, занимает ведущую позицию в конкурентной борьбе.

Согласимся с точкой зрения ряда экономистов, что мобильность и динамичность в процессе приспособления к постоянно меняющимся факторам спроса определяют рост и востребованность специалистов с высоким уровнем научных знаний, образования, способных развиваться, переобучаться и повышать творческий потенциал [15].

Постиндустриальная экономика делает акцент на этих качествах и в условиях высокой конкуренции способствует формированию кадрового резерва. В данной ситуации качество персонала чаще выступает решающим фактором успешной конкурентной борьбы.

Как уже отмечалось в данном исследовании, наметившаяся тенденция повышения роли качества продукции в постиндустриальном обществе и перераспределения кадрового состава в связи с наметившимся смещением ценностной ориентации организации в сторону повышения качества продукции и оказания услуг является достаточно давно дискуссионной как на мировом уровне, так и на региональном и отраслевом уровнях [16].

Результаты

Таким образом, в постиндустриальной экономике ключевым ресурсом становится человеческий капитал, и роль человека претерпевает существенные изменения под воздействием технологического прогресса, роста знаниеемких секторов экономики, автоматизации и изменений в структуре производства. Образование, навыки и способности индивида выступают основой для конкурентоспособности на рынке труда. Человек в постиндустриальной экономике сталкивается с вызовами и возможностями, связанными с технологическим развитием, изменением характера труда и требованиями к образованию и навыкам.

Ключевым фактором становится способность к обучению, адаптации и развитию навыков, соответствующих современным требованиям рынка. Возрастает спрос на высококвалифицированных специалистов, обладающих навыками в области информационных технологий, способных адаптироваться к изменяющимся условиям на мировом рынке труда и уметь работать в многонациональных коллективах.

Успешная адаптация человека к постиндустриальной экономике требует постоянного обучения, развития навыков и готовности к переменам. Роль человека не исчезает, она просто эволюционирует, и его способность к адаптации и инновациям становятся определяющими факторами в успехе организаций и экономического прогресса в постиндустриальной эпохе.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 2004. 783 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
3. Красильников О. Ю. Знания и информация в концепциях «новой» экономики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 12–16. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2012-12-2-12-16>
4. Авдеева Е. С., Еризко В. В. Цифровая трансформация в экономике // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. Т. 13, ч. 1. С. 232–238. EDN: XSTGEX
5. Тугушева Р. Р., Огурцова Е. В., Фирсова А. А. Анализ динамики развития рынков интеллектуальных товаров и услуг в российских регионах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 180–185. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-180-185>, EDN: NLTGUR
6. Паршина А. А., Королев В. К., Евграфова О. В. Человеческий капитал как фактор экономической деятельности: социокультурный дискурс // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 1 (152). С. 11–15. EDN: ZNCKMK
7. Гишкаева Л. Л., Хасханов Ю. М., Ганатов И. С. Государственное регулирование рынка труда как важное условие его развития // Наука и молодежь : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Грозный : Чеченский гос. ун-т им. А. А. Кадырова, 2022. С. 393–395. <https://doi.org/10.36684/52-2022-2-393-395>, EDN BZWSKV
8. Малхасьян С. С., Юрченко О. В. Развитие предпринимательских систем в условиях перехода к

- постиндустриальному обществу: усиление роли туристического бизнеса // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 41 (3). С. 212–215. EDN: GIWVLC
9. Филатова В. В., Чунакова С. А., Плеханов С. В. Современные требования к персоналу организации // Управление качеством на этапах жизненного цикла технических и технологических систем : сб. науч. ст. 4-й Всерос. науч.-техн. конф. / отв. ред. Е. В. Павлов. Курск : Юго-Западный гос. ун-т, 2022. С. 234–237. EDN: EBWSUE
 10. Грузан А. В. Экономика знаний как высший этап развития постиндустриальной и инновационной экономики // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы VII Междунар. науч. конф., посвященной 85-летию Донецкого национального университета / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Донецк : Донецкий нац. ун-т, 2022. Т. 5, ч. 1. С. 380–382. EDN: PVBBNK
 11. Трофимова Н. Н. Проблемы и перспективы формирования экономики знаний в условиях постиндустриальной экономики // Стратегии бизнеса. 2021. Т. 9, № 1. С. 4–8. <https://doi.org/10.17747/2311-7184-2021-1-4-8>
 12. Богданова Е. В. Рынок труда в постиндустриальной экономике: глобальные вызовы и перспективы // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2021. № 14. С. 14–18. <https://doi.org/10.52928/2070-1632-2021-59-14-14-18>
 13. Бурганов Р. Т., Гафаров М. Р. Роль научно-технологического развития в постиндустриальной экономике (на примере регионов Приволжского федерального округа) // Социальные и экономические системы. 2022. № 6–5 (34). С. 269–292.
 14. Затуливетер Е. «Не работаем, но занимаемся ремеслом». Будущее постиндустриальной экономики // Позитивные изменения. 2023. Т. 3, № S1. С. 97–103. <https://doi.org/10.55140/2782-5817-2023-3-S1-97-103>
 15. Обеспечение устойчивого развития российской социально-экономической системы / под ред. С. Г. Землянухиной. Саратов : Саратовский гос. техн. ун-т им. Гагарина Ю. А., 2002. 240 с. EDN: VWIOBD.
 16. Жиронкин С. А., Доценко Е. Ю., Алешина О. Г. Методология постиндустриальной экономики и неоиндустриального развития в условиях шоков // Векторы благополучия: экономика и социум. 2022. № 4 (47). С. 53–68. <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/4/1378>
 2. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III. End of Millennium*. 2nd ed. Cambridge, Massachusetts, Oxford, UK, Blackwell, 1998. 448 p. (Russ. ed.: Moscow, VSE Publ., 2000. 608 p.).
 3. Krasilnikov O. Yu. Knowledge and Information in «New Economy» Conception. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2012, vol. 12, iss. 2, pp. 12–16 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2012-12-2-12-16>
 4. Avdeeva E. S., Erizko V. V. Digital transformation in the economy. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: Trends and Development Prospects], 2018, vol. 13, pt. 1, pp. 232–238 (in Russian). EDN: XSTGEX
 5. Tugusheva R. R., Ogurtsova E. V., Firsova A. A. Analysis of the markets for intellectual goods and services dynamics development in Russian regions. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 180–185 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-180-185>, EDN: NLTGUR
 6. Parshina A. A., Korolev V. K., Evgrafova O. V. Human capital as a factor of economic activity: Sociocultural discourse. *Science and Education: Economy and Financial Economy; Entrepreneurship; Law and Management*, 2023, no. 1 (152), pp. 11–15 (in Russian). EDN: ZNCKMK
 7. Gishkaeva L. L., Khaskhanov Yu. M., Ganatov I. S. State regulation of the labor market as an important condition for its development. In: *Nauka i molodezh* [Science and Youth. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference of students, postgraduates and young scientists]. Grozny, Chechen State University named after A. A. Kadyrova Publ., 2022, pp. 393–395 (in Russian). <https://doi.org/10.36684/52-2022-2-393-395>, EDN: BZWSKV
 8. Malkhasyan S. S., Yurchenko O. V. Development of entrepreneurial systems in the conditions of transition to a post-industrial society: Strengthening the role of tourism business. *Natural Sciences and Humanities Research*, 2022, no. 41 (3), pp. 212–215 (in Russian). EDN: GIWVLC
 9. Filatova V. V., Chunakova S. A., Plekhanov S. V. Modern requirements for the personnel of the organization. *Upravlenie kachestvom na etapakh zhiznennogo tsikla tekhnicheskikh i tekhnologicheskikh sistem* [Pavlov E. V. (ed.) Quality Management at the Stages of the Life Cycle of Technical and Technological Systems. Collection of scientific articles of the 4th All-Russian scientific and technical conference]. Kursk, Southwest State University Publ., 2022, pp. 234–237 (in Russian). EDN: EBWSUE
 10. Грузан А. В. Knowledge economy as the highest stage of development of post-industrial and innovative economy. *Donetskiye chteniya 2022: obrazovaniye, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti* [Bespalova S. V. (ed.) Donetsk Readings 2022: Education, Science, Innovation, Culture and Modern Challenges. Materials of the VII International scientific conference dedicated to the 85th anniversary of Donetsk National

References

1. Bell D. *The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting*. New York, Basic books, Cop, 1973. 507 p. (Russ. ed.: Moscow, Academia, 2004. 783 p.).

- University. Donetsk, Donetsk National University Publ., 2022, vol. 5, pt. 1, pp. 380–382 (in Russian). EDN: PVBBNK
11. Trofimova N. N. Problems and prospects of knowledge economy formation in the post-industrial economy. *Business Strategies*, 2021, vol. 9, no. 1, pp. 4–8 (in Russian). <https://doi.org/10.17747/2311-7184-2021-1-4-8>
 12. Bogdanova E. V. Labor market in the post-industrial economy: Global challenges and prospects. *Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and Legal Sciences*, 2021, no. 14, pp. 14–18 (in Russian). <https://doi.org/10.52928/2070-1632-2021-59-14-14-18>
 13. Burganov R. T., Gafarov M. R. The role of scientific and technological development in the postindustrial economy (case study of the Volga Federal District regions). *Social and Economic Systems*, 2022, no. 6–5 (34), pp. 269–292 (in Russian).
 14. Zatuliveter E. “Make Crafts, Not Business”. The future of the post-industrial economy. *Positive Changes*, 2023, vol. 3, no. S1, pp. 97–103 (in Russian). <https://doi.org/10.55140/2782-5817-2023-3-S1-97-103>
 15. *Obespechenie ustoychivogo razvitiya rossiyskoy sotsial'no-ekonomicheskoy sistemy* [Zemlyanukhina S. G. (ed.) Ensuring sustainable development of the Russian socio-economic system]. Saratov, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov Publ., 2002. 240 p. (in Russian). EDN: VWIOBD
 16. Zhironkin S. A., Dotsenko E. Yu., Alyoshina O. G. Methodology of the post-industrial economy and neo-industrial development in conditions of shocks. *Vectors of Well-Being: Economics and Society*, 2022, no. 4 (47), pp. 53–68 (in Russian). <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/4/1378>

Поступила в редакцию 20.10.2023; одобрена после рецензирования 10.11.2023; принята к публикации 20.11.2023
The article was submitted 20.10.2023; approved after reviewing 10.11.2023; accepted for publication 20.11.2023

УПРАВЛЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 29–36

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 29–36

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-29-36>

EDN: YNUHAX

Научная статья
УДК 330.4+336.64

Иерархическая система ранжирования коммерческих банков

И. Ю. Выгодчикова¹✉, А. В. Трофименко²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Выгодчикова Ирина Юрьевна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры дифференциальных уравнений и математической экономики, irinavigod@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9326-6024>

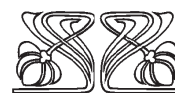
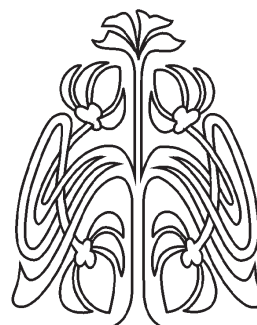
Трофименко Андрей Валериевич, кандидат политических наук, доцент кафедры отраслевого управления и экономической безопасности, an111@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5349-269X>

Аннотация. Введение. Основной задачей исследования является разработка экономико-математического инструментария для построения рейтингового барометра коммерческих банков России по уровню устойчивости в долгосрочной перспективе с использованием иерархической структуры принятия решений. **Теоретический анализ.** Метод интегрального ранжирования коммерческих банков основан на системе иерархического анализа. В основе методики лежит ранжирование показателей и разбиение на подгруппы. Приоритетный показатель указывает вектор ранжирования, выполняются два уровня ранжирования данных, формируются субиндексы. На последнем этапе выполняется свертка в интегральный индекс. Применяется математический аппарат древовидной структуры решения, допущением метода служит выбор приоритетности показателей исходя из принципа долгосрочной устойчивости коммерческого банка. **Эмпирический анализ.** Составлен алгоритм свертки первичных показателей финансовой отчетности в интегральный показатель. Методика протестирована на данных российских коммерческих банков. **Результаты.** Представлен математический аппарат, позволяющий дать оценку долгосрочной финансовой устойчивости коммерческих банков по их ключевым показателям, построен интегральный рейтинг банков по финансовой устойчивости и инвестиционной привлекательности. Разработанная авторами иерархическая система рейтинга коммерческих банков характеризует анализируемые банки по размеру собственных средств, структуре капитала и рентабельности собственного капитала.

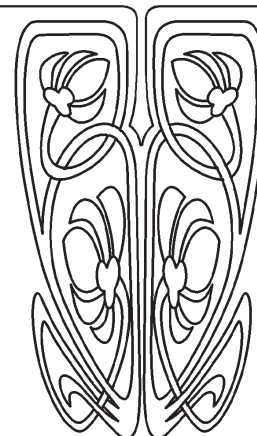
Ключевые слова: коммерческий банк, рейтинг, иерархическая система, структура капитала, финансовая устойчивость

Для цитирования: Выгодчикова И. Ю., Трофименко А. В. Иерархическая система ранжирования коммерческих банков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 29–36. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-29-36>, EDN: YNUHAX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Hierarchical system of commercial banks ranking

I. Yu. Vygodchikova¹✉, A. V. Trofimenko²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Irina Yu. Vygodchikova, irinavigod@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9326-6024>

Andrey V. Trofimenko, an111@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5349-269X>

Abstract. Introduction. The main objective of the study is to develop economic and mathematical tools for constructing a rating barometer of Russian commercial banks according to the level of sustainability in a long term view using a hierarchical decision-making structure. **Theoretical analysis.** The method of commercial banks' integral ranking is based on a system of hierarchical analysis. The methodology is based on ranking indicators and dividing them into subgroups. The priority indicator indicates the ranking vector, two levels of data ranking are performed, and subindices are formed. At the last stage, a convolution into an integral index is performed. The mathematical apparatus of a tree-like solution structure is used; the assumption of the method is the choice of priority indicators based on the principle of a commercial bank's long-term sustainability. **Empirical analysis.** An algorithm has been compiled for condensing primary financial reporting indicators into an integral indicator. The methodology was tested on data from Russian commercial banks. **Results.** A mathematical apparatus is presented that makes it possible to assess the long-term financial stability of commercial banks according to their key indicators, an integral rating of banks is constructed for financial stability and investment attractiveness. The hierarchical rating system of commercial banks developed by the authors characterizes the analyzed banks by the size of the bank's own funds, capital structure and return on equity.

Keywords: commercial bank, rating, hierarchical system, capital structure, financial stability

For citation: Vygodchikova I. Yu., Trofimenko A. V. Hierarchical system of commercial banks ranking. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 29–36 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-29-36>, EDN: YNUHAX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В настоящее время банковская деятельность строго регламентируется законодательством России. Соблюдение нормативов Центрального банка РФ является достаточным свидетельством финансового положения коммерческого банка с позиции государственных органов управления.

С точки зрения долгосрочных инвесторов и собственников при принятии инвестиционных решений возникает потребность оценивать и банк как предприятие, обладающее собственным капиталом и заемными средствами, получающее прибыль от своей финансово-кредитной деятельности.

Для оценки долгосрочных портфельных инвестиций целесообразно выбрать несколько банков с учетом их рангового приоритета. Для ранжирования банков необходимо использовать несколько ключевых показателей, которые должны учитывать риски ослабления финансовой надежности коммерческого банка из-за снижения в структуре капитала собственных средств, а также из-за выдачи проблемных кредитов, негативно отражающихся на прибыли.

Проблемы оценки долгосрочной финансовой устойчивости коммерческих банков обуславливают возможность применения, кроме

методик, учитывающих официальные нормативы, математические методы анализа данных банковской сферы для построения интегрального рейтинга [1–4].

В российской и зарубежной практике существуют различные методики ранжирования коммерческих банков (методики В. С. Кромнова, CAMELS и др.) [5–6]. Все эти методы основаны на использовании широкого перечня показателей [7–9]. Но обработка показателей для них достаточно затруднительна, так как процедура свертки в интегральный индекс требует математического обоснования. При этом многие показатели находятся в высокой корреляции между собой, поэтому приходится прибегать к методу главных компонент, чтобы исключить из модели несущественные показатели.

Разработка эффективной системы интегрального ранжирования коммерческих банков должна позволить оценивать долгосрочную устойчивость коммерческого банка, поэтому необходимым условием авторского метода является регулярное выполнение каждым банком исследуемой группы всех обязательных нормативов ЦБ РФ.

Учитывая вышесказанное, следует отметить, что, наряду со стандартными подходами к построению рейтинга банков, целесообразно применять подходы, использующие методы

системного анализа и интегрального ранжирования данных, выбор приоритетного показателя, выполнение корректировки по уровню собственного капитала [10–11].

Цель настоящего исследования – построение рейтинга долгосрочной устойчивости коммерческих банков.

Объект исследования – крупнейшие российские коммерческие банки. Поскольку в фокусе внимания авторов находятся негосударственные банки, из рассмотрения были исключены банки с существенным государственным участием (Сбербанк, ВТБ), а также банки с существенной отраслевой (Газпромбанк, Национальный клиринговый центр) либо региональной (Московский кредитный банк) спецификой. В результате выборка исследования включает восемь крупнейших универсальных банков, для которых и составляется рейтинг.

В соответствии с заявленной целью основной задачей исследования является разработка экономико-математического инструментария для построения рейтингового барометра выделенной группы коммерческих банков России по уровню устойчивости в долгосрочной перспективе с использованием иерархической структуры принятия решений. В работе представлен математический аппарат, позволяющий дать обоснованную оценку долгосрочной финансовой устойчивости коммерческих банков по их ключевым показателям.

В исследовании применены барометрические методы, которые основываются на том, что будущее состояние моделируемой системы может быть предсказано на основе выделенных, особенно важных показателей, измеренных в настоящем времени. Применение барометрических методов позволяет использовать несколько ключевых параметров анализируемого процесса, являющихся статистическими индикаторами закономерности дальнейшего развития динамического процесса, и они служат барометрами текущего статуса и будущих тенденций развития данной группы банков. Применение этих методов к балансовым отчетным данным о деятельности банков требует выделения важных групп показателей, создание пошагового алгоритма агрегирования данных и вычисления интегрального индекса.

Авторская методика направлена на разработку метода ранжирования коммерческих банков и учитывает три значимых для собственников и долгосрочных инвесторов коммерческого банка показателя: размер средств банка, структуру капитала, рентабельность собствен-

ного капитала. Применение этих показателей необходимо как основа для получения выводов об уровне надежности коммерческих банков

Теоретический анализ

1. *Особенности анализа.* Важной особенностью оценки коммерческих банков является строгая государственная регламентация банковской деятельности. Банк, получив лицензию, принимает на себя обязанность соблюдать все нормативы ЦБ РФ. Перечень их содержит требования к банкам, в основном по уровню ликвидности к разным группам активов. Так, в 2021 г. перечень обязательных нормативов ЦБ РФ возрос с четырех (достаточность собственного капитала, ликвидность – мгновенная, текущая и долгосрочная) до девяти. В методике ЦБ РФ основной акцент сделан на ликвидности и устойчивости относительно внешнего кредитования. Соблюдение нормативов считается достаточным условием и гарантией стабильного развития банка.

Со стороны инвесторов и собственников банков существует потребность в финансовом анализе и других аспектах деятельности банка. Важные показатели, требующие анализа, – отношение собственных средств к заемным средствам и отношение чистой прибыли к собственным средствам банка. Представленная в статье методика является новым инструментом оценки долгосрочной финансовой устойчивости коммерческих банков по их ключевым показателям.

2. *Математический метод.* В основе методики лежит ранжирование показателей и разбиение на подгруппы. Приоритетный показатель указывает вектор ранжирования, выполняется два уровня ранжирования данных, формируются субиндексы. На последнем этапе выполняется свертка в интегральный индекс. В данном методе выполнена адаптация авторского подхода из [11] для двух показателей.

Конструктивная основа методики – выполнение свертки показателей в линейный рейтинг исходя из отношения к высшему (место лучше среднего) или второму эшелону обоснованного доверия к банку. Развитие метода состоит в двухэтапном анализе и индексировании по абсолютным и относительным показателям в режиме бинарного дерева решений.

Первый этап.

- По данным финансовой отчетности коммерческого банка собираются абсолютные показатели, в том числе активы итога (A_{11}) и собственные средства (A_{12}). Формируется субиндекс I_1 .

• По данным финансовой отчетности коммерческого банка вычисляются относительные показатели, в том числе отношение собственных средств к заемным средствам (A_{21}), а также отношение чистой прибыли к собственным средствам (A_{22}). Формируется субиндекс I_2 .

Второй этап.

• Согласно древовидной процедуре вычисления субиндексов (с учетом ранжирова-

ния данных и оценки значений относительно средних ранговых показателей) и методике нечеткой логики для выстраивания единого рейтинга в каждой группе [11], с учетом приоритета субиндекса I_2 вычисляется итоговый рейтинг I .

Общая схема интегрального оценивания банков имеет иерархическую структуру, представленную на рис. 1.

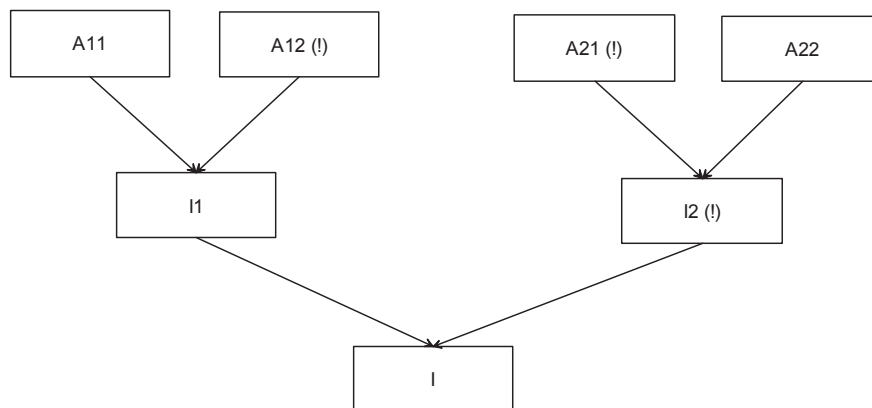

Рис. 1. Древовидная структура рейтингования коммерческих банков (приоритет показателя обозначен символом «!»)

Fig. 1. Rating tree of commercial banks (symbol “!” indicates the priority of indicator)

Эмпирический анализ

Целесообразно составить алгоритм свертки первичных показателей финансовой отчетности в интегральный показатель. На данном этапе существует проблема выбора показателей. Так, отказаться от абсолютных значений (объем средств банка, размер собственного капитала и

т.п.) в пользу относительных (соотношение собственных и заемных средств, рентабельность собственного капитала и т.п.) – значит нивелировать масштабы деятельности банков. Если пользоваться только абсолютными показателями, теряется возможность оценки уровня надежности банка.

1. *Анализ данных.* В табл. 1 представлены исходные данные для анализа.

Таблица 1 / Table 1

Исходные данные 2021 г.
Initial data for 2021

Банк	Активы (A_{11})	Собственный капитал (A_{12})	Заемные средства	Чистая прибыль
Альфа-Банк	5 612 539 706	686 419 279	4 926 120 427	117 856 273
Тинькофф Банк	1 277 317 260	153 562 876	1 123 754 384	33 935 000
Открытие	3 198 357 981	512 675 097	2 685 682 884	59 610 337
Уралсиб	529 866 260	84 805 749	445 060 511	13 883 499
Совкомбанк	2 027 926 382	198 089 002	1 829 837 380	44 385 155
Росбанк	1 571 631 837	181 912 956	1 389 718 881	15 458 000
Райффазенбанк	1 601 204 523	167 898 047	1 433 306 476	14 452 476
Россельхозбанк	4 150 875 858	237 489 132	3 913 386 726	6 180 831

Составлено по: <http://kuar.ru/banks/> (дата обращения: 02.06.2023), данные в рублях, итоговые данные за 2021 г. (актуально на 01.10 2023).

Compiled to: <http://kuar.ru/banks/> (accessed June 2, 2023), data in rubles, final data for 2021 (current as of October 1, 2023).

Показатели A_{21} и A_{22} вычисляются согласно методике, приведенной выше, и табл. 1. Результаты представлены в табл. 2. Следует отметить,

что в группе банков по показателю «Отношение чистой прибыли к собственным средствам» (A_{22}) лидирует Тинькофф Банк.

Таблица 2 / Table 2

Относительные показатели для формирования рейтинга I_2 , 2021 г.
Relative indicators for the formation of the rating I_2 , 2021

Банк	Отношение собственных средств к заемным средствам (A_{21})	Отношение чистой прибыли к собственным средствам (A_{22})
Альфа-Банк	0,1393	0,1951
Тинькофф Банк	0,1367	0,3413
Открытие	0,1909	0,1660
Уралсиб	0,1905	0,1805
Совкомбанк	0,1083	0,2311
Росбанк	0,1309	0,1138
Райффазенбанк	0,1171	0,2303
Россельхозбанк	0,0607	0,0274

В табл. 3 представлен результат расчета интегрального рейтинга I (итоговый рейтинг).

Детализация процедуры с рис. 1 со списком банков представлена на рис. 2.

Таблица 3 / Table 3

Формирование итогового рейтинга I , 2021 г.
The formation of the final rating I , 2021

Банк	Рейтинг I_1 (Приоритет A_{12})	Рейтинг I_2 (Приоритет A_{21})	Итоговый рейтинг I (Приоритет I_2)
Альфа-Банк	1	1	1
Открытие	2	3	2
Россельхозбанк	3	8	4
Совкомбанк	4	6	3
Тинькофф Банк	7	2	5
Уралсиб	8	4	6
Райффазенбанк	6	5	7
Росбанк	5	7	8

2. *Тестирование методики.* Для тестирования методики применяется весовой метод, представленный в [10].

Иерархическая процедура рейтингования данных [11] для банков адаптирована к следующим показателям в режиме приоритета «от лучшего» показателя С-А-В по снижению приоритета:

С – отношение прибыли к собственным средствам;

А – отношение собственных средств к активам баланса;

В – отношение наиболее ликвидных активов к активам баланса.

Сопоставление рейтинга и тестирование методики на показателях ведущих российских банков представлено в табл. 4.

Противоречий при данном объеме выборки не наблюдается (коэффициент корреляции 0,38).

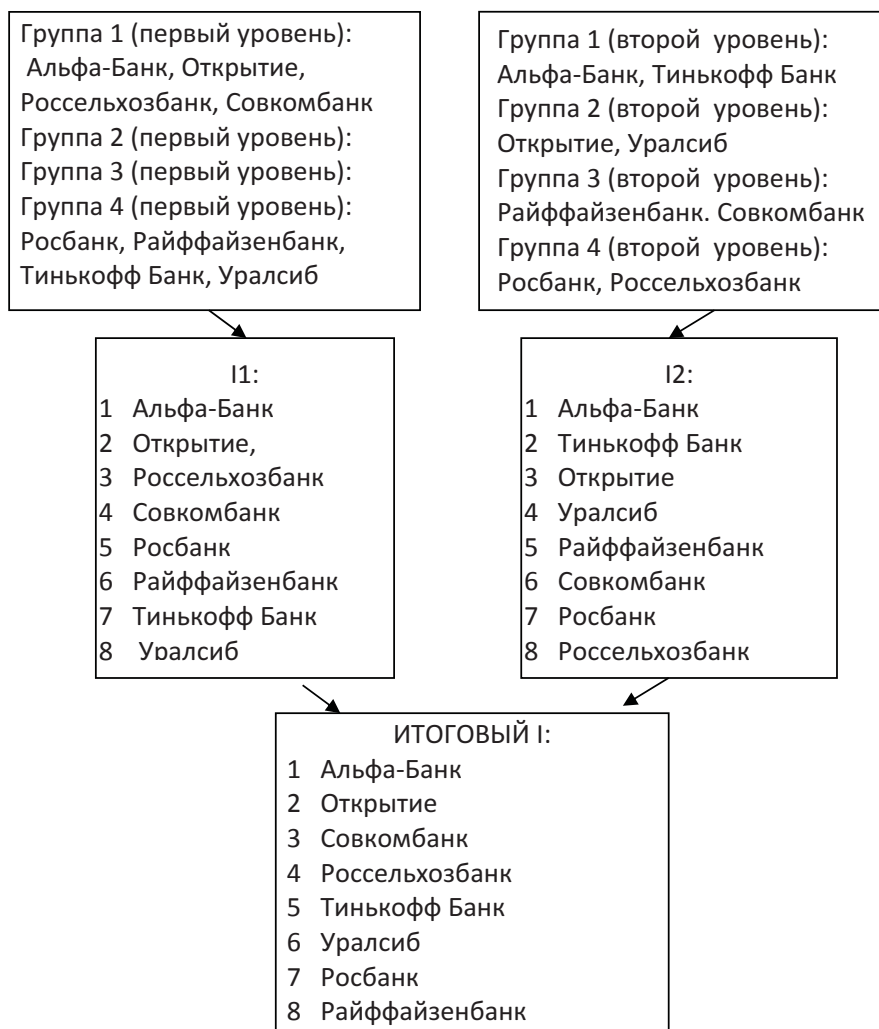

Рис. 2. Перевернутое бинарное дерево рейтингования восьми коммерческих банков
Fig. 2. Inverted binary rating tree of 8 commercial banks

Таблица 4 / Table 4

Интегральный рейтинг банков по финансовой устойчивости (I) и инвестиционной привлекательности (IR)

Integral rating of banks on financial stability (I) and investment attractiveness (IR)

Банк	Рейтинг I (долгосрочная устойчивость банков от 2 лет)	Рейтинг IR (инвестиционная привлекательность сроком до 1 года)
Альфа-Банк	1	1
Открытие	2	5
Россельхозбанк	4	3
Совкомбанк	3	7
Росбанк	8	6
Уралсиб	6	8
Райффазенбанк	7	4
Тинькофф Банк	5	2

Результаты

Представлена система интегрального ранжирования коммерческих банков по уровню долгосрочной устойчивости финансового развития. Основной акцент в рейтинге сделан на собственный капитал, чистую прибыль, сбалансированность структуры баланса с точки зрения собственных и заемных источников. Полученная авторами иерархическая система рейтинга коммерческих банков характеризует уровень развития банковской индустрии по степени риска. Разработан механизм оценки процедуры долгосрочного инвестирования в коммерческие банки, свидетельствующий о необходимости мониторинга важных показателей финансовой аналитики собственных средств и перспектив роста прибыли.

Список литературы

1. Гаджиагаев М. А., Халиков М. А. Динамическая модель оптимального управления кредитным портфелем коммерческого банка с дополнительным критерием ликвидности временной структуры активов-пассивов // Путеводитель предпринимателя. 2016. № 29. С. 72–85.
2. Выгодчикова И. Ю., Горский М. А. Оптимизация структуры субпортфеля ипотечных кредитов коммерческого банка на основе минимаксной оценки риска // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 4, ч. 1. С. 35–41. <https://doi.org/10.17513/vaael.1644>
3. Vygodchikova I. Y., Gorskiy M. A., Khalikov M. A., Zayed N. M. Assessment of Phosagro's capital structure based at two hierarchical methods of integral ranking of important financial and economic activity indicators // Academy of Strategic Management Journal. 2021. Т. 20. Р. 1–8. EDN: INGBRC
4. Vygodchikova I., Gordienko M., Natocheeva N., Rud N., Namitulina A. Assessment and integral indexing of the main indicators of oil and gas companies by circular convolution // Energies. 2022. Vol. 15, iss. 3. Art. 877. <https://doi.org/10.3390/en15030877>
5. Горский М. А. Методика В. Кромонова оценки надежности коммерческого банка и направление ее совершенствования // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2019. Т. 18, № 3. С. 167–190. EDN: DFFDMZ
6. Лампартер М. И. Применение методики В. С. Кромонова для оценки финансовой устойчивости банка // Наука в исследованиях молодежи – 2017 : материалы студ. науч. конф. : в 4 ч. Ч. 1. Лесниково : Курганская гос. сельхозакадемия им. Т. С. Мальцева, 2017. С. 45–46. EDN: YQGPBR
7. Бухонова С. М., Яблонская А. Е. Исследование цифровой трансформации российского банковского сектора в контексте его инвестиционной привлекательности //

- Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 2. С. 951–960. <https://doi.org/10.18334/vines.10.2.100875>
8. Решульская Е. М. Интегральная оценка надежности коммерческого банка // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 4, ч. 1. С. 96–107. <https://doi.org/10.17513/vaael.1654>
 9. Горский М. А., Зарипов Р. Р., Решульская Е. М., Рудаков А. Д. Методики оценки и рейтингования коммерческих банков по уровню надежности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 7, ч. 1. С. 84–95. <https://doi.org/10.17513/vaael.1212>
 10. Выгодчикова И. Ю., Форкунов Н. П., Трофименко А. В. Стратегия интегрального ранжирования коммерческих банков по инвестиционной привлекательности // Стратегии бизнеса. 2022. Т. 10, № 8. С. 201–206. <https://doi.org/10.17747/2311-7184-2022-8-201-206>
 11. Выгодчикова И. Ю. Метод построения рейтинга конкурентоспособности российских компаний // Современная конкуренция. 2018. Т. 12. № 2 (68)–3 (69). С. 5–17.

References

1. Gadzhiagayev M. A., Halikov M. A. Dynamic model of optimum control of a credit portfolio of commercial bank with additional criterion of liquidity of temporary structure of assets and liabilities. *Entrepreneur's Guide*, 2016, no. 29, pp. 72–85 (in Russian).
2. Vygodchikova I. Yu., Gorskiy M. A. Optimization of the sub-portfolio structure of the mortgage loans of a commercial bank based at a minimax risk assessment. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2021, no. 4, pt. 1, pp. 35–41 (in Russian). <https://doi.org/10.17513/vaael.1644>
3. Vygodchikova I. Yu., Gorskiy M. A., Khalikov M. A., Zayed N. M. Assessment of Phosagro's capital structure based at two hierarchical methods of integral ranking of important financial and economic activity indicators. *Academy of Strategic Management Journal*, 2021, vol. 20, pp. 1–8. EDN: INGBRC
4. Vygodchikova I., Gordienko M., Natocheeva N., Rud N., Namitulina A. Assessment and integral indexing of the main indicators of oil and gas companies by circular convolution. *Energies*, 2022, vol. 15, iss. 3, art. 877. <https://doi.org/10.3390/en15030877>
5. Gorskiy M. A. V. Kromonov's methodology for assessing the reliability of a commercial bank and the direction of its improvement. *Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship*, 2019, vol. 18, iss. 3, pp. 167–190 (in Russian). EDN: DFFDMZ
6. Lamparter M. I. Application of V. S. Kromonov's methodology for assessing the financial stability of a bank. *Nauka v issledovaniyakh molodezhi – 2017* [Science in Youth Studies – 2017. Student materials scientific conferences]. Pt. 1. Lesnikovo, Kurgan State Agricultural Academy named after T. S. Maltseva Publ., 2017, pp. 45–46 (in Russian). EDN: YQGPBR
7. Bukhonova S. M., Yablonskaya A. E. Research on the digital transformation of the Russian banking sector

- in the context of its investment attractiveness. *Russian Journal of Innovation Economics*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 951–960 (in Russian). <https://doi.org/10.18334/vinec.10.2.100875>
8. Reshulskaya E. M. Integral assessment of reliability of a commercial bank. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2021, no. 4, pt. 1, pp. 96–107 (in Russian). <https://doi.org/10.17513/vaael.1654>
 9. Gorskiy M. A., Zaripov R. R., Reshulskaya E. M., Rudakov A. D. Assessment and rating methods of commercial banks by reliability. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2020, no. 7, pt. 1, pp. 84–95 (in Russian). <https://doi.org/10.17513/vaael.1212>
 10. Vygodchikova I. Yu., Forkunov N. P., Trofimenko A. V. Strategy of integral ranking commercial banks by investment attractiveness. *Business Strategies*, 2022, vol. 10, no. 8, pp. 201–206 (in Russian). <https://doi.org/10.17747/2311-7184-2022-8-201-206>
 11. Vygodchikova I. Yu. Method for constructing a competitiveness rating of Russian companies. *Journal of Modern Competition*, 2018, vol. 12, no. 2 (68)–3 (69), pp. 5–17 (in Russian).

Поступила в редакцию 05.06.2023; одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 20.09.2023
The article was submitted 05.06.2023; approved after reviewing 10.09.2023; accepted for publication 20.09.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 37–51
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 37–51
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-37-51>, EDN: ADMIGC

Научная статья
УДК 338.2

Факторный анализ рынка металлов платиновой группы и моделирование направлений его развития

И. А. Степанов

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Россия, 115409, г. Москва, Каширское шоссе, д. 31

Степанов Илья Алексеевич, аспирант кафедры финансового менеджмента, stepanovilya13@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8507-5401>

Аннотация. Введение. В первой части работы раскрываются понятие и особенности металлов платиновой группы. По совокупности рассматриваемых параметров каждого из металлов группы, среди которых объем рынка в натуральном и стоимостном выражении, выделено три основных (палладий, платина, родий) и два минорных (иридий, рутений) металла. Рынки пяти металлов платиновой группы определены в качестве объекта для факторного анализа данного исследования. **Теоретический анализ.** Для рынка металлов платиновой группы приводится систематизация факторов, данные разнесены на две группы: факторы предложения и факторы спроса. Проанализированы первичные и вторичные источники металлов, по каждому металлу проведен обзор основных отраслей применения. Все большее влияние на цены в последние годы оказывает вторичная переработка, обеспечивающая около 30% совокупного предложения платины и палладия. **Эмпирический анализ.** На основе исторических данных построены корреляционные матрицы связи фундаментальных факторов между собой и с ценой металла. С учетом выявленных корреляционных зависимостей составлены регрессионные модели, которые с определенной степенью точности позволяют спрогнозировать ценовую динамику. Выявлено, что цена на родий, рутений и иридий трудно прогнозируема, модели имеют высокую ошибку ввиду недостаточности рыночных данных. **Результаты.** Осуществляя факторный анализ рынка металлов платиновой группы, помимо установленных зависимостей и количественных оценок фундаментальных показателей, сформулированы краткие выводы о тенденциях рынка. Отмечено, что на цену металлов платиновой группы может оказывать влияние множество других неожиданных и мало прогнозируемых событий. Таким образом, рынки металлов платиновой группы подвержены так называемым «черным» и «белым» лебедям, которые приводят к ценовым пузырям или, напротив, резкому падению цен на металлы.

Ключевые слова: факторный анализ, моделирование, рынок, металлы платиновой группы, палладий, родий, иридий, рутений

Для цитирования: Степанов И. А. Факторный анализ рынка металлов платиновой группы и моделирование направлений его развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 37–51. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-37-51>, EDN: ADMIGC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Platinum group metals market factor analysis and modeling of its development directions

I. A. Stepanov

National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute), 31 Kashirskoe shosse, Moscow 115409, Russia

Ilya A. Stepanov, stepanovilya13@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8507-5401>

Abstract. Introduction. The first part of the paper reveals the concept and features of platinum group metals. According to the complex of considered parameters of each platinum group metals, including the market volume in physical and value terms, we distinguish three major (palladium, platinum, rhodium) and two minor (iridium, ruthenium) metals. For this research, the markets of five platinum group metals are identified as the object for factor analysis. **Theoretical analysis.** The platinum group metals market is systematized into two groups: supply factors and demand factors. It also analyzes primary and secondary sources of metals, and provides an overview of key application industries for each metal. **Empirical analysis.** Based on historical data, we compiled correlation matrices of fundamental factors interrelation between each other and with metal prices. Taking into account the identified correlation dependencies, regression models were developed, which, with a certain degree of accuracy, enable to forecast price dynamics. **Results.** Carrying out a factor analysis, in addition to stated dependencies and fundamental indicators quantitative assessments, we have summarized platinum group metals market trends.

Keywords: factor analysis, market modeling, platinum group metals, palladium, rhodium, iridium, ruthenium

For citation: Stepanov I. A. Platinum group metals market factor analysis and modeling of its development directions. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 37–51 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-37-51>, EDN: ADMIGC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

С интенсификацией изменений в мировой экономике в последние десятилетия возрастает актуальность исследования фундаментальных факторов, оказывающих влияние на рынок металлов платиновой группы. Под металлами платиновой группы (МПП) совокупно понимают шесть переходных металлических элементов: платину, палладий, родий, иридий, рутений и осмий [1]. Все шесть металлов обычно объединяют в группу по причине схожих физико-химических свойств, а также особенностей коллективного залегания в месторождениях, что обуславливает общий технологический процесс добычи и производства. Металлы платиновой группы являются благородными и драгоценными металлами, физико-химические характеристики позволяют их вторичное использование

путем практически полного извлечения из бывших в употреблении изделий, ломов и отходов, содержащих нужные элементы. Инвестиционное применение металлов платиновой группы не является основным, поэтому их относят к промышленным металлам, основной спрос на которые формируется за счет использования в отраслях [2].

Обладая важными общими характеристиками, каждый металл группы имеет ряд особенностей, обуславливающих его преимущественное распространение и применимость в конкретных отраслях промышленности. Механизмы ценообразования и торговли металлами также действуют независимо друг от друга. В табл. 1 приведена рыночная информация о среднегодовых ценах и объемах рынка в натуральном и стоимостном выражении по пяти металлам платиновой группы за 2022 г.

Таблица 1 / Table 1

Объем рынка и среднегодовые цены металлов платиновой группы в 2022 г.
Market volume and average annual prices of platinum group metals in 2022

Металл	Объем рынка, тыс. Тр. унций	Среднегодовая цена, \$/Тр. унция	Объем рынка, млн долл. США
Платина	6258	961,2	6015,4
Палладий	9937	2109,5	20 962,1
Родий	998	14 310,0	14 281,4
Иридий	219	4463,8	977,6
Рутений	1023	551,7	564,3
Итого	18 435	–	42 800,83

Рассчитано по: [3] / Calculated to: [3].

Из данных табл. 1 видно, что общий объем рынка металлов платиновой группы в 2022 г. составил 42,8 млрд долл. США [3]. На рынок палладия пришлось чуть меньше половины всего рынка МПП. Рынок родия хоть и сильно уступает рынкам платины и палладия в натуральном объеме, но в связи с бурным ростом котировок в последние годы его доля в стоимостном выражении составила 33,4% [4]. Рынок платины замыкает тройку лидеров на рынке МПП с долей 14,1%. На эти три металла приходится более 95,0% всего рынка металлов платиновой группы.

На рис. 1 приведена пузырьковая диаграмма, отражающая объем рынка каждого из пяти металлов платиновой группы в стоимостном выражении.

Два из пяти металлов (платина и палладий), расположенные ближе к правой нижней части системы координат, получили наиболее широкое

распространение, для их торговли функционирует развитая биржевая инфраструктура, аналогичная золоту [5]. Такое распространение обусловлено в том числе высокой ликвидностью металлов на рынке. Родий, иридий и рутений сопутствуют при извлечении платины и палладия, но их содержание в сотни и тысячи раз ниже основного компонента, из-за чего рынок родия обладает ограниченной ликвидностью, а рынки иридия и рутения низколиквидны и имеют нишевый характер [1]. Осмий не включен в исследование, поскольку ежегодное мировое производство осмия составляет не более 100–200 кг, а его рынок можно считать не сформированным по причине отсутствия стабильного спроса и предложения, а также крайне низкого объема в стоимостном выражении, которым обычно пренебрегают [6].

Таким образом, для целей моделирования и прогнозирования направлений ценовой дина-

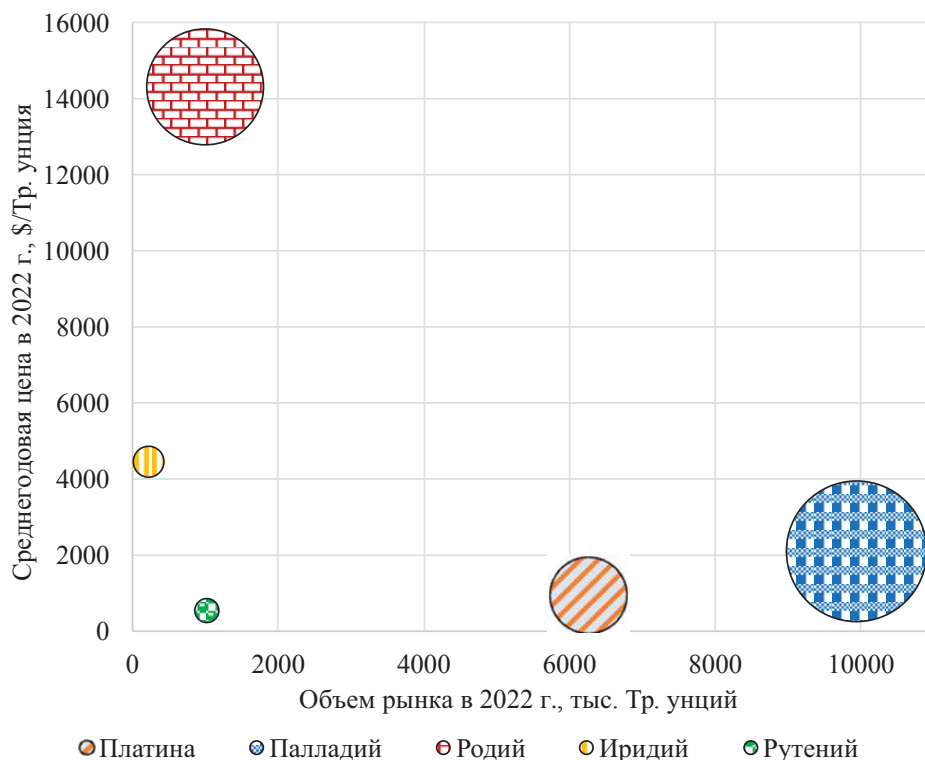

Рис. 1. Объем рынка и среднегодовые цены металлов платиновой группы в 2022 г. (цвет онлайн)

Fig. 1. Market volume and average annual prices of platinum group metals in 2022 (color online)

мики каждого из металлов платиновой группы в исследовании далее проводится анализ факторов со стороны спроса, во многом отражающих состояние и тенденции развития отраслей применения, а также факторов, определяющих динамику первичного и вторичного предложения.

Теоретический анализ

Факторный анализ рынка металлов платиновой группы во многом сводится к исследованию количественных показателей со стороны предложения и спроса каждого из металлов. Результирующим показателем при анализе выступает цена на конкретный металл.

К основным факторам со стороны предложения можно отнести:

- информацию о планируемом ежемесячном, квартальном, годовом производстве МПГ по горно-металлургическим добывающим компаниям или странам;
- новости об открытии новых проектов, месторождений или, наоборот, закрытии отработанных рудников;
- данные по объемам поступающего для вторичного использования лома и отходов, содержащих МПГ, из отраслей промышленности.

На предложение также оказывают влияние аварии и чрезвычайные ситуации на различных участках от добычи до производства, планы по реализации участниками рынка накопленных запасов, погодные условия, забастовки рабочих и другие причины ограничений [4].

Среди факторов, влияющих на цены металлов платиновой группы, со стороны спроса можно выделить:

- данные об экономической активности отраслей использования МПГ;
- информация о перспективах роста секторов применения МПГ;
- макроэкономическая ситуация в мире и отдельных регионах (динамика курсов основных валют, темп роста экономики, величина процентных ставок и пр.).

Выделив и систематизировав две основные группы источников фундаментальных факторов, следующим шагом предполагается осуществить анализ каждой группы факторов для дальнейшего исследования их количественных характеристик с целью моделирования рынка каждого МПГ.

Основными источниками первичного предложения МПГ являются ЮАР, Россия, Зимбабве, Канада и США [1]. На их добычу приходится

более 96% всего первичного предложения металлов [3]. В табл. 2 представлены данные о первичном производстве платины, палладия

и родия по странам за 2022 г. в натуральном выражении (в скобках указана доля страны в первичном предложении по каждому металлу).

Таблица 2 / Table 2

Объем первичного предложения металлов платиновой группы в 2022 г., тыс. Тр. унций и (%)
Primary supply of platinum group metals in 2022, thousand Troy ounces and (%)

Металл	ЮАР	Россия	США и Канада	Зимбабве	Другие	Итого
Платина	3965 (71,7)	600 (10,8)	266 (4,8)	488 (8,8)	211 (3,8)	5530 (100)
Палладий	2276 (36,1)	2600 (41,2)	813 (12,9)	409 (6,5)	209 (3,3)	6307 (100)
Родий	570 (82,0)	58 (8,3)	18 (2,6)	43 (6,2)	6 (0,9)	695 (100)

Рассчитано по: [3] / Calculated to: [3].

Страны Африки добывают металлы платиновой группы из месторождений малосульфидных платинометалльных руд как основной продукт, а Россия и Канада – из ликвационных месторождений медно-никелевых руд как сопутствующий продукт [6]. Объемы производства каждого из металлов группы и их соотношение между собой зависят от особенностей каждого из месторождений содержанием в рудах разрабатываемых месторождений. Стоит отметить следующую важную особенность: невозможно нарастить или сократить добычу какого-то отдельного металла группы без соответствующего увеличения или уменьшения добычного производства на месторождении по другим металлам в целом.

На территории ЮАР залегает уникальная по запасам система месторождений – Бушвельдский комплекс, который является крупнейшим в мире источником МПГ [6]. Он обеспечивает около 70–75% всей добываемой в мире платины, 35–40% палладия, а также более 80% родия, иридия и рутения. Тело комплекса состоит из нескольких горизонтов (рифов), среди которых выделяют:

- риф Меренски (22% всей добычи на комплексе);
- риф Верхняя Группа 2 (63% всей добычи на комплексе);
- Платриф (15% всей добычи на комплексе).

Ключевую разработку комплекса осуществляют такие горнодобывающие компании, как Anglo American, African Rainbow Minerals, Impala Platinum, Northam Platinum, Sibanye-Stillwater [1].

По официальным данным Министерства природных ресурсов России, на территории России 98,5% разведанных запасов МПГ прихо-

дится на три месторождения комплексных медно-никелевых руд (Октябрьское, Талнахское и Норильск-1) и одно месторождение платинометалльных малосульфидных руд (МС-Горизонт), расположенных в Норильском промышленном районе на севере Красноярского края [7]. Особенности российских месторождений заключаются в том, что около 70–80% добываемого МПГ приходится на палладий, 15–20% на платину и 5–10% на остальные металлы группы. Практически вся добыча металлов платиновой группы в России осуществляется ПАО «ГМК «Норильский никель» [7].

Месторождение в районе Грейт-Дайк в Зимбабве обладает вторыми в мире объемами запасов платины (после ЮАР) и палладия (после России) [6]. Разработкой месторождений в стране занимаются Anglo American Platinum и Impala Platinum Holdings. Однако из-за достаточно продолжительной политико-правовой нестабильности в стране очевидны проблемы с инвестициями, что сильно ограничивает текущую добычу [2]. Добыча в Зимбабве в ближайшие годы, вероятнее всего, не выйдет на уровень, способный оказывать значительное влияние на соотношение спроса и предложения металлов в мире, но важно отметить высокий ресурсный потенциал этой страны [8].

В Канаде комплексные медно-никелевые месторождения схожи по типу с российскими, поскольку в попутно извлекаемом МПГ превалирует палладий. Среди основных месторождений можно выделить бассейн Sudbury в центральном Онтарио, рудник Raglan на севере Квебека и месторождение никеля в Манитобе [6]. Разработку месторождений в Канаде выполняют Glencore, Vale и North American Palladium.

Основная добыча металлов платиновой группы в США осуществляется компанией Sibanye-Stillwater на двух рудниках: Stillwater и East Boulder, расположенных в штате Монтана [1]. Извлекаемая руда очень богата, содержание чистого компонента в руде составляет 15–20 граммов на тонну [7]. На палладий приходится 75–80% добываемого на месторождении МПГ, 15–20% – на платину.

Еще одним немаловажным источником МПГ, в первую очередь платины, палладия и родия, выступает вторичное сырье. В 2022 г. вторичное предложение платины составило 21,0% от величины суммарного предложения на рынке, палладия – 32,9%, родия – 32,7% [3].

Основными источниками вторичных металлов являются отработанные автомобильные катализаторы, электронный лом и ювелирные изделия [9], прочими источниками – отработанные катализаторы химических процессов и риформинга нефтепродуктов, а также оборудование, используемое при производстве стекла, однако статистическая информация по извлечению МПГ из данных источников практически отсутствует.

Другие важные факторы влияния на рынок металлов платиновой группы связаны с региональными и отраслевыми особенностями их применения. Основными центрами потребления палладия по регионам являются: Китай (26%), Северная Америка (22%), Европа (21%), Япония (10%). На остальной мир в среднем приходится 21%. Потребление платины сконцентрировано в Китае (30%), Европе (24%), Северной Америке (17%) и Японии (10%). На остальной мир приходится в среднем пятая часть суммарного потребления [7].

Поскольку к отличительным свойствам МПГ относят устойчивость к химическому воздействию, отличные высокотемпературные характеристики и стабильные электрические свойства, их преимущественное использование сконцентрировано в отраслях промышленности [7]. В табл. 3 представлены данные о спросе на пять металлов группы по секторам за 2022 г. в натуральном выражении (в скобках указана доля отрасли в общей структуре потребления каждого металла).

Таблица 3 / Table 3

Объем спроса на металлы платиновой группы в 2022 г., тыс. Тр. унций и (%)
Platinum group metals demand in 2022, thousand Troy ounces and (%)

Отрасль	Платина	Палладий	Родий	Иридий	Рутений
Автомобильная	2762 (40,5)	8449 (84,1)	953 (91,7)	–	–
Химическая	699 (10,2)	589 (5,9)	66 (6,4)	30 (13,7)	383 (37,4)
Стоматология и биомедицина	253 (3,7)	186 (1,9)	–	–	–
Электроника	235 (3,4)	544 (5,4)	5 (0,5)	34 (15,5)	369 (36,1)
Стекольная	594 (8,7)	–	–	–	–
Ювелирная	1 344 (19,7)	87 (0,9)	–	–	–
Нефтехимия	230 (3,4)	–	–	–	–
Электрохимия	–	–	–	91 (41,6)	131 (12,8)
Другие	706 (10,3)	191 (1,9)	15 (1,4)	64 (29,2)	140 (13,7)
Итого	6823 (100)	10 046 (100)	1039 (100)	219 (100)	1023 (100)

Рассчитано по: [3] / Calculated to: [3].

Автопром является ключевым потребителем палладия (84,1% в структуре потребления), платины (40,5%) и родия (91,7%). Сплав трех металлов применяется в каталитических нейтрализаторах выхлопной системы автомобилей. Доминирующая составляющая палладия в сплаве применяется в машинах с бензиновыми двигателями, платины – в дизельных [1]. Такая высокая доля в структуре потребления МПГ вызывает особый интерес к тенденциям развития автомобильной промышленности. Активный переход на электромобили, в которых МПГ не применяются, принято считать негативной тенденцией, формирующей определенные риски [9].

Сплавы МПГ присутствуют в низковольтных и низкоэнергетических контактах, толсто- и тонкопленочных цепях, термopарах, деталях печей, электродах. Иридий и платина применяются для выращивания монокристаллов в качестве тигельных элементов [1]. В химической промышленности из сплавов платины или палладия с добавлением родия производят каталитические сетки для частичного окисления аммиака с получением оксида азота. Получаемый оксид является сырьем для удобрений, взрывчатых веществ и азотной кислоты. МПГ также применяются как катализаторы в синтетической органической химии. Диоксид рутения используется в качестве покрытий на титановых анодах, которые необходимы для процесса производства хлора и каустика. Катализаторы на платиновой основе используются в переработке сырой нефти, риформинге и других процессах, используемых при производстве высокооктановых бензинов и ароматических соединений для нефтехимии.

Поскольку платина и палладий являются биржевыми металлами, на их спрос оказывают влияние настроения инвесторов, как институциональных, так и спекулятивных [2]. Инвестиционный спрос, в свою очередь, может зависеть от макроэкономической ситуации в мире, динамики инфляции, изменений в денежно-кредитной политике, проводимых центральными банками, и от множества других, на первый взгляд неочевидных, факторов, которые трудно включить в фундаментальный анализ.

Таким образом, в ходе систематизации и теоретического рассмотрения природы рынков каждого из пяти металлов платиновой группы определены фундаментальные факторы со стороны спроса и предложения для дальнейшего проведения количественной оценки их связи друг с другом и с ценой.

Эмпирический анализ

В рамках факторного анализа предполагается построение корреляционной матрицы для каждого металла с целью выявления связей между факторами, а также степени их взаимозависимости. Факторный анализ рынков платины, палладия и родия основан на годовых исторических данных объема первичного предложения ключевых добывающих стран, объема вторичного предложения по секторам, объема спроса по каждой отрасли применения с 1992 по 2022 г. (31 наблюдение). Данные опубликованы в обзорах рынка металлов платиновой группы, проводимых компанией Johnson Matthey и находящихся в открытом доступе.

В качестве инструментов для построения корреляционных матриц использован прикладной программный пакет для эконометрического моделирования Gretl и Microsoft Excel. Оценка полученных в матрице значений проводится по следующей шкале:

- значение коэффициента от -1,0 до -0,9 показывает очень высокую отрицательную корреляцию;
- значение коэффициента от -0,9 до -0,7 показывает высокую отрицательную корреляцию;
- значение коэффициента от -0,7 до -0,5 показывает среднюю отрицательную корреляцию;
- значение коэффициента от -0,5 до -0,2 показывает слабую отрицательную корреляцию;
- значение коэффициента от -0,2 до 0,2 говорит об отсутствии линейной зависимости между факторами;
- значение коэффициента от 0,2 до 0,5 показывает слабую положительную корреляцию;
- значение коэффициента от 0,5 до 0,7 показывает среднюю положительную корреляцию;
- значение коэффициента от 0,7 до 0,9 показывает высокую положительную корреляцию;
- значение коэффициента от 0,9 до 1,0 свидетельствует об очень высокой положительной корреляции (возможна мультиколлинеарность факторов).

Для построения корреляционной матрицы платины в исследовании рассматривались следующие факторы.

1. Производство в Южной Африке, тыс. Toz.
2. Производство в России, тыс. Toz.
3. Производство в Северной Америке, тыс. Toz.
4. Производство в Зимбабве, тыс. Toz.
5. Производство в других регионах, тыс. Toz.
6. Итого первичное производство, тыс. Toz.
7. Вторичное предложение из автопрома, тыс. Toz.

8. Вторичное предложение из электроники, тыс. Toz.
9. Вторичное предложение из ювелирной отрасли, тыс. Toz.
10. Итого вторичное предложение, тыс. Toz.
11. Сумма первичного и вторичного предложения, тыс. Toz.
12. Спрос автопрома, тыс. Toz.
13. Спрос химической отрасли, тыс. Toz.
14. Спрос отрасли стоматологии и биомедицины, тыс. Toz.
15. Спрос для электроники, тыс. Toz.
16. Спрос стекольной промышленности, тыс. Toz.
17. Инвестиционный спрос, тыс. Toz.
18. Спрос ювелирной промышленности, тыс. Toz.
19. Спрос для нефтепереработки, тыс. Toz.
20. Другой спрос, тыс. Toz.
21. Суммарный спрос, тыс. Toz.
22. Баланс рынка (профицит/дефицит), тыс. Toz.
23. Среднегодовая цена, \$/Toz.
24. Инфляция в США (CPI USD), %.
25. Цена, скорректированная на инфляцию, \$/Toz.

На рис. 2 приведена корреляционная матрица линейной зависимости 25 факторов на рынке платины между собой. Для наглядности степень корреляционной зависимости между факторами выделена цветом.

№ фактора	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
1	1																								
2	0,07	1																							
3	0,59	0,11	1																						
4	0,26	-0,42	0,34	1																					
5	0,07	-0,31	0,21	0,30	1																				
6	0,95	0,25	0,68	0,38	0,10	1																			
7	0,50	-0,31	0,52	0,93	0,27	0,60	1																		
8	0,06	-0,43	0,24	0,93	0,47	0,19	0,80	1																	
9	0,47	-0,29	0,38	0,81	-0,09	0,52	0,88	0,55	1																
10	0,49	-0,31	0,47	0,91	0,11	0,57	0,98	0,72	0,96	1															
11	0,45	-0,34	0,45	0,94	0,16	0,54	0,98	0,77	0,94	1,00	1														
12	0,24	0,20	0,25	-0,36	0,15	0,20	-0,23	-0,28	-0,36	-0,30	-0,32	1													
13	0,31	-0,34	0,44	0,92	0,45	0,44	0,91	0,91	0,67	0,83	0,86	-0,10	1												
14	0,53	-0,33	0,36	0,86	0,02	0,57	0,89	0,66	0,92	0,93	0,93	-0,16	0,77	1											
15	0,25	0,48	0,29	-0,41	-0,12	0,26	-0,29	-0,38	-0,38	-0,35	-0,37	0,41	-0,22	-0,31	1										
16	0,37	-0,09	0,27	0,49	0,31	0,44	0,51	0,52	0,24	0,40	0,43	0,36	0,66	0,45	0,13	1									
17	-0,13	-0,17	0,02	0,32	-0,13	-0,08	0,30	0,19	0,45	0,38	0,37	-0,46	0,14	0,28	-0,47	-0,22	1								
18	-0,07	0,33	0,09	-0,63	0,02	-0,11	-0,55	-0,46	-0,68	-0,63	-0,64	0,83	-0,35	-0,55	0,62	0,12	-0,43	1							
19	0,28	-0,17	0,39	0,68	0,18	0,38	0,70	0,64	0,56	0,66	0,67	0,15	0,71	0,67	-0,23	0,60	0,18	-0,10	1						
20	0,19	-0,14	0,52	0,62	0,62	0,33	0,62	0,78	0,22	0,46	0,50	0,09	0,81	0,33	0,02	0,58	-0,04	0,02	0,57	1					
21	0,07	0,21	0,21	-0,36	0,16	0,05	-0,27	-0,22	-0,45	-0,37	-0,37	0,95	-0,07	-0,25	0,45	0,38	-0,37	0,92	0,18	0,20	1				
22	-0,03	-0,44	-0,04	0,84	0,20	0,06	0,69	0,83	0,61	0,68	0,73	-0,68	0,69	0,61	-0,58	0,27	0,38	-0,77	0,48	0,45	-0,62	1			
23	0,57	-0,20	0,32	0,64	-0,03	0,59	0,80	0,37	0,89	0,86	0,83	-0,28	0,57	0,82	-0,30	0,26	0,29	-0,65	0,39	0,13	-0,43	0,47	1		
24	-0,02	-0,04	-0,12	-0,01	0,15	-0,03	-0,02	0,13	-0,21	-0,11	-0,09	0,49	0,17	0,01	0,16	0,53	-0,67	0,31	0,10	0,18	0,43	-0,12	-0,05	1	
25	0,58	-0,09	0,25	0,41	-0,18	0,56	0,61	0,10	0,79	0,71	0,65	-0,22	0,32	0,68	-0,24	0,10	0,27	-0,57	0,22	-0,10	-0,41	0,26	0,96	-0,10	1

Рис. 2. Корреляционная матрица для факторов рынка платины (цвет онлайн)
 Fig. 2. Correlation matrix for platinum market factors (color online)

Основное внимание следует обратить на корреляцию факторов со среднегодовой ценой на платину с учетом (№ 25) и без учета (№ 23) инфляции. Из матрицы следует, что корректировка на инфляцию не усиливает корреляционную зависимость между факторами, поэтому для дальнейшего построения регрессионной модели в качестве зависимой переменной будет использована цена без учета инфляции (№ 23). Положительная зависимость цены от факторов предложения (№ 1, 4), в особенности вторичного (№ 7, 9), можно объяснить стремлением добывающих компаний и

переработчиков вторичного сырья поставить на рынок большее количество платины. Данная гипотеза частично подтверждается слабой положительной корреляцией факторов предложения и балансом рынка (№ 22).

Для построения корреляционной матрицы палладия отобраны следующие факторы.

1. Производство в Южной Африке, тыс. Toz.
2. Производство в России, тыс. Toz.
3. Производство в Северной Америке, тыс. Toz.
4. Производство в Зимбабве, тыс. Toz.
5. Производство в других регионах, тыс. Toz.
6. Итого первичное производство, тыс. Toz.

7. Вторичное предложение из автопрома, тыс. Toz.
8. Вторичное предложение из электроники, тыс. Toz.
9. Вторичное предложение из ювелирной отрасли, тыс. Toz.
10. Итого вторичное предложение, тыс. Toz.
11. Сумма первичного и вторичного предложения, тыс. Toz.
12. Спрос автопрома, тыс. Toz.
13. Спрос химической отрасли, тыс. Toz.
14. Спрос отрасли стоматологии и биомедицины, тыс. Toz.
15. Спрос для электроники, тыс. Toz.
16. Инвестиционный спрос, тыс. Toz.

17. Спрос ювелирной промышленности, тыс. Toz.
18. Другой спрос, тыс. Toz.
19. Суммарный спрос, тыс. Toz.
20. Баланс рынка (профицит/дефицит), тыс. Toz.
21. Среднегодовая цена, \$/Toz.
22. Инфляция в США (CPI USD), %.
23. Цена, скорректированная на инфляцию, \$/Toz.

На рис. 3 представлена корреляционная матрица линейной зависимости 23 факторов на рынке палладия. Для наглядности степень корреляционной зависимости между факторами выделена цветом.

№ фактора	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
1	1																						
2	-0,15	1																					
3	0,80	-0,27	1																				
4	0,61	-0,55	0,55	1																			
5	0,61	-0,13	0,67	0,32	1																		
6	0,49	0,78	0,33	-0,05	0,31	1																	
7	0,60	-0,55	0,61	0,98	0,40	-0,04	1																
8	0,73	-0,48	0,57	0,94	0,33	0,06	0,90	1															
9	0,53	-0,05	0,34	0,26	0,15	0,26	0,21	0,51	1														
10	0,65	-0,54	0,62	0,99	0,39	0,00	0,99	0,94	0,32	1													
11	0,81	0,14	0,68	0,68	0,50	0,68	0,70	0,73	0,41	0,73	1												
12	0,62	-0,27	0,64	0,87	0,43	0,23	0,90	0,78	0,14	0,88	0,80	1											
13	0,72	-0,40	0,67	0,89	0,44	0,15	0,90	0,85	0,28	0,91	0,77	0,82	1										
14	-0,75	0,53	-0,77	-0,89	-0,56	-0,06	-0,91	-0,87	-0,33	-0,92	-0,71	-0,86	-0,87	1									
15	-0,64	0,56	-0,81	-0,68	-0,67	0,03	-0,73	-0,62	-0,08	-0,71	-0,50	-0,69	-0,70	0,86	1								
16	-0,03	0,15	-0,15	-0,19	0,16	0,08	-0,18	-0,02	0,28	-0,14	-0,04	-0,22	-0,24	0,09	0,15	1							
17	0,45	0,32	0,29	-0,18	0,22	0,51	-0,22	0,08	0,53	-0,14	0,25	-0,25	0,01	0,01	0,04	0,37	1						
18	0,38	0,06	0,44	0,34	0,48	0,35	0,40	0,23	-0,25	0,35	0,49	0,38	0,48	-0,29	-0,41	-0,27	0,12	1					
19	0,61	-0,02	0,53	0,77	0,37	0,43	0,78	0,76	0,26	0,79	0,88	0,93	0,75	-0,73	-0,46	0,01	-0,06	0,35	1				
20	0,16	0,29	0,10	-0,39	0,13	0,31	-0,39	-0,28	0,18	-0,36	-0,05	-0,50	-0,19	0,25	0,07	-0,10	0,57	0,14	-0,52	1			
21	0,31	-0,39	0,43	0,76	0,40	-0,05	0,83	0,59	-0,08	0,78	0,53	0,78	0,76	-0,76	-0,62	-0,19	-0,39	0,38	0,65	-0,40	1		
22	-0,06	0,05	-0,06	0,01	0,12	0,02	0,06	-0,06	-0,05	0,04	0,04	-0,01	0,21	-0,07	-0,03	-0,06	0,02	0,19	-0,03	0,12	0,33	1	
23	0,29	-0,34	0,43	0,72	0,37	-0,02	0,80	0,54	-0,09	0,74	0,53	0,79	0,72	-0,74	-0,60	-0,19	-0,41	0,33	0,66	-0,44	0,99	0,29	1

Рис. 3. Корреляционная матрица для факторов рынка палладия (цвет онлайн)
Fig. 3. Correlation matrix for palladium market factors (color online)

Из матрицы следует аналогичный вывод о том, что корректировка на инфляцию не усиливает корреляционную зависимость между факторами. Высокая положительная корреляционная зависимость цены палладия (№ 21) отмечена от факторов спроса автомобильной (№ 12) и химической (№ 13) промышленности. Также примечательна слабая отрицательная взаимозависимость предложения российского палладия (№ 2) и цены (№ 21). Отмечено, что увеличение дефицита палладия (№ 20) имеет слабую отрицательную зависимость от цены (№ 21).

Для построения корреляционной матрицы факторов на рынке родия выделены следующие:

1. Производство в Южной Африке, тыс. Toz.
2. Производство в России, тыс. Toz.
3. Производство в Северной Америке, тыс. Toz.
4. Производство в Зимбабве, тыс. Toz.
5. Производство в других регионах, тыс. Toz.
6. Итого первичное производство, тыс. Toz.
7. Итого вторичное предложение, тыс. Toz.
8. Сумма первичного и вторичного предложения, тыс. Toz.
9. Спрос автопрома, тыс. Toz.
10. Спрос химической отрасли, тыс. Toz.
11. Спрос для электроники, тыс. Toz.
12. Спрос стекольной промышленности, тыс. Toz.

13. Другой спрос, тыс. Toz.
14. Суммарный спрос, тыс. Toz.
15. Баланс рынка (профицит/дефицит), тыс. Toz.
16. Среднегодовая цена, \$/Toz.
17. Инфляция в США (CPI USD), %.

18. Цена, скорректированная на инфляцию, \$/Toz.

На рис. 4 составлена корреляционная матрица 18 факторов на рынке родия между собой. Для наглядности степень корреляционной зависимости между факторами выделена цветом.

№ фактора	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1	1																	
2	-0,26	1																
3	0,32	-0,14	1															
4	0,60	-0,47	0,42	1														
5	0,30	-0,04	0,41	0,06	1													
6	0,94	0,06	0,35	0,54	0,32	1												
7	0,72	-0,45	0,44	0,95	0,21	0,66	1											
8	0,92	-0,19	0,43	0,81	0,29	0,92	0,90	1										
9	0,82	-0,21	0,41	0,77	0,34	0,81	0,87	0,92	1									
10	0,75	-0,27	0,50	0,78	0,21	0,73	0,85	0,86	0,73	1								
11	-0,49	0,30	-0,36	-0,53	-0,09	-0,43	-0,56	-0,54	-0,38	-0,69	1							
12	0,42	0,05	0,19	0,22	0,03	0,45	0,21	0,37	0,24	0,38	-0,30	1						
13	0,30	-0,14	0,35	0,35	0,04	0,29	0,33	0,34	0,19	0,58	-0,28	0,14	1					
14	0,86	-0,21	0,45	0,79	0,32	0,86	0,88	0,95	0,98	0,82	-0,45	0,38	0,32	1				
15	0,13	0,07	-0,11	-0,02	-0,11	0,14	-0,02	0,07	-0,27	0,07	-0,24	-0,08	0,03	-0,24	1			
16	0,32	-0,28	-0,03	0,45	0,03	0,26	0,52	0,42	0,54	0,23	-0,05	-0,49	-0,13	0,41	-0,02	1		
17	-0,04	0,02	-0,18	0,00	-0,07	-0,04	0,05	0,00	0,16	-0,10	0,28	-0,42	-0,21	0,06	-0,17	0,63	1	
18	0,30	-0,25	-0,05	0,38	-0,02	0,24	0,46	0,38	0,51	0,19	-0,03	-0,48	-0,14	0,38	-0,05	0,99	0,63	1

Рис. 4. Корреляционная матрица для факторов рынка родия (цвет онлайн)
Fig. 4. Correlation matrix for rhodium market factors (color online)

Искомая матрица подтверждает более сильную взаимосвязь факторов с ценой (№ 16) без учета инфляции. Среднюю положительную зависимость цена на родий (№ 16) имеет от фактора спроса со стороны автопрома (№ 9) и от фактора итогового вторичного предложения (№ 7). Слабая отрицательная зависимость цены на родий (№ 16) замечена от предложения металла из России (№ 2), а также от спроса со стороны стекольной промышленности (№ 12). Такая отрицательная зависимость цены от одного из секторов потребления обусловлена высокой концентрацией стекольной промышленности в Китае, где компании традиционно формируют значительные запасы металла, однако при изменившейся рыночной конъюнктуре распродают их [10].

Факторный анализ рынков иридия и рутения основан только на годовых исторических данных об объеме спроса по каждой отрасли применения с 2005 по 2022 г. (18 наблюдений). Практически все горно-металлургические

компании отдельно не выделяют добычу этих металлов, поэтому о рынке можно судить лишь по статистике потребления. В связи с тем, что отрасли, формирующие спрос на иридий и рутений, совпадают, для построения корреляционной матрицы рассматривались следующие общие факторы.

1. Спрос химической отрасли, тыс. Toz.
2. Спрос для электротехники и электроники, тыс. Toz.
3. Спрос электрохимической отрасли, тыс. Toz.
4. Другой спрос, тыс. Toz.
5. Суммарный спрос, тыс. Toz.
6. Среднегодовая цена, \$/Toz.
7. Инфляция в США (CPI USD), %.
8. Цена, скорректированная на инфляцию, \$/Toz.

На рис. 5 представлены корреляционные матрицы 8 факторов на рынках иридия и рутения. Для наглядности степень корреляционной зависимости между факторами выделена цветом.

№ фактора	1	2	3	4	5	6	7	8	№ фактора	1	2	3	4	5	6	7	8	
1	1								1	1								
2	-0,20	1							2	-0,18	1							
3	0,07	0,43	1						3	0,69	-0,41	1						
4	0,06	-0,03	0,50	1					4	0,87	-0,09	0,63	1					
5	-0,04	0,85	0,78	0,43	1				5	0,49	-0,27	0,35	0,34	1				
6	0,34	-0,09	0,61	0,24	0,22	1			6	-0,08	0,27	-0,47	-0,03	0,03	1			
7	0,61	-0,14	0,27	-0,10	-0,01	0,67	1		7	0,03	-0,01	-0,18	0,01	0,11	0,69	1		
8	0,31	-0,07	0,62	0,24	0,23	1,00	0,65	1	8	-0,21	0,33	-0,57	-0,14	0,03	0,98	0,61	1	

Рис. 5. Корреляционная матрица для факторов рынка иридия (слева) и рутения (справа) (цвет онлайн)
 Fig. 5. Correlation matrix for iridium (left) and ruthenium (right) market factors (color online)

Корректировка на инфляцию в цене на иридий не дала значимых результатов, однако скорректированная на инфляцию цена рутения усилила взаимосвязь факторов. Цена на иридий (№ 6) показала слабую положительную зависимость от спроса со стороны химической отрасли (№ 1) и среднюю положительную зависимость от спроса со стороны сектора электрохимии (№ 3). Цена с учетом инфляции на рутений (№ 8) показала слабую положительную зависи-

мость от спроса для электротехники и электроники (№ 2), а также слабую отрицательную взаимозависимость с потреблением в электрохимической отрасли (№ 3).

Следующим шагом после интерпритации полученных результатов является построение регрессионных моделей для каждого металла. В табл. 4 представлена модель множественной логарифмически-полиномиальной регрессии на платину.

Таблица 4 / Table 4

Модель множественной логарифмически-полиномиальной регрессии на платину
Multiple log-polynomial regression model for platinum

$\ln Y_{Pt} = 0,00143 \times X_1 - 0,0000002 \times X_1^2 + 0,00092 \times X_2 - 0,001359 \times X_3 + 4,476$			
Переменная	Значение		
$\ln Y_{Pt}$	Изменение среднегодовой цены на платину без учета инфляции, %		
X_1	Спрос автомобильной промышленности, тыс. Toz		
X_2	Вторичное предложение из ювелирной отрасли, тыс. Toz		
X_3	Производство в Северной Америке, тыс. Toz		
Характеристика переменных			
Переменная	Стандартная ошибка	T-statistic	P-value
X_1	0,000424462	3,371	0,0024
X_1^2	0,000133895	6,876	< 0,0001
X_2	0,00000007224	-2,805	0,0094
X_3	0,000790504	-1,719	0,0975
const	0,501640	8,924	< 0,0001
Регрессионная статистика			
Показатель	Значение	Показатель	Значение
Среднее зависимой переменной	6,674709	Стандартное отклонение зависимой переменной	0,523652
RSS	0,828522	Стандартная ошибка модели	0,178511
R^2	0,899284	Скорректированный R^2	0,883790
$F(4, 26)$	58,03816	P-value (F)	1,39e-12

Рассчитано по: [3, 5, 11] / Calculated to: [3, 5, 11].

Полученная модель на платину показывает, на сколько процентов изменяется цена на платину при изменении спроса автомобильной промышленности, вторичного предложения ювелирной отрасли и первичного производства в Северной Америке. Коэффициент детерминации (R^2) показывает высокое качество модели, а P -значение

подтверждает значимость модели. В отличие от других тестируемых моделей, данная модель позволила включить три значимых фактора, логарифм левой части и нелинейный характер спроса со стороны автопрома повысили точность модели.

В табл. 5 представлена модель парной полиномиальной регрессии на палладий.

Таблица 5 / Table 5

Модель парной полиномиальной регрессии на палладий
Pairwise polynomial regression model for palladium

$Y_{Pd} = -0,3789 \times X_1 + 0,000323 \times X_1^2 + 331,841$			
Переменная	Значение		
Y_{Pd}	Среднегодовая цена на палладий без учета инфляции, \$/Toz		
X_1	Вторичное предложение автомобильной промышленности, тыс. Toz		
Характеристика переменных			
Переменная	Стандартная ошибка	T-statistic	P-value
X_1	0,205864	-1,840	0,0763
X_1^2	0,000072	4,482	0,0001
const	100,951	3,287	0,0027
Регрессионная статистика			
Показатель	Значение	Показатель	Значение
Среднее зависимой переменной	641,3047	Стандартное отклонение зависимой переменной	620,3505
RSS	2105913	Стандартная ошибка модели	274,2466
R^2	0,817592	Скорректированный R^2	0,804562
$F(2, 28)$	62,75085	P -value (F)	4,51e-11

Рассчитано по: [3, 5, 11] / Calculated to: [3, 5, 11].

Построить многофакторную модель на палладий не получилось по причине высокой зависимости цены от спроса автомобильной промышленности. Однако среди прочих тестируемых парных моделей выявлена зависимость вторичного предложения автомобильной промышленности и цены на палладий. На рис. 6 представлен график, на котором показана нелинейная связь между фактором и зависимой переменной.

В совокупности с результатами теоретического анализа, который показал высокое влияние вторичного предложения палладия на цену, а также крайне высокую неопределенность с объемами такого предложения, полученную модель можно использовать в том числе для прогнозирования потенциального поступления вторичного металла на основе текущих цен.

В регрессионную модель на родий удалось включить два основных фактора: спрос со стороны автомобильной и стекольной промышлен-

ности. В табл. 6 представлена модель множественной полиномиальной регрессии на родий.

Среди тестируемых моделей данная модель имеет сильную регрессионную статистику, а полученное уравнение цены на родий может достаточно точно ее прогнозировать. Помимо автомобильной промышленности, на которую приходится более 90% всего потребления родия, модель содержит спрос со стороны стекольной отрасли. Как упоминалось ранее, китайские компании традиционно аккумулируют большой объем родия в запасах и могут выступать не только со стороны покупателя, но и со стороны продавца. В 2022 г. на волне распродаж накопленных запасов отрасль из нетто-потребителя перешла в состояние, в котором обеспечивала производство за счет собственного сырья. Такая динамика оказывает значительное влияние на развитие рынка, поэтому попытка моделирования и прогнозирования таких изменений снижает неопределенность, в том числе для горнодобывающих компаний.

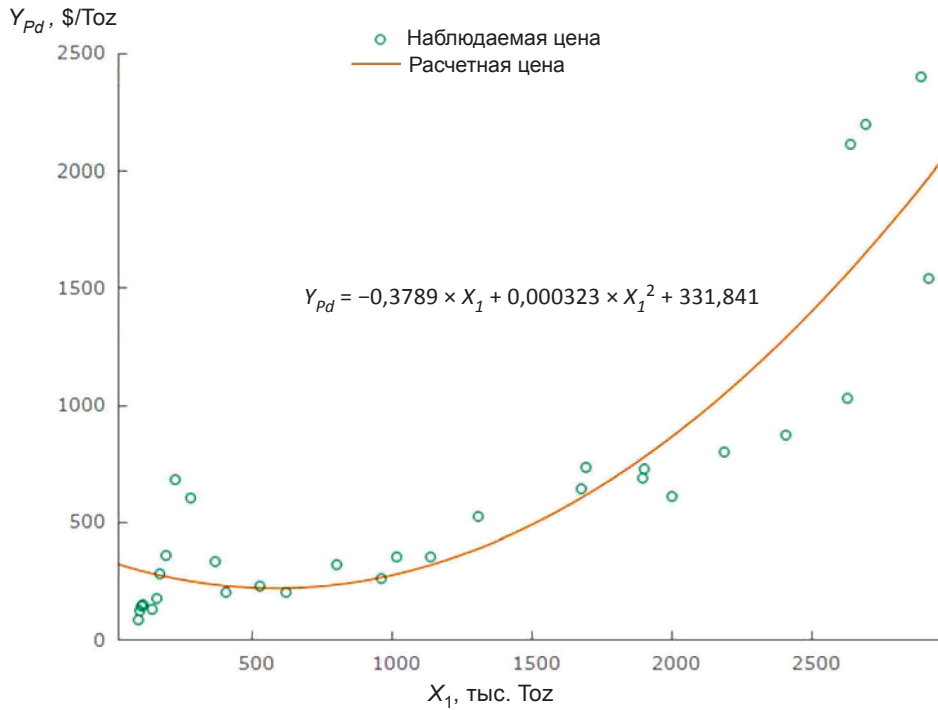

Рис. 6. Наблюдаемая и расчетная цена палладия от вторичного предложения автомобильной промышленности
 Fig. 6. Observed and estimated palladium price from automotive industry secondary supply

Таблица 6 / Table 6

Модель множественной полиномиальной регрессии на родий
Multiple polynomial regression model for rhodium

$Y_{Rh} = 1,5298 \times X_1 - 0,000331 \times X_1^2 + 1,0367 \times X_2 - 120,67$			
Переменная	Значение		
Y_{Rh}	Среднегодовая цена на родий без учета инфляции, \$/Toz		
X_1	Спрос автомобильной промышленности, тыс. Toz		
X_2	Спрос стекольной промышленности, тыс. Toz		
Характеристика переменных			
Переменная	Стандартная ошибка	T-statistic	P-value
X_1	0,188314	8,123	<0,0001
X_1^2	0,000139101	-2,382	0,0245
X_2	0,176991	5,857	<0,0001
const	57,1564	-2,111	0,0442
Регрессионная статистика			
Показатель	Значение	Показатель	Значение
Среднее зависимой переменной	816,2903	Стандартное отклонение зависимой переменной	231,7876
RSS	19873,75	Стандартная ошибка модели	27,13052
R^2	0,987670	Скорректированный R^2	0,986300
$F(1, 16)$	720,9014	P-value (F)	7,16e-26

Рассчитано по: [3, 11, 12] / Calculated to: [3, 11, 12].

Модели на иридий и рутений оказались наименее точны и значимы. Из-за недостатка открытых данных о производстве и отсутствия устойчивой динамики в сфере приме-

нения модели содержат одну независимую переменную. В табл. 7 приведена модель парной логарифмически-линейной регрессии на иридий.

Таблица 7 / Table 7

Модель парной логарифмически-линейной регрессии на иридий
Pairwise log-linear regression model for iridium

$\ln Y_{Ir} = 0,0276584 \times X_1 + 5,11$			
Переменная	Значение		
$\ln Y_{Ir}$	Изменение среднегодовой цены на иридий без учета инфляции, %		
X_1	Спрос электрохимической отрасли, тыс. Toz		
Характеристика независимых переменных			
Переменная	Стандартная ошибка	T-statistic	P-value
X_1	0,00528887	5,230	<0,0001
const	0,331881	15,40	<0,0001
Регрессионная статистика			
Показатель	Значение	Показатель	Значение
Среднее зависимой переменной	6,717257	Стандартное отклонение зависимой переменной	0,848498
RSS	4,517508	Стандартная ошибка модели	0,531361
R^2	0,630896	Скорректированный R^2	0,607827
$F(1, 16)$	27,34825	P-value (F)	0,000083

Рассчитано по: [5, 11, 12] / Calculated to: [5, 11, 12].

Модель на иридий показывает, на какой процент изменится цена на металл при изменении спроса со стороны электрохимической отрасли. При расширении рассматриваемых факторов, в

процессе тестирования моделей было зафиксировано снижение качества.

В табл. 8 представлена модель парной линейной регрессии на рутений.

Таблица 8 / Table 8

Модель парной линейной регрессии на рутений
Pairwise linear regression model for ruthenium

$Y_{Ru} = -3,526 \times X_1 + 741,821$			
Переменная	Значение		
Y_{Ru}	Среднегодовая цена на рутений с учетом инфляции, \$/Toz		
X_1	Спрос электрохимической отрасли, тыс. Toz		
Характеристика независимых переменных			
Переменная	Стандартная ошибка	T-statistic	P-value
X_1	1,27018	-2,776	0,0135
const	176,115	4,212	0,0007
Регрессионная статистика			
Показатель	Значение	Показатель	Значение
Среднее зависимой переменной	267,5635	Стандартное отклонение зависимой переменной	214,3627
RSS	527230,3	Стандартная ошибка модели	181,5266
R^2	0,325079	Скорректированный R^2	0,282896
$F(1, 16)$	7,706470	P-value (F)	0,013491

Рассчитано по: [3, 11, 12] / Calculated to: [3, 11, 12].

Приведенная модель позволяет определить цену на рутений на основе спроса со стороны электрохимической отрасли. Регрессионный анализ факторов на рынке рутения не показал значимых зависимостей, а прогнозирование цены на металл может быть выполнено только с достаточно низкой точностью.

Таким образом, на основе обнаруженных взаимозависимостей факторов на рынке каждого из пяти металлов, а также в ходе тестирования различных вариантов сочетания этих факторов представлены наиболее значимые прогнозные модели, за счет которых возможно делать выводы о направлениях развития рынка металлов платиновой группы в целом.

Результаты

По итогам исследования, часть факторов, в особенности со стороны первичного производства, имеет схожий характер влияния на рынок всей группы металлов. При этом важно отметить, что степень влияния этих факторов сильно зависит от рыночной ситуации по наиболее распространенным металлам (платина, палладий, родий).

Динамика поступления вторичных металлов на рынок хоть и носит децентрализованный труднопрогнозируемый характер, однако при повышении цен на металлы была установлена прямая взаимозависимость ответного повышения вторичного предложения на рынке. Стоит отметить, что на текущем этапе развития рынков МПГ вторичное предложение оказывает ограниченное влияние, но в будущем роль этого фактора будет возрастать.

Проведенный анализ факторов со стороны спроса подтвердил высокую зависимость цен палладия и родия от потребления автомобильной промышленностью. Помимо основного фактора влияния, установлена зависимость цены на платину от потребления в химической отрасли и применения металла в стоматологии. Спрос стекольной промышленности вызывает изменение цены на родий.

Помимо прочего, из-за высокой концентрации добычи МПГ в пяти странах, четверем из которых недостаточно емкости внутреннего рынка применения, в процессе перераспределения металлов на развитые рынки допустимо проявление косвенных производственных, экономических и политических факторов, не включенных в данное исследование, но которые будут рассмотрены в следующих работах.

Список литературы

1. *Loferski P. J.* Platinum-Group Metals Statistics and Information // US Geological Survey, February. 2015. URL: <http://minerals.usgs.gov/minerals/pubs/commodity/platinum> (дата обращения: 30.10.2023).
2. Platinum Quarterly // World Platinum Investment Council (WPIC), Q2 2023. Available at: https://platinuminvestment.com/files/419953/WPIC_Platinum_Quarterly_Q2_2023.pdf (accessed October 30, 2023).
3. PGM market report May 2014, 2018, 2023 // Johnson Matthey. URL: <https://matthey.com/en/products-and-markets/pgms-and-circularity/pgm-markets/pgm-market-reports> (дата обращения: 30.10.2023).
4. *Степанов И. А.* Анализ влияния факторов на рынок металлов платиновой группы в 2022 году // Инновационные механизмы управления цифровой и региональной экономикой : материалы V Междунар. студ. науч. конф. М. : НИЯУ «МИФИ», 2023. С. 16–28. EDN: TGRMJQ
5. LBMA Precious Metal Prices. URL: <https://www.lbma.org.uk/prices-and-data/precious-metal-prices/#/> (дата обращения: 31.10.2023).
6. *Zientek M. L., Loferski P. J., Park, H. L., Schult R. F., Sea R. R. II.* Platinum-group elements. Chaper N of Critical mineral resources of the United States – Economic and environmental geology and prospects for future supply / ed. by K. J. Schulz, J. H. DeYoung, Jr., R. R. Seal II, D. C. Bradley. Reston, V.A. : U.S. Geological Survey, 2017. P. N1–N91 (Professional Paper 1802). <https://doi.org/10.3133/pp1802N>
7. Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2011 году». Москва, 2021. URL: <https://gd2021.data-geo.ru/pmd/pt/> (дата обращения: 30.10.2023).
8. *Raymond T., Wilson D., Clifford B.* Platinum perspectives // World Platinum Investment Council (WPIC). URL: <https://platinuminvestment.com/> (дата обращения 30.10.2023).
9. *Tang H., Peng Zh., Tian R., Ye L., Zhang J., Rao M., Li G.* Platinum-group metals: Demand, supply, applications and their recycling from spent automotive catalysts // Journal of Environmental Chemical Engineering. 2023. Vol. 11, iss. 5. Art. 110237. <https://doi.org/10.1016/j.jece.2023.110237>
10. *Yi S., Laine E., Yi X.* Shandong Fiberglass Dips into Rhodium Reserves Again to Buoy Performance. URL: <https://www.yicaiglobal.com/news/shandong-fiberglass-dips-into-rhodium-reserves-again-to-buoy-performance> (дата обращения: 30.01.2023).
11. Platinum 2001, 2006 // Johnson Matthey. URL: <https://matthey.com/products-and-markets/pgms-and-circularity/pgm-management/report-archive> (дата обращения: 30.10.2023).
12. PGM prices and trading // Johnson Matthey. URL: <https://matthey.com/products-and-markets/pgms-and-circularity/pgm-management/> (дата обращения: 30.10.2023).

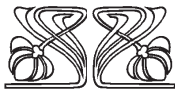
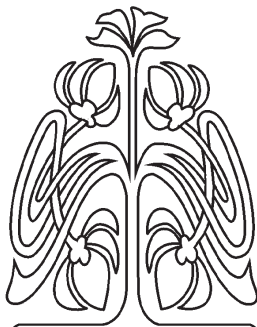
References

1. Loferski P. J. Platinum-Group Metals Statistics and Information. *US Geological Survey*, February. 2015. Available at: <http://minerals.usgs.gov/minerals/pubs/commodity/platinum> (accessed October 30, 2023).
2. Platinum Quarterly. *World Platinum Investment Council (WPIC)*, Q2 2023. Available at: https://platinuminvestment.com/files/419953/WPIC_Platinum_Quarterly_Q2_2023.pdf (accessed October 30, 2023).
3. PGM Market Report May 2014, 2018, 2023. *Johnson Matthey*. Available at: <https://matthey.com/en/products-and-markets/pgms-and-circularity/pgm-markets/pgm-market-reports> (accessed October 30, 2023).
4. Stepanov I. A. Analysis of the factors' impact on the platinum group metals market in 2022. *Innovatsionnye mekhanizmy upravleniya tsifrovoy i regional'noy ekonomikoy* [Innovative Mechanisms for Managing the Digital and Regional Economy. Materials of the V International student scientific conference]. Moscow, National Research Nuclear University "MEPhI" Publ., 2023, pp. 16–28 (in Russian). EDN: TGRMJQ
5. *LBMA Precious Metal Prices*. Available at: <https://www.lbma.org.uk/prices-and-data/precious-metal-prices#/> (accessed October 30, 2023).
6. Zientek M. L., Loferski P. J., Parks H. L., Schulte R. F., Seal R. R., II, 2017, *Platinum-group elements*. Chapter N of Schulz K. J., DeYoung J. H., Jr., Seal R. R., II, Bradley D. C. (eds.) *Critical mineral resources of the United States—Economic and environmental geology and prospects for future supply*. Professional Paper 1802. Reston, V.A., U.S. Geological Survey, 2017, pp. N1–N91. <https://doi.org/10.3133/pp1802N>
7. *Gosudarstvennyy doklad «O sostoyanii i ispol'zovanii mineral'no-syr'evykh resursov Rossiyskoy Federatsii v 2011 godu»* (State report “About the state and use of mineral resources in the Russian Federation in 2021”. Moscow, 2021). Available at: <https://gd2021.data-geo.ru/pmd/pt/> (accessed October 30, 2023) (in Russian).
8. Raymond T., Wilson D., Clifford B. Platinum perspectives. *World Platinum Investment Council (WPIC)*. Available at: <https://platinuminvestment.com/> (accessed on 30 October 2023).
9. Tang H., Peng Zh., Tian R., Ye L., Zhang J., Rao M., Li G. Platinum-group metals: Demand, supply, applications and their recycling from spent automotive catalysts. *Journal of Environmental Chemical Engineering*, 2023, vol. 11, iss. 5, art. 110237. <https://doi.org/10.1016/j.jece.2023.110237>
10. Yi S., Laine E., Yi X. *Shandong Fiberglass Dips into Rhodium Reserves Again to Buoy Performance*. Available at: <https://www.yicaiglobal.com/news/shandong-fiberglass-dips-into-rhodium-reserves-again-to-buoy-performance> (accessed January 30, 2023).
11. Platinum 2001, 2006. *Johnson Matthey*. Available at: <https://matthey.com/products-and-markets/pgms-and-circularity/pgm-management/report-archive> (accessed October 30, 2023).
12. PGM prices and trading. *Johnson Matthey*. Available at: <https://matthey.com/products-and-markets/pgms-and-circularity/pgm-management/> (accessed October 30, 2023).

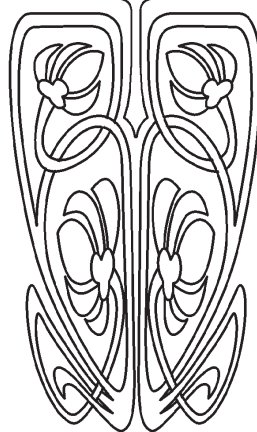
Поступила в редакцию 31.10.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 04.12.2023
The article was submitted 31.10.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 04.12.2023

ПРАВО

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 52–58
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 52–58
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-52-58>
EDN: LPROTZ

Научная статья
УДК 342.523

Цифровое неравенство в системе местного самоуправления: понятие, критерии, пути преодоления

М. А. Липчанская

Российский государственный университет правосудия, Россия, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

Липчанская Мария Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права имени Н. В. Витрука, lipchan_maria@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4410-0578>

Аннотация. Введение. С конца XX – начала XXI в. все сферы социального управления, в том числе публичного, испытывают серьезное влияние современных цифровых технологий, которые, с одной стороны, создают новые возможности для повышения эффективности управленческой деятельности, с другой – несут определенные риски, потенциально провоцируя цифровое неравенство. В статье представлен анализ предпосылок и причин цифрового неравенства муниципальных образований. Выявлены и обобщены критерии такого неравенства. Сделана попытка выяснить отношение органов местного самоуправления и граждан, проживающих и цифровом локдауне, к цифровой трансформации публичного управления и местного хозяйства. Высказаны предложения по нивелированию цифрового неравенства муниципалитетов. **Теоретический анализ.** Несмотря на то что проблема цифрового неравенства находится в фокусе внимания исследователей уже свыше 20 лет, не существует универсальной интерпретации этого феномена в теоретическом аспекте, отсутствуют единые параметры ее измерения, не выработан алгоритм преодоления. Отмечается, что подходы к пониманию цифрового неравенства и его последствий претерпели серьезные изменения: от беспрепятственного доступа к сети Интернет до запроса человека на пользование цифровыми ресурсами, в том числе и в сфере местного самоуправления. **Эмпирический анализ.** Проведен анализ нормативно-правового регулирования цифровой трансформации, в результате которого сделан вывод, что в настоящее время преобладает гибкое или «мягкое» правовое регулирование цифровизации публичного управления. Указывается, что специального федерального закона, регламентирующего процесс цифровой трансформации в системе публичного управления и, соответственно, в системе местного самоуправления в Российской Федерации, не принято. Проанализированы критерии по оцениванию цифрового неравенства российских субъектов, возможность и целесообразность их масштабирования на уровень местного самоуправления. **Результаты.** Показано, что на уровне местного самоуправления цифровое неравенство является актуальной проблемой, имеющей комплексный технологический, социально-экономический, социокультурный и правовой характер. Доказано, что произошла трансформация сути и понимания цифрового неравенства: от проблемы доступа к цифровым технологиям до обеспечения равных условий реализации гражданами своих конституционных прав посредством таких технологий, в том числе права на местное самоуправление. Высказано предложение о специальном программном подходе преодоления цифрового неравенства муниципальных образований.

Ключевые слова: конституционная система власти, публичная власть, местное самоуправление, цифровая трансформация, цифровое неравенство, муниципальные образования

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-01252 «Трансформация института местного самоуправления в Российской Федерации в условиях развития современных цифровых технологий: правовые аспекты», <https://rscf.ru/project/23-28-01252/>) на базе ФГБОУ ВО «Государственный университет управления».

Для цитирования: Липчанская М. А. Цифровое неравенство в системе местного самоуправления: понятие, критерии, пути преодоления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 52–58. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-52-58>, EDN: LPROTZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Digital divide in the local government system: Concept, criteria, ways to overcome it

M. A. Lipchanskaya

Russian State University of Justice, 69 Novocheremushkinskaya St., Moscow 117418, Russia

Maria A. Lipchanskaya, lipchan_maria@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4410-0578>

Abstract. Introduction. Since the end of the 20th and beginning of the 21st centuries, all areas of social management, including public management, have been seriously influenced by modern digital technologies, which, on the one hand, create new opportunities to increase the efficiency of management activities; on the other hand, they pose certain risks, potentially provoking digital inequality. The article presents an analysis of the prerequisites and causes of digital inequality in municipalities. The criteria for such inequality are identified and generalized. An attempt was made to find out the attitude of local governments and citizens, living under digital lockdown, towards the digital transformation of public administration and local economy. Proposals have been made to level the digital divide in municipalities. **Theoretical analysis.** The problem of digital inequality has been the focus of attention of researchers for over 20 years. However, the scientific discourse on digital inequality is still fragmented: there is no universal interpretation of this phenomenon in the theoretical aspect; there are no uniform parameters for measuring it, and no algorithm for overcoming it has been developed. It is noted that approaches to understanding digital inequality and its consequences have undergone major changes: from unhindered access to the Internet to a person's request to use digital resources, including those in the field of local government. **Empirical analysis.** The analysis of the legal regulation of digital transformation was carried out. As a result, it was concluded that flexible or "soft" legal regulation of the digitalization of public administration currently prevails. It is indicated that a special federal law regulating the process of digital transformation in the public administration system and in the local government system, respectively, has not been adopted in the Russian Federation. The criteria for assessing the digital inequality of Russian subjects, the possibility and feasibility of scaling them to the level of local government were analyzed. **Results.** Based on the results of the study, it is shown that at the local government level, digital inequality is an urgent problem that has a complex technological, socio-economic, socio-cultural and legal nature. It has been proven that there has been a transformation in the essence and understanding of digital inequality: from the problem of access to digital technologies to ensuring equal conditions for citizens to exercise their constitutional rights through such technologies, including the right to local self-government. A proposal for a special program approach has been made to overcome the digital divide in municipalities.

Keywords: constitutional system of power, public authority, local government, digital transformation, digital inequality, municipalities

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Science Foundation (project No 23-28-01252 "Transformation of the institution of local self-government in the Russian Federation in the context of the development of modern digital technologies: Legal aspects", <https://rscf.ru/project/23-28-01252/>) on the basis of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "State University of Management".

For citation: Lipchanskaya M. A. Digital divide in the local government system: Concept, criteria, ways to overcome it. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 52–58 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-52-58>, EDN: LPROTZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Конституция Российской Федерации как документ, обладающий высшей юридической силой, возглавляющий иерархию нормативно-правовых актов, закрепляет социальные, экономические, политико-правовые ценности, определяет стратегические ориентиры и приоритеты развития страны. Закон о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» конституировал ряд новых положений в сфере цифровизации, роли и места

местного самоуправления в конституционной системе власти. Нельзя не замечать, что цифровая трансформация провоцирует перед системой публичного управления и обществом в целом серьезные вызовы, среди которых цифровое неравенство граждан, муниципальных образований, субъектов Российской Федерации занимает одну из ведущих позиций. Объективной научной проработки требует не только понятие цифрового неравенства, его критерии, но и выявление комплекса причин и последствий различного уровня готовности населения и органов публичной власти к внедрению и использованию новых цифровых технологий.

Теоретический анализ

Следует отметить, что проблема цифрового неравенства находится в фокусе внимания исследователей уже свыше 20 лет и не теряет своей актуальности. В англоязычных публикациях используются более жесткие термины, такие как «цифровой разрыв», «цифровой раскол» (digital divide, digital inequality, digital gap). Тем не менее, как отмечают авторы статьи «Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения», за два десятилетия подходы к пониманию цифрового разрыва претерпели видимые изменения [1, с. 41], с чем нельзя не согласиться.

В своей статье А. А. Гладкова, В. З. Гарифуллин и Рагнедда Массимо представляют подробный анализ эволюционирования понимания и интерпретации цифрового неравенства: от преимущественно географического характера, когда «идея раскола фокусировалась в основном вокруг неравномерного доступа к Интернету и цифровым технологиям в разных странах и регионах мира», до трактования цифрового неравенства как проблемы не только технологического, но и социального характера, когда «акцент сместился на многомерный характер цифрового неравенства, имеющего сложную природу и оказывающего непосредственное влияние на развитие общества» [1, с. 43]. Ссылаясь на классический труд П. Норриса «Цифровое неравенство: гражданское участие, информационная бедность и Интернет», авторы доказывают, что с начала XX в. цифровизация приобретает новые смыслы, проявляется ее амбивалентность, поскольку поднимался вопрос о том, «будет ли Интернет ... увеличивать или уменьшать расколы социального характера...» [2, с. 192].

Действительно, в современных условиях цифровое неравенство не ограничивается доступом к информационно-коммуникативным технологиям. Важно научно обосновать взаимообусловленность цифрового неравенства и различных индивидуальных и специальных статусов личности. Эта мысль не претендует на уникальность. Подобные исследования уже проводились. Например, в научных работах выявлены и доказаны корреляции между возрастным, гендерным факторами [3, с. 8; 4, с. 237], уровнем образования и доходов, личной мотивации пользователей, с одной стороны, и уровнем доступа к цифровым технологиям, а также спецификой их использования для профессиональных и личных

целей – с другой [5, с. 19–21; 6, с. 116; 7, с. 11]. Приведенные данные смещают фокус проблемы цифрового неравенства исключительно с технологической и финансовой основы на социальный фактор [8, с. 168]. Это означает, что при условии наличия примерно равного доступа граждан к информационным технологиям востребованность последних может существенно отличаться.

Именно в этой связи актуализируется проблема выявления причин цифрового неравенства не только на уровне субъектов Российской Федерации, но и на более приближенном к населению уровне – в муниципальных образованиях [9, с. 176]. Конечно, цифровая дифференциация российских субъектов детерминирована цифровым неравенством входящих в их состав муниципальных образований, но для более ясной картины не только масштабов цифрового разрыва, но и степени вовлеченности и мотивированности органов местного самоуправления и проживающего там населения целесообразно выявлять и обосновывать, критериально измерять цифровое неравенство муниципальных образований, цифровые компетенции муниципальных служащих, наличие и доступ к ИКТ жителей муниципалитетов и, что не менее важно, навыки пользования этими технологиями.

Эмпирический анализ

Как ранее отмечалось, конституционные поправки 2020 года предусмотрели дополнение пп. «и», ст. 71 Конституции РФ положением о том, что к предметам исключительного ведения РФ относятся информационные технологии. С одной стороны, есть позиция, что «оптимальный баланс в разграничении предметов ведения и полномочий в данной области может быть достигнут только в случае федерального приоритета в решении принципиальных вопросов регулирования искусственного интеллекта и цифровых технологий» [10, с. 78]. Несомненно, определенные основания для такого вывода имеются. С другой стороны, федеративный характер государственного устройства, дополненный различиями экономического, социокультурного и этнического характера, заставляет задуматься об адекватном разграничении полномочий и, соответственно, правовом регулировании использования цифровых технологий.

В настоящее время преобладает гибкое или «мягкое» правовое регулирование цифровизации публичного управления и иных сфер общественной жизни. Следует обратить внимание на то, что

специального федерального закона, регламентирующего процесс цифровой трансформации, в системе публичного управления в Российской Федерации не принято. Да и, наверное, в нем нет необходимости. Хотя среди отечественных ученых бытует мнение, что «отвечая на вызовы современного мира, законодатель продуцирует все новое количество нормативных правовых актов, что приводит к сложности (а то и невозможности) отслеживания всех связей внутри массива правовой информации, непониманию смысла норм даже самими законодателями, снижению качества законодательных актов» [11, с. 27]. С одной стороны, с этим сложно не согласиться, но с другой – цифровизация является трансграничным явлением и непроизвольно детерминирует «проникновение цифровых норм» во все большее количество отраслевых нормативных правовых актов. В этом заключается глобальная сложность правового нормирования цифровизации и/или цифровой трансформации привычных экономических, социальных, политических, управленческих и иных процессов.

Спецификой Российской Федерации является регламентирование цифровизации управления актами государственного стратегического планирования и правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, иными словами, доминирует гибкое правовое регулирование процессов цифровизации, в том числе и в сфере управления. Как известно, отдельных программных документов, посвященных формированию цифрового муниципалитета, в настоящее время также не принято. Правовое регламентирование цифровой трансформации в России в настоящее время осуществляется по следующему сценарию. Основным программным документом является Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», в развитие которого принята национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [12]. Данная программа в своей структуре содержит направление «Цифровое государственное управление», в рамках которого запланирована работа по созданию комплекса системных мер, нацеленных на ускорение цифровой трансформации муниципалитетов по ключевым позициям, в том числе в сфере предоставления муниципальных услуг, развития информационной инфраструктуры в муниципальных учреждениях, внедрения цифровых платформ инвентаризации, учета и контроля энергоресурсов и имущественных комплексов муниципалитетов.

Представляется, что «осторожность» и «мягкость» нормирования цифровой трансформации местного самоуправления во многом обусловлена цифровым неравенством муниципальных образований, а также проживающего в них населения.

В настоящее время проводятся достаточно серьезные исследования по выявлению и оцениванию цифрового неравенства российских субъектов [13, 14]. Обратимся к некоторым из них.

Интересным представляются исследования способов измерения цифровой трансформации регионов и критерии, на основе которых осуществляется их рейтингование. Нельзя не сказать, что измерение цифровой трансформации регионов началось не так давно и было спровоцировано пандемией, повлекшей вынужденное стремительное увеличение числа государственных и муниципальных услуг, предоставляемых дистанционно, а также цифровых каналов коммуникации в сфере публичного управления, реализации прав и свобод человека и гражданина.

Первый рейтинг цифровой трансформации был представлен Правительством РФ в конце 2021 г. [15]. Через год обновленный рейтинг показал серьезные отличия от предыдущего [16]. Весьма интересно, что подсчету подвергается и деятельность так называемых руководителей цифровой трансформации регионов [17].

Совершенствуются и критерии, по которым ранжируются субъекты Российской Федерации, и руководители органов власти в сфере развития цифровизации публичного управления и экономики. Так, до 2023 г. данная методика аккумулировала семь критериев: уровень цифровой зрелости региона, наличие платформы обратной связи с гражданами и бизнесом, эффективность мер поддержки IT-отрасли, уровни информационной безопасности, эксплуатации системы межведомственного электронного взаимодействия, импортонезависимости ПО, перевода массовых социально значимых услуг в электронный вид.

С 2023 г. расчет такого рейтинга усложнился и будет рассчитываться по 12 количественно оцениваемым показателям:

- цифровая зрелость по пяти отраслям (здравоохранение, образование, городское хозяйство и строительство, общественный транспорт, государственное управление);
- группа из шести показателей, характеризующих цифровизацию госуслуг;
- оценка количества исполнительных документов, направляемых мировыми судьями субъекта РФ в ФССП России в электронном виде;

– доля оформления медицинских свидетельств о рождении в форме электронного документа в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения;

– уровень импортнезависимости программного обеспечения;

– эксплуатация СМЭВ;

– меры поддержки ИТ-отрасли, в том числе льготная ипотека для ИТ-специалистов;

– «госпаблики»;

– внедрение платформы обратной связи;

– качество обращений в службу технической поддержки Единой информационной системы управления кадровым составом государственной гражданской службы РФ;

– информационная безопасность;

– размещение кадастровых номеров объектов недвижимости, являющихся объектами адресации, в привязке к их адресам в государственном адресном реестре [18].

Признавая мотивационную важность введения рейтинга, не будем более подробно оценивать методику его определения, а обратимся к проблеме цифровизации муниципальных образований с иной стороны – с позиции населения. Проведенные социологические исследования показывают, что цифровой разрыв в муниципальных образованиях связан с потребностями и запросами жителей. Представляется обоснованным вывод, сделанный исследователями «Сколково» в 2020 г.: «...органам управления и лидерам регионов нужно формировать цифровой спрос у населения и навыки грамотного использования достижений цифровизации. Отдельное направление – создание инновационной среды с творческой составляющей и улучшение качества человеческого капитала» [19]. Действительно, проблема цифровизации местного самоуправления и преодоление цифрового неравенства на муниципальном уровне нельзя ограничивать технологическими причинами, необходимо формировать общество, готовое пользоваться этими ресурсами. Поскольку цифровое неравенство на муниципальном уровне – многомерное и многофакторное явление, представляется обоснованным разработка специального программного подхода и правового регулирования, отличных от аналогичных программ и норм, направленных на цифровизацию государственного управления.

Результаты

Несмотря на широкий спектр мер федерального и регионального характера по пре-

одолению цифрового неравенства как на уровне субъектов Российской Федерации, так и на уровне местного самоуправления, цифровое неравенство по-прежнему является для России актуальной проблемой, имеющей комплексный технологический, социально-экономический, социокультурный и правовой характер. Произошла трансформация сути и понимания цифрового неравенства: от проблемы доступа к цифровым технологиям до обеспечения равных условий реализации гражданами своих конституционных прав посредством таких технологий.

Федеративный характер Российского государства, обусловленный масштабом территории, мультинациональным и полиэтничным составом российского общества и другими факторами, дифференциация субъектов Российской Федерации по экономическим, инфраструктурным и кадровым ресурсам, по сути, стали объективными причинами цифрового неравенства муниципальных образований, которое следует признать многомерным и многофакторным явлением, требующим специального программного подхода и правового регулирования, отличных от аналогичных программ и норм, направленных на цифровизацию государственного управления.

Список литературы

1. *Гладкова А. А., Гарифуллин В. З., Рагнетда Массимо.* Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере Республики Татарстан) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019. № 4. С. 41–45. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172>
2. *Norris P.* The digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2001. 304 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139164887>
3. *Жеребин В. М., Махрова О. Н.* Цифровой раскол между поколениями // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. Серия «Инновационная экономика: человеческое измерение». 2015. № 4. С. 5–9. EDN: UHYAUD
4. *Смирнова О. В.* Цифровое неравенство в национальном контексте стран СНГ // Век информации. 2017. № 2. С. 237–238.
5. *Nieminen H.* Digital divide and beyond: What do we know of information and communications technology's long-term social effects? Some uncomfortable questions // European Journal of Communication. 2016. Vol. 31, iss 11. P. 19–32. <https://doi.org/10.1177/0267323115614198>
6. *Park S.* Digital capital. London, UK : Palgrave Macmillan, 2017. 247 p. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-59332-0>

7. Вартанова Е. Л. Концептуализация цифрового неравенства: основные этапы // Медиа Альманах. 2018. № 5. С. 8–12. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.5.2018.812>
8. Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182.
9. Липчанская М. А., Шиндина А. В. Правовое регулирование цифровой трансформации местного самоуправления в Российской Федерации и странах Азии: сравнительное исследование // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 3. С. 174–189. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-3-13>
10. Липчанская М. А., Заметина Т. В. Социальные права граждан в условиях использования искусственного интеллекта: правовые основы и пробелы законодательного регулирования в России // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 78–96. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.134>
11. Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов. Ч. 1 / под ред. С. Ф. Афанасьева, В. Ф. Борисовой. М. : Русайнс, 2022. 198 с.
12. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 05.07.2023).
13. Брагина Е. М., Орлова Д. С. Преодоление цифрового неравенства в условиях Крайнего Севера (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2017. № 3 (51). URL: <https://eee-region.ru/article/5107/> (дата обращения: 05.07.2023).
14. Дронов В. Н., Махрова О. Н. Цифровое неравенство Рязанской области. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та управления и экономики, 2015. 148 с.
15. В России в 2021 году появится рейтинг цифровой трансформации федеральных ведомств. URL: <https://iz.ru/1098931/2020-12-11/v-rossii-v-2021-godu-poiavitsia-reiting-tcifrovoy-transformacii-federalnykh-vedomstv> (дата обращения: 05.07.2023).
16. Подготовлен рейтинг цифровой трансформации федеральных министерств. URL: <https://rg.ru/2021/01/26/podgotovlen-rejting-cifrovoj-transformacii-federalnyh-ministerstv.html> (дата обращения: 05.07.2023).
17. Рейтинг руководителей цифровой трансформации федеральных ведомств. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/41694/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (дата обращения: 05.07.2023).
18. Стала известна методика оценки деятельности РЦТ субъектов РФ в 2023 году. URL: <https://d-russia.ru/stala-izvestna-metodika-ocenki-deyatelnosti-rct-subektov-rf-v-2023-godu.html> (дата обращения: 05.07.2023).
19. Цифровая жизнь российских регионов. URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/digital-life-of-russian-cities/> (дата обращения: 05.07.2023).

References

1. Gladkova A. A., Garifullin V. Z., Ragnedda Massimo. Model of three levels of the digital divide: Current advantages and limitations (As exemplified by the Republic of Tatarstan). *Vestnik Moscovskogo Univthsiteta. Seriya 10. Journalistika*, 2019, no. 4, pp. 41–45 (in Russian).
2. Norris P. *The digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide*. Cambridge, UK, Cambridge University Press, 2001. 304 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139164887>
3. Zherebin V. M., Makhrova O. N. The digital divide between generations. *FES: Finance. Economics. Strategy. Innovation Economy Series: Human Dimension*, 2015, no. 4, pp. 5–9 (in Russian). EDN: UHYAUD
4. Smirnova O. V. Digital inequality in the national context of the CIS countries. *Age of Information*, 2017, no. 2, pp. 237–238.
5. Nieminen H. Digital divide and beyond: What do we know of information and communications technology's long-term social effects? Some uncomfortable questions. *European Journal of Communication*, 2016, vol. 31, iss. 11, pp. 19–32. <https://doi.org/10.1177/0267323115614198>
6. Park S. *Digital capital*. London, UK, Palgrave Macmillan, 2017. 247 p. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-59332-0>
7. Vartanova E. L. Conceptualization of digital inequality: Main stages. *Media Almanac*, 2018, no. 5, pp. 8–12 (in Russian).
8. Volchenko O. V. Dynamics of digital inequality in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2016, no. 5, pp. 163–182 (in Russian).
9. Lipchanskaya M. A., Shindina A. V. Legal regulation of the digital transformation of local self-government in the Russian Federation and Asian countries: a comparative study. *Izvestiya vuzov. Povolzhskii region. Obschestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences], 2023, no. 3, pp. 174–189 (in Russian). <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-3-13>
10. Lipchanskaya M. A., Zametina T. V. Social Rights of Citizens Using Artificial Intelligence: Legal Bases and Gaps in Legislative Regulation in Russia. *Zhurnal Rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2020, no. 11, pp. 78–96 (in Russian). <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.134>
11. *Transformatsiya pravovogo regulirovaniya otnosheniy, svyazannykh s primeneniye tsifrovyykh tekhnologiy v sudebnoy sisteme i v sisteme ispolneniya sudebnykh aktov. Ch. 1* [Afanasyeva S. E., Borisova V. F. (eds.) Transformation of the legal regulation of relations related to the use of digital technologies in the judicial system and in the system of execution of judicial acts. Pt. 1]. Moscow, Rusains, 2022. 198 p. (in Russian).
12. *National program “Digital Economy of the Russian Federation”*. Available at: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (accessed July 5, 2023) (in Russian).
13. Bragina E. M., Orlova D. S. Overcoming the digital divide in the conditions of the Far North (for example of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra). *Regional Economy and Management: Electronic scientific journal*, 2017, no. 3 (51). Available at: <https://eee-region.ru/article/5107/> (accessed July 5, 2023) (in Russian).

14. Dronov V. N., Makhrova O. N. *Tsifrovoye neravenstvo Ryazanskoy oblasti* [Digital inequality of the Ryazan region]. St. Petersburg, St. Petersburg University of Management and Economics Publ., 2015. 148 p. (in Russian).
15. *V Rossii v 2021 godu poyavitsya reyting tsifrovoy transformatsii federal'nykh vedomstv* (In Russia in 2021, a rating of digital transformation of federal departments will appear). Available at: <https://iz.ru/1098931/2020-12-11/v-rossii-v-2021-godu-poiavitsia-reiting-tcifrovoy-transformatsii-federalnykh-vedomstv> (accessed July 5, 2023) (in Russian).
16. *Podgotovlen reyting tsifrovoy transformatsii federal'nykh ministerstv* (A rating of digital transformation of federal ministries has been prepared). Available at: <https://rg.ru/2021/01/26/podgotovlen-rejting-cifrovoj-transformatsii-federalnyh-ministerstv.html> (accessed July 5, 2023) (in Russian).
17. *Reyting rukovoditeley tsifrovoy transformatsii federal'nykh vedomstv* (Rating of leaders of digital transformation of federal departments). Available at: https://digital.gov.ru/ru/events/41694/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (accessed July 5, 2023) (in Russian).
18. *Stala izvestna metodika otsenki deyatelnosti RTST sub#ektov RF v 2023 godu* (The methodology for assessing the activities of the RTC of the constituent entities of the Russian Federation in 2023 has become known). Available at: <https://d-russia.ru/stala-izvestna-metodika-ocenki-deyatelnosti-rct-subektov-rf-v-2023-godu.html> (accessed July 5, 2023) (in Russian).
19. *Tsifrovaya zhizn' rossiyskikh regionov* (Digital life of Russian regions). Available at: <https://www.skolkovo.ru/researches/digital-life-of-russian-cities/> (accessed July 5, 2023) (in Russian).

Поступила в редакцию 02.10.2023; одобрена после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 20.10.2023
The article was submitted 02.10.2023; approved after reviewing 12.10.2023; accepted for publication 20.10.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 59–64
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 59–64
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-59-64>, EDN: IBCFAM

Научная статья
УДК 34.01

Трансцендентальные основания права в коммуникативной теории права А. В. Полякова: правовое признание

С. В. Тихонова

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Россия, 454080, г. Челябинск, просп. Ленина, д. 76

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, ¹профессор кафедры теоретической и социальной философии; ²старший научный сотрудник НОЦ практической и прикладной философии, segedasv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

Аннотация. Введение. Выдвинутая в нулевых годах XXI в. А. В. Поляковым коммуникативная теория права получила в следующем десятилетии дальнейшее развитие благодаря обоснованию метатеоретического фундамента данной теории в учении о правовом признании как трансцендентальном основании права. Предложенная А. В. Поляковым идея объективации права через признание становится основой нового гуманистического понимания права, утверждающего ключевой характер доверия в правогенезе. **Теоретический анализ.** Разработка учения о признании как фундаменте правогенеза начинается с обоснования идеи признания права. Саму возможность права А. В. Поляков связывает с тем, что взаимодействующие субъекты должны не только понимать границы своего поведения, но и непрерывно согласовывать их друг с другом. В этом процессе каждый из субъектов должен признать наличие симметричных способностей у контрагента, поэтому признание понимается как единство интеллектуально-когнитивных аспектов права с эмоционально-аксиологическими, в котором утверждается изначальность свободы, равенства, достоинства и ответственности участников взаимодействия. Из этого тезиса А. В. Поляков выводит четыре аспекта формального равенства – коммуникативное равенство, нормативное правовое равенство, равенство как правовой идеал и равенство как соответствие. **Эмпирический анализ.** Рассмотрен концептуальный переход от идеи права как признания к принципу взаимного правового признания. Правовое признание как принцип опирается на сам онтологический факт существования Другого как представителя человеческого рода, признание за Другим человеческого статуса означает принятие индивидом на себя обязанностей, корреспондирующих правам Другого, как ответ на ожидания по поводу своих собственных прав. **Результаты.** Выявленные А. В. Поляковым через анализ правового признания трансцендентальные основания права углубляют положения коммуникативной теории права об онтологическом статусе права, придают учению о правовой коммуникации метафизическую и экзистенциальную перспективу, рассматривая человека в единстве его познавательных, эмоциональных и волевых способностей.

Ключевые слова: философия права, коммуникативная теория права, А. В. Поляков, право как признание, правовое признание, правовая коммуникация, природа человека, естественное право

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Для цитирования: Тихонова С. В. Трансцендентальные основания права в коммуникативной теории права А. В. Полякова: правовое признание // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 59–64. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-59-64>, EDN: IBCFAM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Transcendental foundations of law in A. V. Polyakov's communicative theory of law: Legal recognition

S. V. Tikhonova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

South Ural State University (National Research University), 76 Lenin prospekt, Chelyabinsk 454080, Russia

Sophia V. Tikhonova, segedasv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

Abstract. Introduction. The communicative theory of law put forward in the first years of the XXI century by A. V. Polyakov received further development in the next decade due to the substantiation of the metatheoretical foundation of this theory in the doctrine of legal recognition as the transcendental basis of law. The idea of objectification of law through recognition proposed by A. V. Polyakov becomes the basis of a new

humanistic understanding of law, which asserts the key character of trust in legal genesis. **Theoretical analysis.** The development of the doctrine of recognition as the foundation of legal genesis begins with the substantiation of the idea of recognition of law. A. V. Polyakov connects the very possibility of law with the fact that interacting subjects must not only understand the boundaries of their behavior, but also continuously coordinate them with each other. In this process, each of the subjects must recognize the presence of symmetrical abilities in the counterparty, therefore, recognition is the unity of intellectual and cognitive aspects of law with emotional and axiological one, which asserts the primacy of freedom, equality, dignity and responsibility of the participants in the interaction. From this thesis A. V. Polyakov deduces four aspects of formal equality – communicative equality, normative legal equality, equality as a legal ideal and equality as conformity. **Empirical analysis.** The author considers the conceptual transition from the idea of law as recognition to the principle of mutual legal recognition. Legal recognition as a principle is based on the ontological fact of the existence of Another as a representative of the human race, recognition of the human status of Another means the acceptance by an individual of responsibilities corresponding to the rights of Another as a response to expectations about their own rights. **Results.** A. V. Polyakov revealed the transcendental foundations of law through the analysis of legal recognition. These data deepen the provisions of the communicative theory of law on the ontological status of law, give the doctrine of legal communication a metaphysical and existential perspective, considering a person in the unity of his / her cognitive, emotional and volitional abilities.

Keywords: philosophy of law, communicative theory of law, A. V. Polyakov, law as recognition, legal recognition, legal communication, human nature, natural law

Acknowledgements: The research was supported by Russian Science Foundation. Competition "Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research by individual scientific groups" (regional competition) 22-18-20011 "Digital literacy: Interdisciplinary research (regional aspect)".

For citation: Tikhonova S. V. Transcendental foundations of law in A. V. Polyakov's communicative theory of law: Legal recognition. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 59–64 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-59-64>, EDN: IBCFAM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Выдвинутая Андреем Васильевичем Поляковым коммуникативная теория права в настоящее время является одной из весьма влиятельных теорий, выступающей основой самостоятельного типа правопонимания. Ее признание в отечественном правоведении было довольно долгим процессом, начинавшимся со сдержанной позитивной оценки со стороны представителей юридико-либертарного подхода [1] и резкой отрицательной критики со стороны позитивистов [2, 3] в первом десятилетии нынешнего века (отнюдь не случайно М. А. Антонов характеризует полемику вокруг коммуникативной теории права тех лет как «жесточенную» [4, с. 28]), с массивного интереса к ее анализу и установления границ применимости в начале второго десятилетия [5] и продолжающегося по настоящее время освоения ее эвристического потенциала [6, 7]. Сегодня ее оценка как самостоятельного вида неклассического (постклассического, постнеклассического) правопонимания является устоявшейся [4, 8, 9]. Как показывает Д. И. Лукковская, А. В. Поляков «является оригинальным разработчиком именно коммуникативной теории права, поскольку такой теории (и по названию, и по сути) ранее не существовало, несмотря на все предпосылки ее появления» [10, с. 10].

Структурно коммуникативная теория права состоит из двух уровней: теории трансцендентальных оснований права, концептуализирующей право как процесс взаимного признания, и собственно коммуникативной теории права, в

которой право описывается как психосоциокультурная система, основанная на intersubjectивной коммуникации. Первый уровень, фундаментальный по степени универсализации, является хронологически более поздним, разрабатывается автором с середины десятилетия XXI в и отражает стратегию философского фундирования базовых положений второго уровня. Второй, более ранний, соотносит авторскую интерпретацию права, основанную на коммуникативно-феноменологическом подходе, с классическими категориальными рядами отечественной теории государства и права. А. В. Поляков разрабатывал его в рамках учебников «Общая теория права» [11], «Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода» (1-е изд. 2004 [12]; 2-е изд. 2016 [13]). В рамках данной статьи сосредоточимся на первом, верхнем уровне коммуникативной теории права, базирующемся на аналитике трансцендентальных оснований правовой коммуникации как семантического ядра права.

Теоретический анализ

Развитие коммуникативной теории права, осуществленное ее автором, А. В. Поляковым, во втором десятилетии XXI в., шло в русле формирования фундаментального, философско-правового, уровня обоснования трансцендентальных оснований права. Для его конкретизации в более поздних работах А. В. Поляков углубляет свою теорию концепцией правового признания. Первоначально она выдвигалась как идея при-

знания права [14]. Само предположение о том, что право нуждается в признании, для того чтобы можно было считать его существующим объективно, принципиально несовместимо с представлением о том, что право есть совокупность установленных норм, поскольку подчинение таким нормам объясняется не отношением к этим нормам, а отношениями с теми, кто их установил. Правовые тексты содержат прескрипции, в соответствии с которыми надо действовать, а не просто считывать их смысл. Поэтому правовая коммуникация обязательно «включает в себя поведение по реализации правового предписания (предписания правовой нормы)» [14, с. 59–60], причем поведение, обязательно предполагающее взаимодействия (как правило, по поводу тех или иных ценностей) с другими людьми. Только когда взаимодействующие понимают границы своего поведения и согласуют их друг с другом, право и становится возможным.

Таким образом, А. В. Поляков связывает интеллектуально-когнитивные аспекты права с эмоционально-аксиологическими, единство которых раскрывается в его признании, трактуемом как легитимация. Последняя преобразует предписываемую норму в стратегию поведения, которую индивид сам рассматривает как правомерную, законную, справедливую. Важно, что легитимация может быть как рациональной (здесь предписание соотносится с правовой системой в рамках формальной легитимации или с социальными идеалами и ценностями в рамках содержательной легитимации), так и иррациональной (подкрепляемой подражанием, индивидуальным или коллективным бессознательным, традициями, обычаями, ментальностью и т.п.). Но для того, чтобы легитимация вообще происходила, для нее требуется исходная предпосылка, а именно «признание субъектов коммуникативными личностями, т. е. их необходимо рассматривать как лиц, обладающих изначальной свободой, равенством, достоинством и ответственностью» [14, с. 63]. Это признание неизбежно предполагает и влечет за собой их равенство.

Формальное равенство А. В. Поляков раскрывает в четырех аспектах [14, с. 66]. Первый – это коммуникативное равенство, в котором люди предстают как одинаково способные к пониманию свободно самоопределяющиеся субъекты, т.е. равные в своей правоспособности. Здесь речь идет о том, что адресаты правовой нормы рассматриваются одинаково способными понимать смысл правовой нормы и принимать его как основание своей доброй воли. А значит,

признается ценность и автономия каждого субъекта права. Второй аспект – нормативное правовое равенство, поскольку общие нормы отмеряют всем людям равную меру свободы. Третий – равенство как правовой идеал, в котором формальное равенство становится правовым принципом, предполагающим наделение как можно большего числа людей как можно большим диапазоном прав, подкрепленных обязанностями. Четвертый аспект трактует равенство через принцип соответствия, равноценности, эквивалентности. Только первые два аспекта присущи праву неотъемлемо и непосредственно, поскольку принципы права, в отличие от признаков, никогда не могут быть реализованы полностью. Ключевые признаки права сопрягают признание с доверием, верой и убеждением, т.е. совмещают когнитивные и волевые установки индивида с его ориентированностью на открытость и надежность в человеческих отношениях.

Эмпирический анализ

В следующей статье «Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву» [15] А. В. Поляков переходит от понимания признания права как идеи к утверждению принципа взаимного правового признания и обоснованию взаимного правового признания как разновидности взаимного признания. Поскольку социальная коммуникация имеет два аспекта, которыми являются познание (себя и мира) и отношение (к себе и к миру), признание определяется им как «позитивное ценностное отношение субъекта к явлениям внутреннего и внешнего мира» [15, с. 57]. Коммуникативная природа человека основана на взаимности отношений, невозможной без понимания и признания себя и Другого в качестве понимающего и взаимодействующего. Человек «переносит» свои собственные качества на своего контрагента, а факт такого переноса равнозначен утверждению человечности контрагента. Здесь сильны мотивы концепции борьбы за признание А. Хоннета, но А. В. Поляков усиливает их позитивное, консенсуальное звучание в противовес интересу Хоннета к перманентным ситуациям конфликта и противостояния. Если у Хоннета признание – дефицитный ресурс, за который идет непрерывная борьба, то у Полякова оно – предпосылка любой интеракции, отсутствие которой превращает взаимодействие в дефектное. Неслучайно он постулирует «пороговый минимум» признания, необходимый для того,

чтобы взаимодействие считалось человеческим. Действительно, если один человек низводит другого до уровня лабораторного или рабочего животного, рассматривает его как расходный материал или инструмент, то речь идет о дегуманизированном вещном взаимодействии. Такое понимание не исключает понимания признания как дефицитного ресурса, за который идет борьба, но является более широким. Формы и степень признания всегда изменчивы и начинаются от «порогового минимума» – на интеллектуальном уровне (в своем правовом значении), вплоть до восхищения, обожествления, преклонения на уровне эмоциональном (в моральном и религиозном значении).

Индивидуальное признание осуществляется в формате духовного акта, эмоционального акта и интеллектуального акта. Как духовный акт оно связано с уважением к человеческому достоинству, осознанному отношению к ценности человеческой свободы и солидарности с другими людьми как достойными и свободными существами, на протяжении жизни укрепляемым человеком в отношении к другим людям и реализующимся в конкретных поступках. В интерпретации духовного измерения признания А. В. Поляков сближает свою позицию с идеями В. С. Соловьева и И. А. Ильина. Признание как эмоциональный акт связано с эмоциями и чувствами, делающими другого человека значимым, особенным и крайне важным. Признание как интеллектуальный акт означает некоторую калькуляцию значимости и ценности другого индивида с позиций его экономического или социального капитала. Признание же как нравственный и правовой принцип предполагает доктринальное и институциональное обоснование, оно уже не индивидуально, а коллективно, социально. Защита на уровне закона правосубъектности каждого члена данного общества, его основных прав и свобод и является реализацией принципа правового признания на уровне правовой системы. Правовое признание не требует эмоционального отношения к другому, привязанности к нему или расчетливого обоснования его важности в контексте, допустим, его высокого статуса. Оно опирается на сам онтологический факт существования «Другого как любого, кто отличен от меня, но принадлежит к человеческому роду» [15, с. 62], т.е. равного мне по своим коммуникативным способностям. Важную роль в правовом признании играет понятие ответственности, поскольку перенос на Другого человеческого статуса предполагает уважение к нему и принятие на себя обязанно-

стей, корреспондирующих его правам как ответ на ожидания по поводу своих собственных прав.

Интересно, что А. В. Поляков конкретизирует возможные способы обоснования принципа взаимного правового признания, относя к ним теологическое, этическое, иррационально-мистическое, рациональное, естественно-научное, утилитарное, историко-социокультурное обоснования, показывая через разные традиции значимость исследуемого принципа в эволюции человеческого общества. А сам этот принцип становится способом обоснования естественного права, не столько возрождаемого, сколько утверждаемого коммуникативной теорией права.

Другие работы автора конкретизируют базовые постулаты коммуникативной теории права, углубляют ее связь с философско-правовой традицией и актуальными задачами современного правоведения. Например, в статье «Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права» А. В. Поляков прорабатывает диалектику субъективного и объективного в праве, показывая, что природа правовой коммуникации раскрывается через ее способность, во-первых, способствовать унификации права, предлагать выработку общего кода для отличия права от неправа и, во-вторых, позволять возникновению автономных правовых систем, постепенно включаемых в процесс унификации [16, с. 104]. Такая интерпретация позволяет рассмотреть право как самоорганизующуюся систему, непрерывно вырабатываемую в совместной деятельности людей. В этом ракурсе правовая коммуникация А. В. Полякова воспроизводит логику самовоспроизводства коммуникации Н. Лумана: когда материальные предпосылки собраны воедино (Вселенная возникла, белковая жизнь зародилась и привела к эволюции, разумные люди находятся рядом друг с другом), для коммуникации не нужно внешних причин, она сама себя создает в акте аутопойэзиса, независимо от внешних для коммуникации целей, участников и последствий. Так и для правовой коммуникации не требуются установленные снаружи трансцендентные законы, воля или другие условия, поскольку ее стихией является социальная самоорганизация. Социальная и правовая коммуникации как раз и возникли потому, что отражают природу человека, существующего как биологический организм, через адаптацию к окружающей среде. Это означает, что притязания человека в той или иной степени, но направлены на эту самую адаптацию, т.е. зависят от «природных» законов, что не мешает аутопойэзису, по крайней мере, в интерпретации Матураны и Варелы.

Результаты

Таким образом, более поздняя, чем исходная, контейнерная для классической теории права коммуникативная теория, концепция взаимного правового признания работает на уровне коммуникантов, выявляя трансцендентальные основания человеческой природы. Во-первых, она трактует взаимное признание как изначальный коммуникативный акт, отличающий человека от иных существ. Во-вторых, она утверждает естественное право как ядро человеческой коммуникации и основу социальной солидарности. Во-третьих, она дает коммуникативной теории права метафизическую глубину, связывая ее напрямую с духовным поиском дореволюционной русской правовой мысли. В-четвертых, она намечает экзистенциальную перспективу, связанную с усилением гуманистического начала в правовом развитии.

Список литературы

1. Варламова Н. В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М. : НИУ ВШЭ, 2010. 136 с.
2. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М. : Право и государство, 2005. 413 с.
3. Гревцов Ю. И., Хохлов Е. Б. О юридико-догматических химерах в современном российском правоведеии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 5 (268). С. 4–22. EDN: МУУНХХ
4. Антонов М. В. О коммуникативной теории права Андрея Васильевича Полякова // Российский юридический журнал. 2015. № 6 (105). С. 22–23.
5. Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова, Д. И. Луковской, Е. В. Тимошиной : в 2 т. Т. 1 Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых ; Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права. СПб : Алеф-Пресс, 2014. 373 с. ; 533 с.
6. Байрамов Р. Р. Обзор некоторых аспектов теории правогенеза в контексте коммуникативной теории права // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2020. № 3 (75). С. 84–86.
7. Пуцин А. И. Права человека в коммуникативной теории права // Спутник высшей школы. 2021. № 3 (3). С. 31–34. https://doi.org/10.55346/2782-5647_2021_03_31, EDN: ARDKYZ
8. Лапаева В. В. Коммуникативные концепции права в контексте актуальных задач российской правовой теории и практики (с позиций либертарного правопонимания) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 6 (317). С. 77–100.
9. Честнов И. Л. Правовая коммуникация в контексте постклассической эпистемологии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 31–41.
10. Луковская Д. И. Не все слова уже сказаны... (о коммуникативной теории права А. В. Полякова) // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова, Д. И. Луковской, Е. В. Тимошиной : в 2 т. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых. СПб : Алеф-Пресс, 2014. С. 9–19.
11. Поляков А. В. Общая теория права. Курс лекций. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. 642 с.
12. Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб. : ИД С.-Петербургского гос. ун-та, 2004. 864 с.
13. Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. 2-е изд., исправл. и доп. М. : Проспект, 2016. 832 с.
14. Поляков А. В. Признание права и принцип формального равенства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 6 (323). С. 57–77.
15. Поляков А. В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права РАН. 2021. Т. 16, № 6. С. 39–101. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2021-16-6-polyakov>
16. Поляков А. В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб. : Алеф-Пресс, 2014. С. 90–135.

References

1. Varlamova N. V. *Tipologiya pravoponimaniya i sovremennye tendentsii razvitiya teorii prava* [Typology of legal understanding and modern trends in the development of the theory of law]. Moscow, HSE Publ., 2010. 136 p. (in Russian).
2. Bajtin M. I. *Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov)* [The essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries)]. 2nd ed. Moscow, Pravo i gosudarstvo, 2005. 413 p. (in Russian).
3. Grevtsov Y. I., Khokhlov E. B. On juridical and dogmatic chimeras in contemporary Russian jurisprudence. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2006, no. 5 (268), pp. 4–22 (in Russian). EDN: МУУНХХ
4. Antonov M. V. On the communicative theory of law by Andrey Vasilyevich Polyakov. *Russian Juridical Journal*, 2015, no. 6 (105), pp. 22–23 (in Russian).
5. *Kommunikativnaia teoriia prava i sovremennye problemy iurisprudentsii. K 60-letiyu A. V. Poliakova:*

- v 2 t. T. 1. *Kommunikativnaya teoriya prava v issledovaniyakh otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh*; T. 2. *Aktual'nye problemy filosofii prava i yuridicheskoy nauki v svyazi s kommunikativnoy teoriej prava* [Antonov M. V., Chestnov I. L., Lukovskaya D. I., Timoshina E. V. (eds.) *The communicative theory of law and modern problems of jurisprudence. Dedicated to the 60th birthday of A. V. Polyakov*. In 2 vols. Vol. 1. The communicative theory of law in studies of domestic and foreign scientists. Vol. 2. Actual problems of philosophy of law and legal science in connection with the communicative theory of law]. St. Petersburg, Alef-Press, 2014. 373 p.; 533 p. (in Russian).
6. Bajramov R. R. Overview of some aspects of the theory of legal genesis in the context of communicative law theory. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoy akademii* [Scientific letters of Russian Customs Academy St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov], 2020, no. 3 (75), pp. 84–86 (in Russian).
 7. Pushchin A. I. Human rights in the communicative theory of law. *Sputnik vysshey shkoly* [Sputnik of the Higher School], 2021, no. 3 (3), pp. 31–34 (in Russian). https://doi.org/10.55346/2782-5647_2021_03_31, EDN: ARDKYZ
 8. Lapaeva V. V. Communicative concepts of law in the context of crucial tasks of Russian legal theory and practice (from the perspective of libertarian law understanding). *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2014, no. 6 (317), pp. 77–100 (in Russian).
 9. Chestnov I. L. Pravovaya kommunikaciya v kontekste postklassicheskoy epistemologii [Legal communication in the context of postclassical epistemology]. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2014, no. 5 (316), pp. 31–41 (in Russian).
 10. Lukovskaya D. I. Not all words have already been said ... (on the communicative theory of law of A. V. Polyakov). In: *Kommunikativnaya teoriya prava i sovremennye problemy iurisprudentsii. K 60-letiyu A. V. Poliakova: v 2 t. T. 1. Kommunikativnaya teoriya prava v issledovaniyakh otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh* [Antonov M. V., Chestnov I. L., Lukovskaya D. I., Timoshina E. V. (eds.) *The communicative theory of law and modern problems of jurisprudence. Dedicated to the 60th birthday of A. V. Polyakov*. Vol. 1. The communicative theory of law in studies of domestic and foreign scientists]. St. Petersburg, Alef-Press, 2014, pp. 9–19 (in Russian).
 11. Polyakov A. V. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 2001. 642 p. (in Russian).
 12. Polyakov A. V. *Obshchaya teoriya prava: Problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda* [General theory of law: Problems of interpretation in the context of the communicative approach]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ., 2004. 864 p. (in Russian).
 13. Polyakov A. V. *Obshchaya teoriya prava: problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda* [General theory of law: Problems of interpretation in the context of the communicative approach. 2nd ed.]. Moscow, Prospekt, 2016. 832 p. (in Russian).
 14. Polyakov A. V. Recognition of law and the principle of formal equality. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2015, no. 6 (323), pp. 57–77 (in Russian).
 15. Polyakov A. V. The principle of mutual legal recognition: Russian philosophical and legal tradition and communicative approach to law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2021, vol. 16, no. 6, pp. 39–101 (in Russian). <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2021-16-6-polyakov>
 16. Polyakov A. V. Farewell to the classics, or how the communicative theory of law is possible. In: Polyakov A. V. *Kommunikativnoe pravoponimanie. Izbrannye trudy* [Communicative understanding of law. Selected works]. St. Petersburg, Alef-Press, 2014, pp. 90–135 (in Russian).

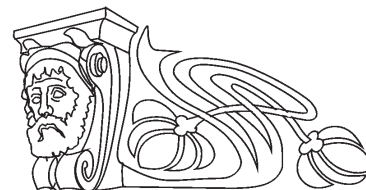
Поступила в редакцию 19.01.2023; одобрена после рецензирования 02.02.2023; принята к публикации 18.02.2023
The article was submitted 19.01.2023; approved after reviewing 02.02.2023; accepted for publication 18.02.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 65–71
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 65–71
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-65-71>, EDN: IPGTDE

Научная статья
УДК 342(470)(072.8)

История становления и развития института наблюдателей на выборах в России

Т. В. Троицкая ✉, О. А. Угланова

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Троицкая Татьяна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права им. профессора И. Е. Фарбера, Troiskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8483-224X>

Угланова Оксана Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права им. профессора И. Е. Фарбера, Troiskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9172-2401>

Аннотация. Введение. Выборы – это один из самых массовых общественно-политических процессов в государстве. Выборы в государстве, механизм их организации и проведения подчинены базовым принципам избирательного права, в основе которых лежат гласность и открытость всех избирательных действий и процедур. Обеспечение прозрачности выборов является показателем механизма взаимодействия общества и государства как индикатора демократического развития. Соответственно, задача государственных органов заключается в формировании нормативно-правовых условий участия субъектов гражданского общества в обеспечении открытости процедуры организации и проведения голосования как составляющей демократического процесса осуществления публичной власти в стране. Наблюдатели, наряду с другими инструментами, встроены в механизм осуществления общественного контроля на выборах в России. **Теоретический анализ.** Институт наблюдателей в России имеет определенные закономерности развития, взаимообусловленные историей становления общественно-политических институтов и выборов в целом. По мере того как трансформируется круг субъектов избирательно-правовых отношений, в том числе выдвижение и регистрация кандидатов на выборные должности, а также процесс формирования избирательных комиссий, меняется и круг лиц, имеющих право участвовать в процедуре назначения наблюдателей и наделяния их правовым статусом. Вместе с тем функциональная роль наблюдателей находится в подчинении от развития форм и способов голосования в государстве и становления особенностей избирательной системы страны с учетом ее исторических особенностей. **Эмпирический анализ.** Современное развитие нормативно-правового регулирования статуса наблюдателей в России связано с расширением круга субъектов, имеющих право назначать наблюдателей, а также перечня избирательных комиссий, в которых рассматриваемые субъекты имеют право осуществлять полномочия. Данная тенденция связана с развитием института общественного контроля на выборах в России в целом. Соответственно, Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» начал распространять свое действие и на избирательно-правовые отношения, и, как следствие, субъекты осуществления общественного контроля имеют право назначать наблюдателей на выборах. Круг избирательных комиссий, в которых наблюдатели имеют право осуществлять свои функции, расширился за счет окружных и территориальных избирательных комиссий. Вместе с тем круг полномочий наблюдателей остался неизменным, что не соответствует тенденциям развития их правового статуса. **Результаты.** С учетом развития гражданского общества и его институтов в России и возрастания их функциональной роли в совокупности с трансформацией избирательной системы и информационно-цифровых технологий необходимо детализировать статус наблюдателей в зависимости от их участия в работе избирательных комиссий различного уровня и форм голосования, включая многодневное голосование. Круг полномочий наблюдателя не может быть идентичным с учетом характера и особенностей работы в окружной, территориальной и участковой избирательных комиссиях. Голосование в течение нескольких дней, дистанционное электронное голосование создают предпосылки для наделяния наблюдателей дополнительными полномочиями с учетом необходимости обеспечения сохранности избирательных бюллетеней и реализации дополнительных форм голосования.

Ключевые слова: выборы, голосование, многодневное голосование, общественное наблюдение, общественный контроль, наблюдатель, избирательные комиссии, политическая партия, общественное объединение, общественная палата

Для цитирования: Троицкая Т. В., Угланова О. А. История становления и развития института наблюдателей на выборах в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 65–71. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-65-71>, EDN: IPGTDE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The history of formation and development of the institution of election observers in Russia

T. V. Troitskaya ✉, O. A. Uglanova

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Tatyana V. Troitskaya, Troiskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8483-224X>

Oksana A. Uglanova, Troiskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9172-2401>

© Троицкая Т. В., Угланова О. А., 2024

Abstract. Introduction. Elections are one of the most massive social and political processes in the state. Elections in the state, the mechanism of their organization and conduct are subject to the fundamental principles of electoral law, which are based on publicity and openness of all electoral actions and procedures. Ensuring the transparency of elections is an indicator of the mechanism of interaction between society and the state, as an indicator of democratic development. Accordingly, the task of state bodies is to form the regulatory and legal conditions for the participation of civil society actors in ensuring the openness of the procedure for organizing and conducting voting, as a component of the democratic process of exercising public power in the country. Observers, along with other tools, are built into the mechanism for exercising public control over elections in Russia. **Theoretical analysis.** The institution of observers in Russia has certain patterns of development, interdependent histories of formation of socio-political institutions and elections in general. As the circle of subjects of electoral legal relations is being transformed, including the nomination and registration of candidates for elective positions, as well as the process of forming election commissions, the circle of persons entitled to participate in the procedure for appointing observers and giving them legal status is also changing. At the same time, the functional role of observers is subordinate to the development of forms and methods of voting in the state and formation of the features of the country's electoral system, taking into account its historical features. **Empirical analysis.** The modern development of the legal regulation of the status of observers in Russia is associated with the expansion of the circle of entities that have the right to appoint observers, as well as the list of election commissions in which the subjects in question have the right to exercise powers. This trend is associated with the development of the institution of public control in elections in Russia as a whole. Accordingly, the Federal Law "On the Fundamentals of Public Control in the Russian Federation" began to extend its effect to electoral legal relations, and, as a result, the subjects of public control have the right to appoint election observers. The range of election commissions in which observers have the right to exercise their functions has expanded to include district and territorial election commissions. At the same time, the terms of reference of observers have remained unchanged, which does not correspond to the trends in the development of their legal status. **Results.** Taking into account the development of civil society and its institutions in Russia and the increase in their functional role in conjunction with the transformation of the electoral system and information and digital technologies, it is necessary to detail the status of observers depending on their participation in the work of election commissions of various levels and forms of voting, including multi-day voting. The terms of reference of an observer cannot be identical, taking into account the nature and specifics of work in district, territorial and precinct election commissions. Voting within a few days creates prerequisites for empowering observers with additional powers, taking into account the need to ensure the safety of ballots and implement additional forms of voting.

Keywords: elections, voting, multi-day voting, public observation, public control, observer, election commissions, political party, public association, public chamber

For citation: Troitskaya T. V., Uglanova O. A. The history of formation and development of the institution of election observers in Russia. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 65–71 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-65-71>, EDN: IPGTDE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

С учетом международного опыта и российской практики историю становления института наблюдения за выборами можно подразделить на несколько периодов. В XIX в. эту функцию выполняли дипломаты. Так, за ходом проведения плебисцита в Молдавии и Валахии в 1859 г., по результатам которого было образовано государство Румыния, наблюдали дипломаты многих европейских стран, включая Россию и Турцию [1, с. 66]. Этот период и можно расценивать как начало становления рассматриваемого института. Следующий период был связан с образованием ООН и участием экспертов всемирной организации в ходе проведения выборов в послевоенный период, а также во время признания независимости колониальных стран. В дальнейшем данный институт развивался по пути формирования правовой основы его реализации и создания специальных структур по организации наблюдения за выборами. В рамках СНГ в 2008 г. была принята Декларация «О принципах международного наблюдения за выборами и референдумами в государствах-участниках Содружества Независимых Государств»

[2]. Декларация закрепляет основополагающие принципы организации и проведения выборов, в том числе указывается, что выборы должны быть подотчетными и прозрачными. «Сегодня представить выборы без наблюдателей просто невозможно, их значимость растет. С одной стороны, они выступают представителями участников избирательного процесса, с другой – гаранты честных, справедливых выборов» [3, с. 106].

По мере развития демократических институтов организации и проведения выборов расширяется представление о формах участия граждан в избирательном процессе. «Активное избирательное право включает и другие возможности способствовать реализации демократических принципов избирательного права на всех стадиях избирательного процесса, в том числе быть наблюдателем» [4, с. 19]. Для России институт наблюдателей является молодым образованием. Советский период развития избирательного права в ограниченном контексте предполагал функционирование института общественного наблюдения на выборах. Нормативное закрепление института наблюдателей в России было связано с принятием указов Президента РФ от 1 октября 1993 г., а также от 11 октября 1993 г.,

в соответствии с которыми были утверждены положения о выборах в Государственную Думу и Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [5, 6].

Если рассматривать первые законы о выборах в РСФСР, то в них, как правило, отсутствовали элементы осуществления прямого общественного контроля. Закон о выборах Президента РСФСР 1991 г. содержал только механизм обеспечения гласности, включающий в себя работу средств массовой информации [7].

Анализ нормативно-правового регулирования рассматриваемого института предполагает, что только после принятия Конституции Российской Федерации 1993 г. и затем Федерального закона от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» [8] начался процесс становления института наблюдателей на выборах в России. Предшествующий период развития Российского государства предполагал лишь некоторые элементы осуществления наблюдения на выборах без конкретизации статуса наблюдателя. Так, Закон РСФСР от 27 октября 1989 г. «О выборах народных депутатов РСФСР» закреплял круг лиц, имеющих право осуществлять наблюдение за работой избирательных комиссий во время регистрации кандидатов и определения результатов голосования. К таким субъектам относились: представители трудовых коллективов, общественных организаций, коллективов средних специальных и высших учебных заведений, собраний избирателей по месту жительства и военнослужащих по воинским частям [9]. Таким образом, можно сделать вывод, что институт наблюдения в советский период развития нашей страны рассматривался в широком значении этого слова и фактически дублировал субъектов выдвижения кандидатов на выборные должности и работу средств массовой информации, что соответствовало советской концепции осуществления народовластия в стране. Соответственно, первый период развития рассматриваемого института на выборах в России можно определить историческими рамками 1989–1995 гг.

Теоретический анализ

По мере развития демократических основ организации и проведения выборов в России расширяется и степень обеспечения гласности в работе избирательных комиссий. Если на первых этапах постсоветского периода элемент открытости обеспечивался работой средств

массовой информации, то впоследствии этот аспект реализуется совместно с институтом наблюдателей, который является частью механизма осуществления общественного контроля в стране. Вопросами конституционно-правового регулирования осуществления общественного контроля в России занимаются многие ученые-конституционалисты. К примеру, Е. В. Бердникова исследует вопросы правовой природы и механизма осуществления рассматриваемого института [10].

Основное функциональное назначение наблюдателей на выборах в условиях демократического избирательного процесса заключается в предупредительном и восстановительном назначении. Предупредить противоправные действия субъектов избирательно-правовых отношений и способствовать восстановлению избирательных прав граждан, обеспечить открытость избирательных действий – главные задачи реализации функций наблюдателя. Посредством реализации данных задач обеспечивается общественный контроль над действиями избирательных комиссий, устанавливаются партнерские взаимоотношения органов государственной власти с институтами гражданского общества.

Функции наблюдателей на современном этапе должны охватывать весь процесс организации выборов, включая механизм функционирования избирательных комиссий, выдвижения и регистрации кандидатов и списков кандидатов, работы участковых избирательных комиссий, организации порядка голосования и определения результатов выборов. «Сегодня правовой статус наблюдателя является частью института представительства других субъектов избирательного права. Именно поэтому усовершенствовать правовой статус наблюдателей можно лишь посредством создания полноценного института наблюдения на выборах» [11, с. 134].

Эмпирический анализ

До 1997 г. законы, регламентирующие порядок организации и проведения выборов в России, содержат лишь упоминание о том, что наблюдатели могут присутствовать при проведении голосования. Первый рамочный федеральный закон 1994 г. не конкретизировал статус наблюдателей и содержал лишь указание, что на избирательном участке вправе присутствовать наблюдатели, направленные общественными и избирательными объединениями, кандидатами. Впервые нормативное закрепление прав наблюдателей было осуществлено рамочным Федеральным законом

1997 г. «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» [12]. Закон закрепил функциональные права наблюдателей, а также ограничения в их деятельности. Вместе с тем не было конкретизировано, кто имеет право быть наблюдателем и кто не имеет права наделяться рассматриваемым статусом. Окончательное оформление статуса наблюдателей было связано с принятием вышеназванного рамочного закона 2002 г. [13]. Дальнейшее развитие института наблюдателей было связано с конкретизацией элементов их статуса. Возникла потребность выделения наблюдателя как самостоятельного субъекта избирательно-правовых отношений. Н. Н. Ураев отмечает: «...необходимо более подробно разграничить статус наблюдателя и уполномоченного (доверенного) лица в законодательстве РФ с помощью развернутого определения субъекта избирательного процесса как носителя субъективных прав и обязанностей, связанных с подготовкой и проведением или наблюдением за подготовкой и проведением выборов в органы государственной власти и местного самоуправления» [14, с. 9]. Существенным этапом в развитии статуса наблюдателей стала возможность их назначения субъектами осуществления общественного контроля в России (2016 г.) и расширения круга избирательных комиссий, в которых они могут реализовывать свои функциональные права (2022 г.). Начиная с 2016 г. законом закреплено требование к количеству наблюдателей, представленных одним субъектом и имеющих право одновременно находиться на избирательном участке.

Вышеперечисленное позволяет сделать вывод о том, что историческими периодами развития рассматриваемого института в России являются: 1989–1995 гг. – возникновение элементов общественного контроля на выборах в России; 1995–2002 гг. – нормативное закрепление наблюдателя как субъекта избирательно-правовых отношений, но без конкретизации его статуса; 2002–2016 гг. – определение элементов правового статуса наблюдателя; 2016 год и по настоящее время – закрепление Общественной палаты Российской Федерации, общественных палат субъектов Федерации в качестве субъекта назначения наблюдателей на выборах.

Можно выделить и иные исторические периоды развития рассматриваемого института, в частности, в зависимости от участия в их назначении субъектов общественного контроля и возможности осуществления функций в избирательных комиссиях различного уровня: 1989–2016 гг., 2016–2022 гг., 2022 г. по настоящее

время. В этой связи меняется количественный состав наблюдателей на выборах. До 2016 г. их количество зависело от числа избирательных участков и зарегистрированных кандидатов, а также политических партий, но начиная с 2016 г. к указанному числу можно суммировать наблюдателей, назначенных общественными палатами различного территориального уровня, а с 2022 г. – наблюдателей, осуществляющих свои функции в окружных и территориальных избирательных комиссиях. Таким образом, только на территории Саратовской области общее число наблюдателей на выборах достигает 9 тыс. человек.

Учитывая новеллы и вызовы современного времени, в том числе проведения голосования в течение нескольких дней, появляется необходимость нормативного определения статуса наблюдателя с учетом его участия в осуществлении различных форм голосования. В частности, многодневное голосование предполагает новые формы участия наблюдателей в процессе организации и проведения голосования, а именно: право получать сведения об избирателях, включенных в список избирателей на основании заявления о голосовании по месту нахождения на данном избирательном участке; право осуществлять взаимодействие с центрами наблюдения за выборами, созданными при Общественной палате Российской Федерации и общественных палатах субъектов Федерации; право на осуществление наблюдения при проведении голосования с использованием дополнительных форм голосования, а также дистанционного электронного голосования; право на участие в механизме обеспечения сохранности бюллетеней, в частности перемещения бюллетеней из переносных и стационарных ящиков в сейф-пакеты и др. Данные полномочия закрепляются на уровне положений, утвержденных постановлениями соответствующих избирательных комиссий в зависимости от уровня проведения выборов. Соответственно, можно сделать вывод, что элементы правового статуса наблюдателей в Российском государстве сегодня определяются на уровне федерального закона и конкретизируются посредством принятия «Положения об особенностях голосования, установления итогов голосования при проведении голосования на выборах, референдумах, назначенных на 19 сентября 2021 года, в течение нескольких дней подряд». К примеру, такое Положение было принято в преддверии выборов в Государственную Думу (2021 г.) [15]. Участие наблюдателей при осуществлении дистанционного электронного голосования регламентируется «Положением о порядке дистанционного

электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем» [16], но необходимо отметить, что принципиальных особенностей статуса наблюдателей данное Положение не закрепляет.

С целью создания правовой определенности в закреплении объема прав наблюдателя как субъекта осуществления общественного контроля на выборах в России необходимо на уровне федерального закона предусмотреть права наблюдателей с учетом их участия в работе избирательных комиссий различного уровня и формах голосования, включая дистанционное электронное голосование.

Результаты

Анализ истории становления правового статуса наблюдателя на выборах в России позволяет сделать вывод, что данный процесс развивался по нескольким направлениям: во-первых, формирование требований, предъявляемых к рассматриваемым субъектам; во-вторых, определение круга лиц и институтов, имеющих право назначать наблюдателей на выборах; в-третьих, определение функциональной роли наблюдателей и границ их полномочий; в-четвертых, конкретизация уровня избирательных комиссий, в которых они могут осуществлять свои полномочия. В результате исторической трансформации содержания статуса наблюдателя на выборах в России сформировался современный институт, обеспечивающий осуществление общественного контроля в процессе реализации основополагающих стадий избирательного процесса в стране.

В результате произошедших изменений 2022 г., а именно возможности назначения наблюдателей в окружные, территориальные и участковые избирательные комиссии, необходимо конкретизировать их права с учетом особенностей работы указанных комиссий и реализации их полномочий. «Контроль, осуществляемый различными уполномоченными на то субъектами, как публично-властными (органами и должностными лицами, реализующими государственный и муниципальный контроль), так и общественными (обозначенными в законе объединениями граждан – субъектами общественного контроля), является неизменным спутником как такового осуществления государственного и муниципального управления, функционирования государственного механизма и общественно-государственных коммуникаций» [17, с. 50].

Совершенствование правового статуса наблюдателей как субъектов избирательного

процесса напрямую зависит от степени определения взаимосвязей и взаимозависимости между правами и обязанностями других участников рассматриваемых отношений, что, в свою очередь, направлено на достижение определенного баланса интересов, реализацию необходимых целей и задач. Настоящее закрепление правомочий наблюдателей на уровне федерального закона связано с регламентацией их прав, связанных с работой участковой избирательной комиссии и проведением голосования, а именно: право знакомиться со списком избирателей, подготовленным в любом виде, включая электронный формат, а также реестром заявлений о голосовании вне помещения для голосования; находиться в помещении для голосования, а также при осуществлении голосования вне помещения для голосования, наблюдать за выдачей избирательных бюллетеней, определением итогов голосования и др. Права наблюдателей, связанные с особенностями работы окружных и территориальных избирательных комиссий, в настоящее время не получили нормативного закрепления. Соответственно, совершенствование правового статуса наблюдателей на выборах в России должно идти по направлению расширения прав наблюдателей с учетом специфики полномочий окружной и территориальной избирательных комиссий (наблюдение в процессе регистрации кандидатов, определение результатов выборов по избирательному округу и др.), регламентации их прав, связанных с организацией и проведением голосования в течение нескольких дней, дистанционного электронного голосования, а также определенных ограничений, вытекающих из необходимости запрета деструктивных действий со стороны рассматриваемого института.

Последние изменения федерального законодательства о выборах способствовали размежеванию функций между наблюдателями и доверенными лицами кандидатов. Полномочия доверенного лица теперь заканчиваются одновременно с агитационным периодом, соответственно, в дни (день) голосования указанные субъекты не имеют права наблюдать за ходом проведения выборов.

Общественный контроль на выборах, во всех формах его выражения, служит опорой механизма осуществления государственной власти в целом и способствует ее поддержанию. Это необходимый элемент демократического государства. При осуществлении общественного контроля на выборах следует соблюдать баланс, обеспечивающий конструктивное взаимодействие государства и гражданского общества и

способствующий достижению, с одной стороны, национальной безопасности государства и его суверенности, с другой, открытости и реализации демократических прав граждан. В связи с этим государство имеет право устанавливать регулирующие нормативные рамки, обеспечивающие участие субъектов избирательно-правовых отношений в избирательных действиях и процедурах, не подрывающие основ российской государственности и ее независимости, а также самостоятельности органов публичной власти. Соответственно, недопустимо незаконное вмешательство наблюдателей в деятельность законно сформированных и функционирующих органов государственной власти, включая избирательные комиссии Российской Федерации.

Список литературы

1. Байханов И. Б. Формирование института международного наблюдения за выборами // Человеческий капитал. 2012. № 1 (37). С. 66–69.
2. Декларация «О принципах международного наблюдения за выборами и референдумами в государствах-участниках Содружества Независимых Государств». Принята на тридцать первом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (постановление № 31-5 от 25 ноября 2008 года). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Халитова А. Х. Общественное наблюдение на выборах: будущее за профессионалами // Труд и социальные отношения. 2013. Т. 24, № 5. С. 105–109. EDN: RDROSP
4. Нудненко Л. А. Новеллы избирательного законодательства о статусе наблюдателей на выборах // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2016. № 3 (146). С. 19–21. EDN: VPKMIX
5. Об утверждении уточненной редакции Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году и внесении изменений и дополнений в Положение о федеральных органах власти на переходный период : указ Президента РФ от 1 октября 1993 г. № 1557 // Собр. актов Президента и Правительства Рос. Федерации. 1993. № 41, ст. 3907.
6. О выборах в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : указ Президента РФ от 11 октября 1993 г. № 1626 // Собр. актов Президента и Правительства Рос. Федерации. 1993. № 42, ст. 3994.
7. О выборах Президента РСФСР : закон РСФСР от 24 апреля 1991 г. № 1096-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 17, ст. 5110.
8. Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации : федер. закон от 06.12.1994 № 56-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 33, ст. 3406.
9. О выборах народных депутатов РСФСР : закон РСФСР от 27.10.1989 // Ведомости ВС РСФСР. 1989. № 44.
10. Бердникова Е. В. Конституционно-правовые основы общественного контроля в Российской Федерации / под ред. Г. Н. Комковой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2018. 316 с.
11. Яковлев Н. А., Романова О. И. Институт наблюдателей в избирательном процессе // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2015. № 7–5. С. 134–136. EDN: TKHISB
12. Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации : федер. закон от 19.09.1997 № 124 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 38, ст. 4339.
13. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12.06.2002. № 67-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24, ст. 2253 ; 2023. № 1 (ч. 1), ст. 16.
14. Ураев Н. Н. Конституционно-правовой статус наблюдателей в российском избирательном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 22 с.
15. О Положении об особенностях голосования, установления итогов голосования при проведении голосования на выборах, референдумах, назначенных на 19 сентября 2021 года, в течение нескольких дней подряд : постановление ЦИК РФ от 01.07.2021 г. № 13/103-8 (ред. от 01.09.2021 № 51/413-8. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/49558/> (дата обращения: 01.06.2022).
16. Положение о порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем : постановление ЦИК РФ от 08.06.2022. № 86/716-8. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
17. Спиридонов А. А. Системное единство государственного контроля (надзора) и общественного контроля как конституционно-правовой принцип // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 6. С. 48–58. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.187.6.048-058>

References

1. Baykhanov I. B. Formation of the Institute of International election observation. *Chelovecheskiy kapital* [Human Capital], 2012, no. 1 (37). pp. 66–69 (in Russian).
2. Declaration “On the Principles of international observation of elections and Referendums in the Member States of the Commonwealth of Independent States”. Adopted at the thirty-first plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States (Resolution no. 31-5 of November 25, 2008). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
3. Khalitova A. H. Public scrutiny over elections: the future is for professionals. *Trud i sotsial'nye otnosheniya* [Labor and Social Relations], 2013, vol. 24, no. 5, pp. 105–109 (in Russian). EDN: RDROSP

4. Nudnenko L. A. The amendments to electoral legislation on the status of election observers. *Representative Power – 21st Century: Legislation, Commentary, Problems*, 2016, no. 3 (146), pp. 19–21 (in Russian). EDN: VPKMIX
5. On approval of the updated version of the Regulations on the Elections of Deputies of the State Duma in 1993 and amendments and additions to the Regulations on Federal Authorities for the Transitional Period. Decree of the President of the Russian Federation no. 1557 of October 1, 1993. *Sobraniye aktov Prezidenta i Pravitel'stva RF* [Collection of Acts of President and the Government of the Russian Federation], 1993, no. 41, art. 3907 (in Russian).
6. On elections to the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation no. 1626 of October 11, 1993. *Sobraniye aktov Prezidenta i Pravitel'stva RF* [Collection of Acts of President and the Government of the Russian Federation], 1993, no. 42, art. 3994 (in Russian).
7. On the election of the President of the RSFSR. Law of the RSFSR 1096-1 of April 24, 1991. *Vedomosti of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR*, 1991, no. 17, art. 5110 (in Russian).
8. On the basic guarantees of the electoral rights of citizens of the Russian Federation. Federal Law 56-FZ of December 6, 1994. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1994, no. 33, art. 3406 (in Russian).
9. On the elections of People's Deputies of the RSFSR. Law of the RSFSR of October 27, 1989. *Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR*, 1989, no. 44 (in Russian).
10. Berdnikova E. V. *Konstitutsionno-pravovyye osnovy obshchestvennogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional and legal foundations of public control in the Russian Federation]. Saratov, Saratov State University Publ., 2018. 316 p. (in Russian).
11. Yakovlev N. A., Romanova O. I. Institute of observers in the electoral process. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoy nauki* [Theoretical and Applied Aspects of Modern Science], 2015, no. 7–5, pp. 134–136 (in Russian). EDN: TKIISB
12. On the basic guarantees of the electoral rights of citizens of the Russian Federation. Federal Law 124-FZ of September 19, 1997. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1997, no. 38, art. 4339 (in Russian).
13. On the basic guarantees of electoral rights and the right to participate in the referendum of citizens of the Russian Federation. Federal Law 67-FZ of June 12, 2002 (an edition of December 28, 2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 24, art. 2253; 2023, no. 1 (pt. 1), art. 16 (in Russian).
14. Uraev N. N. *Constitutional and legal status of observers in Russian electoral law*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Kazan, 2006. 22 p. (in Russian).
15. Regulations on the specifics of voting, determining the results of voting during voting in elections, referendums scheduled for September 19, 2021, for several consecutive days. Resolution of the CEC of the Russian Federation of July 1, 2021 no. 13/103-8 (an edition of September 1, 2021 no 51/413-8. Available at: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/49558/> (accessed June 1, 2022) (in Russian).
16. Regulation on the procedure for remote electronic voting using Federal state information systems. Resolution of the CEC of the Russian Federation of June 8, 2022 no. 86/716-8. *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
17. Spiridonov A. A. Systemic unity of state control (supervision) and public control as a constitutional law principle. *Lex Russica*, 2022, vol. 75, no. 6, pp. 48–58 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.187.6.048-058>

Поступила в редакцию 20.02.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 10.09.2023
The article was submitted 20.02.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 10.09.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 72–79

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 72–79

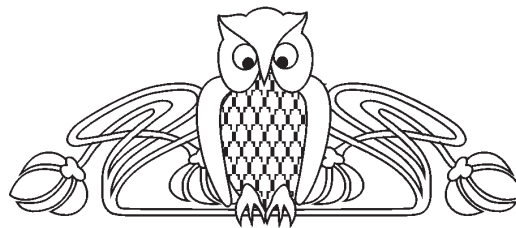
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-72-79>, EDN: PJNHSU

Научная статья

УДК 342.15

Влияние урбанизации на развитие современного государства и права

Ю. Л. Корабельникова

Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Россия, 125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

Корабельникова Юлия Леонидовна, кандидат юридических наук, доцент, докторант факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров, korable79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2461-9049>

Аннотация. Введение. В настоящее время большая часть населения Земли проживает в городах, мегаполисах, городских агломерациях, поскольку именно они являются сердцевинной прогресса и создают условия для всестороннего развития человека. **Теоретический анализ.** Исследование истории развития городов, урбанизированных и субурбанизированных структур показывает, что именно данная форма расселения людей является наиболее привлекательной в современных развитых государствах. Проведенный анализ исследований ученых, посвященных проблемам развития городов, позволил сделать вывод, что процесс урбанизации прошел несколько стадий. Изначально он характеризовался значительным приростом населения городов в связи с развитием промышленности, постепенным формированием городского образа жизни. На втором этапе создаются более сложные урбанизированные структуры (городские агломерации, мегаполисы). На современном этапе развития государств, где города играют ведущую роль, урбанизация приобрела глобальный характер и ее результатом стало формирование урбанистической цивилизации. **Эмпирический анализ.** Исследование развития городов представителями различных отраслей науки показало, что урбанизация имеет значительные результаты. Она приводит, во-первых, к повышению роли городов в управлении государством, во-вторых, к формированию городской культуры, менталитета и ценностей, в-третьих, к созданию возможностей для все большего удовлетворения потребностей городских жителей, в-четвертых, к возникновению характерных городских видов деятельности и иным. **Результаты.** В связи с внедрением различных инноваций, постоянным развитием городской среды на данных территориях совершенствуются существующие общественные отношения и формируются новые, и они в большей степени носят формализованный характер. В связи с глобализацией процесса урбанизации сегодня можно говорить о существовании урбанистической цивилизации, где наиболее эффективным является комплексное специальное правовое регулирование общественных отношений. В связи с этим можно утверждать, что города и урбанизированные структуры требуют развития правовых норм, действующих и подлежащих применению именно на данных территориях.

Ключевые слова: урбанизация, город, урбанизированные структуры, государство, права и свободы человека и гражданина

Для цитирования: Корабельникова Ю. Л. Влияние урбанизации на развитие современного государства и права // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 72–79. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-72-79>, EDN: PJNHSU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The influence of urbanization on the development of modern state and law

Yu. L. Korabelnikova

Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 8 Zoi and Alexandra Kosmodemyanskikh St., Moscow 125993, Russia

Yulia L. Korabelnikova, korable79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2461-9049>

Abstract. Introduction. Currently, most of the world's population lives in cities, megacities, and urban agglomerations, since they are the core of progress and create the conditions for comprehensive human development. **Theoretical analysis.** A study of the history of the development of cities, urbanized and suburbanized structures shows that this particular form of human settlement is the most attractive in modern developed countries. The analysis of the research of scientists on the problems of urban development led to the conclusion that the process of urbanization had gone through several stages. Initially, it was characterized by a significant increase in urban population due to the development of industry and gradual formation of an urban lifestyle. At the second stage, more complex urban structures were created (urban agglomerations, megacities). At the present stage of development of states where cities play a leading role, urbanization has acquired a global character, and formation of an urban civilization has become its result. **Empirical analysis.** The study of the urban development by representatives of various branches of science showed that urbanization has significant results. It leads, firstly, to an increased role of cities in government; secondly, to the formation of urban culture, mentality and values; thirdly, to the creation of opportunities to increasingly meet the needs of urban residents; fourthly, to

the emergence of characteristic urban activities and others. **Results.** In connection with the introduction of various innovations and constant development of the urban environment, existing social relations are being improved in these territories and new ones are being formed, and they are more formalized in nature. In connection with the globalization of the urbanization process, today we can talk about the existence of an urban civilization, where complex special legal regulation of social relations is the most effective. In this connection, it can be argued that cities and urbanized structures require the development of legal norms that are valid and subject to application specifically in these territories. **Keywords:** urbanization, city, urbanized structures, state, rights and freedoms of man and citizen

For citation: Korabelnikova Yu. L. The influence of urbanization on the development of modern state and law. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 72–79 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-72-79>, EDN: PJNHSU This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В начале XX в. в городах мира проживало 13,3% всего населения [1, с. 62], насчитывалось 16 городов с численностью жителей свыше 1 млн чел. [1, с. 72]. В канун XXI в. городским стало 47% мирового населения [1, с. 70], имелось свыше 400 городов-миллионеров и агломераций с численностью населения свыше миллиона человек [1, с. 149]. В развитии Российского государства города также играют ведущую роль. В России существуют различные виды городов – от малых, с численностью населения до 50 тыс. чел., до крупнейших, в которых проживают более миллиона жителей [2, п. 4.4]. К настоящему времени их насчитывается свыше 1100. Три из них являются субъектами Российской Федерации, 16 – мегаполисами-миллионниками с численностью населения около четверти всего населения России. По официальным данным, доля городского населения России к настоящему времени составляет 75% [3].

Теоретический анализ

Желание людей переселиться в город имеет очевидное объяснение. Города в настоящее время являются не только административными центрами, но и ядром прогресса на пути формирования комфортной и безопасной для проживания среды, разноплановой экономики, социальной сферы. Но так было не всегда. Изначально люди селились в местах, богатых пищей, вблизи открытых источников воды, которая была пригодна и безопасна в употреблении. Именно сельская местность была системообразующей для социума, поскольку в аграрном обществе производство связано с землей. Однако в период индустриализации город начинает серьезное наступление на традиционный образ жизни, и в течение XX столетия наблюдается процесс массового переселения населения в города.

В науке этот процесс получил наименование «урбанизация». Большая советская энциклопедия, исходя из этимологии слова (лат. *urbs* – город), определяет данный термин как

исторический процесс повышения роли городов в развитии общества, который охватывает социально-профессиональную, демографическую структуру населения, его образ жизни, культуру, размещение производительных сил, расселение и т.д. [4].

Исторически процесс урбанизации прошел несколько стадий и различных по своему социальному содержанию форм. Следует отметить, что проблемы существования и развития города с момента его зарождения являлись предметом исследований мыслителей и ученых. Представители различных отраслей науки в течение длительного времени рассматривали отдельные аспекты данного процесса. Истоки познания феномена города лежат в античной общественной мысли, где формировались урбанистические дискуссии о статусе гражданина, о социальных процессах, протекающих в городах. В средневековом европейском обществе, где преобладали религиозные взгляды, основанные на христианстве, доминировала религиозная доктрина в обустройстве городской жизни, о чем свидетельствуют взгляды А. Августина. Для эпохи Возрождения характерно исследование вопросов развития городов-коммун, которые признавались очагами культуры данного периода (Т. Мор, Т. Кампанелла). В XVIII в. города исследовались в точки зрения утопического коммунизма (Ж. Мелье, Ж.-Ж. Руссо и др.).

Поскольку ускорение процесса урбанизации обусловлено развитием промышленности, переходом к индустриальному периоду развития общества, то и активное формирование системы научного знания, специально сосредоточенного на исследовании городов и урбанизации, начинается в XIX в.

Одними из первых ученых, считающихся представителями классической урбанистики, были К. Маркс и Ф. Энгельс. В их трудах город представляется сообществом, но исследуется в первую очередь как пространство социального неравенства и конфликтов между различными социальными группами, которые обостряются в процессе развития капиталистического общества [5].

Э. Дюркгейм высказал и аргументировал мысль, что в основе органической солидарности развитого общества лежит разделение труда, поскольку именно оно, а также функциональная взаимозависимость и взаимообмен создают между индивидами связывающую их продолжительное время систему прав и обязанностей [6]. Он исследует изменения, происходящие в обществе, в том числе обусловленные расширением общества, повышением плотности населения на определенной территории, проводит его анализ не только с эволюционной точки зрения, но и с позиции структурно-функционального подхода.

О. Шпенглер отмечает опасную угрозу потери городами своей духовности. Ф. Теннис, напротив, ассоциирует города с прогрессом [7, с. 19–20]. М. Вебер наиболее важным признает городского жителя, его индивидуальность и инновации в развитии различных видов городов. М. Вебер подчеркивает политическую суть социальной организации города. Анализируя различные категории городов, города, созданные в разные исторические периоды, он доказывает, что в ходе исторического процесса их развития, в них создаются институты, которые позволяют доминировать политически и экономически [8]. Г. Зиммель в качестве значимого фактора формирования социальных отношений выделяет городское пространство в целом, которое оказывает влияние на облик горожанина. Он обосновал формирование нового типа городской среды, организованного в значительной степени по признаку общности деятельности, динамичности, психологического отчуждения горожан [9, с. 101]. Таким образом, перечисленные ученые рассматривали города с точки зрения происходивших в них социально-политических и экономических процессов.

В первой трети XX в. город становится центральным объектом масштабных исследований, проводимых американскими социологами чикагской школы, в которых предлагается анализ проблем индустриального города, выявляются системные закономерности его развития. Основоположник чикагской школы, известный социолог Р. Парк, внес важный вклад в исследование таких областей, как человеческая экология, урбанистика, изучение расовых отношений и др. Город рассматривался им как «социальная лаборатория» для изучения человеческой природы и общества [10]. Работы Р. Парка стали отправной точкой для формирования целого ряда подходов в американской социологии [11]. Вслед за Р. Парком Р. Д. Маккензи проводит системный

научный анализ человеческой экологии (влияния положения¹ на человеческие институты и их поведение) [12]. Значение трудов Л. Вирта состоит в системном анализе особенностей города, процесса урбанизации и представлении теории урбанизма [13].

В 1950–1970-х гг. начался переход к постиндустриальному обществу, что привело к формированию новых ракурсов исследования урбанизации, в частности анализа не только городов, но и более крупных урбанистических образований (агломераций, мегаполисов и др.). Исследования урбанистов приобретают социально-практический характер. Французский социолог А. Лефевр вводит в научный оборот идею о «праве на город». Если урбанисты более раннего периода к причинам урбанизации относили индустриализацию, а к причинам конфликтов в городе – развивающийся капитализм, то А. Лефевр говорит уже о кризисе города, выделяя различные виды урбанизма. К основным причинам кризиса он относит конкурентный капитализм и индустриализацию, которые привели к формированию управляемого общества потребления. Концепция «право на город» представляет собой критический анализ идей и деятельности, связанных с урбанизацией, превративших город в пространство коммодификации и капитализма. А. Лефевр проводит подробный анализ тенденций развития урбанизма, относя к ним сегрегацию общества, урбанизацию деревень, доминирование техники над природой, поглощение социальной составляющей города материальной, разрушение городского сообщества. Государство и частные корпорации присваивают себе функции города, узурпируют их и тем самым разрушают его, в чем и заключается институциональный глобальный кризис городов и муниципального управления [14]. Все это позволяет А. Лефевру сделать вывод о наметившейся глобальной стратегии, которая приведет к единой системе и уже тотальному урбанизму, что представляет самые серьезные опасности для города [15]. Единственной силой, которая может способствовать обновлению города и поможет преодолеть сегрегацию, он считает рабочий класс. Реализация стратегии городского развития должна основываться на политической программе, в основу которой необходимо положить научные знания о городе. Право на город включает в себя систему прав:

¹Слово «положение» используется для описания место-отношения данного сообщества к другим сообществам, а также местоположения индивида или института внутри самого сообщества.

на свободу, участие, на творчество и т.д. Город должен стать центром принятия решений его жителями [14]. Таким образом, А. Лефевр призывает пересмотреть сознание и политическую практику города, преобразовать его из общества потребления в пространство для принятия коллективных решений с целью изменения процесса урбанизации.

В 1970 г. американский политолог Ирвинг Кристол признает важнейшим фактом американской жизни ее протекание в урбанистической цивилизации независимо от места проживания (в большом или малом городе, в центре или предместье и даже в сельской местности), а США – одним большим мегаполисом с точки зрения качества американской жизни. По его мнению, современная урбанистическая цивилизация коренным образом отличается от существовавших прежде тем, что ранее городская цивилизация и провинциальная жизнь существовали как антитела, необходимые для здорового существования друг друга, а сегодня Америка полностью превратилась в составную часть урбанистической цивилизации. К наиболее важным причинам ее формирования он отнес распространение городской культуры и образа жизни в качестве всеобщей ментальности и всеобщего стиля существования. Проблемы развития урбанистической цивилизации он также видит в том, что этика производства сменяется этикой потребления в связи с тем, что буржуазное общество становится обществом массового материального благополучия. При этом И. Кристол подчеркивал, что результаты трансформации в урбанистическую цивилизацию неизвестны и могут быть как позитивными, так и негативными. Основной задачей, стоящей перед урбанизированной демократией, он считал необходимость развить систему ценностей и концепцию классической демократии, характерной для начального периода существования США [16].

В последней трети XX в. происходит оформление нового этапа урбанистических исследований. Идеи А. Лефевра получили дальнейшее развитие в трудах Д. Харви [17], Д. Митчелла [18], что свидетельствует об их актуальности и на современном этапе развития урбанизации.

В конце XIX – начале XX в. вопросы городского развития получают отражение и в отечественных исследованиях Н. П. Анциферова, И. М. Гревса, В. П. Семенова-Тян-Шанского. В советский период, примерно до 1960-х гг., вопросы урбанизации не имели широкого освещения. Это было обусловлено тем, что в годы

правления И. В. Сталина считалось, что процесс урбанизации не присущ социалистическому типу развития общества, поскольку не признавалось различие города и села. Впоследствии проблемы комплексного развития города, вопросы урбанизации исследовались В. М. Борщевским, С. В. Успенским, О. И. Шкаратан, Л. Б. Коганом, Г. М. Лаппо, Ю. Л. Пивоваровым, Э. С. Демиденко, О. Н. Яницким и др.

Современные западные урбанисты (Э. Гидденс, М. Кастельс, С. Сассен, Ш. Зукин и др.), а также представители российской науки (И. А. Вершинина, С. С. Касаткина, В. В. Таболин, А. В. Трофимов, Е. Г. Трубина и др.) указывают на формирование новых пространственных форм, урбанистической цивилизации, процессов общего переструктурирования экономической и социальной жизни на фоне глобализации, сетевизации и цифровизации, которые меняют сообщества.

В XXI в. в исследованиях урбанистов уделяется внимание проблемам, связанным с необходимостью устойчивого развития, поскольку тема экологии приобретает все более серьезное звучание [19, с. 23–24]. Важнейшим остается изучение коммуникативности города. Исследования урбанизации в современной науке выходят с локального уровня на глобальный, что обусловлено необходимостью изучать многие вопросы в международном масштабе.

Таким образом, можно сделать вывод, что города и различные этапы урбанизации находят отражение в исследованиях по истории, географии, философии, экономике, политологии. Весомый вклад в развитие урбанистики внесли социологические исследования, поскольку город изначально признавался сообществом, в котором происходит социальное взаимодействие индивидов и различных социальных групп. Современная урбанистика находится на стыке разнообразных сфер знаний и постоянно дополняется новыми аспектами исследования городской среды, выделяются самостоятельные подотрасли науки, например геоурбанистика (раздел социально-экономической географии), историческая урбанистика (раздел исторической науки). В последнее время в связи с повсеместным внедрением информационно-телекоммуникационных технологий на первый план выходит тема цифрового, «умного» города, формируется цифровая урбанистика. В результате урбанизация, являясь предметом изучения различных наук, предполагает комплексный подход к ее исследованию.

Эмпирический анализ

Представители различных отраслей науки предлагают междисциплинарный подход к пониманию урбанизации. В частности, доктор географических наук Ю. Л. Пивоваров предлагает два типа определения урбанизации, соответствующие основным этапам ее развития, – вширь и вглубь. Для первого этапа урбанизации, когда доля городского населения еще далека от предельной и когда обычно существенны в первую очередь количественные аспекты процесса, вполне правомерно акцентировать внимание на традиционном понимании урбанизации в узком смысле – рост городов и повышение их роли в жизни страны. Для современного этапа, когда процесс урбанизации характеризуется, прежде всего, качественными изменениями, такое понимание оказывается недостаточным. Необходимо определение урбанизации в широком смысле слова – как многогранного социально-экономического процесса. При этом ученый подчеркивает единство самого исследуемого объекта и важность целостного подхода к проблеме [20].

С учетом изложенного Ю. Л. Пивоваровым выделяются существенные особенности современной урбанизации: 1) концентрация, интенсификация и дифференциация городских видов деятельности (функций), или производства в широком смысле слова; 2) формирование новых форм и пространственных структур расселения; 3) распространение городского образа жизни с особой структурой общения, культурой, системой ценностных ориентаций и т.д. Причем им подчеркивается роль выделенных особенностей при изучении урбанизации в рамках различных наук. Для социальных проблем урбанизации наиболее важна третья особенность, для демографических – вторая и т.д. При этом первая особенность представителями различных наук признается наиболее всеобщей, основной для современной урбанизации [20, с. 15–16].

Доктор философских наук Э. С. Демиденко предлагает понимать урбанизацию как мировое явление, которое представляет собой процесс интенсивной территориально-городской концентрации индустрии и других несельскохозяйственных видов деятельности и населения, а также социальный механизм развития промышленно-городской формы жизни и перехода к качественно новому типу цивилизации [21, с. 21]. Профессор С. С. Касаткина вводит в научный оборот философскую категорию «урбосфера», понимаемую в широком смысле как

урбанизированный мир в целом, охватывающий глобальные процессы городского развития. Представление об урбосфере определяет видение цивилизационных сдвигов, связанных с глобальными проявлениями урбанизации [7, с. 10].

Доктор социологических наук И. А. Вершинина выделяет два этапа в исследованиях, посвященных городу и урбанизации. На первом этапе, в XIX – начале XX в., речь идет о социологии города, которая закладывает методологическую основу понимания урбанистических образований как сообществ для последующего этапа – социологической урбанистики, о которой правомерно говорить начиная с последней трети XX столетия. Современные концепции города и урбанизации обогащают современную социологическую теорию новыми подходами, которые обусловлены глобализацией и новой пространственной морфологией [19, с. 17].

Таким образом, ученые различных отраслей науки среди основных признаков урбанизации выделяют, во-первых, формирование особого городского менталитета, культуры, ценностей, во-вторых, создание новых урбанизированных структур, в-третьих, глобализацию урбанизации, в-четвертых, наличие характерных городских видов деятельности.

Доктор юридических наук В. В. Таболин, впервые разработавший основу юридической урбанографии², предлагает в качестве междисциплинарного именно юридический подход – комплексный, общесистемный, объединяющий историко-правовые аспекты возникновения и развития городов, городское право, правовые аспекты городской социологии, экономики города, политико-правовых процессов в городе, градостроительства, городского хозяйства, безопасности, экологии и психологии города, процессов внедрения цифровых технологий в публичную власть и управление, а также направленный на исследование и разработку правовых проблем урбанизации. Главной особенностью юридического исследования, интерпретации и имплементации знаний о городе является их правовая оценка как элементов комплексного, общесистемного и междисциплинарного представления о городе [22, с. 80].

На современном этапе в связи с увеличением разнообразия различных сфер общественных отношений повышается роль права в их регулировании, все более усложняется правовая

²В данном случае термины «урбанистика» и «урбанография» рассматриваются как тождественные – наука, изучающая развитие городов и их систем.

система. Многие проблемы, которые ранее разрешались с помощью обычных норм, в настоящее время нашли отражение в праве. Таким образом, происходит юридизация повседневной жизни, поскольку в городе общественные отношения более формализованы.

Результаты

Проведенное исследование показало, что процесс урбанизации прошел несколько этапов. На первом этапе, обусловленном, главным образом, интенсификацией индустриализации, наблюдается значительный прирост городского населения, повышается роль городов в государственном и муниципальном управлении, формируется городской образ жизни. На втором этапе урбанизации создаются более сложные урбанизированные структуры, включающие города и иные территории, граничащие с ними, получившие названия городских агломераций, мегалополисов. На современном этапе развития человечества урбанизация приобрела глобальный характер, и результатом процесса урбанизации стало формирование урбанистической цивилизации.

Центральным субъектом в городе является человек, и не только в качестве звена, для которого государством формируется комфортная и безопасная среда. Он выступает самостоятельным участником ее создания и должен нести ответственность за свои действия и поведение. Для этого необходимо предоставить ему правовые средства, позволяющие использовать их для достижения социально значимых целей. Так, например, важной темой для города признаются городские конфликты [23] и способы их разрешения. Учитывая плотность городского населения, конфликты существовали и будут всегда: между индивидами, различными сообществами, с властными структурами и т.д. И их необходимо разрешать именно юридическими средствами. В настоящее время существует ограниченное число правовых норм, регламентирующих правоотношения в городе. Однако расширение урбанистической цивилизации диктует необходимость формирования «городского права», где должны найти отражение различные правила и нормы, регулирующие отношения в городской среде.

Возможно определить, что урбанистическая цивилизация – это сложный феномен, характеризующий современное общество и его развитие, в основе которого лежит процесс урбанизации. Она является результатом исторических, со-

циальных, культурных, экономических и юридических преобразований. Урбанистическая цивилизация – это современная форма организации общества, которая характеризуется преобладанием городского образа жизни в связи с развитостью урбанистических структур, урегулированием большинства (наиболее важных) сфер общественных отношений правовыми нормами, высоким уровнем городского развития, высокой плотностью населения, обладает широкими возможностями для экономического, культурного, социального, технологического развития.

Список литературы

1. Пивоваров Ю. Л. Россия и мировая урбанизация: антропокультурная и пространственная динамика. Нальчик : Полиграфсервис и Т, 2007. 336 с.
2. Свод правил СП 42.13330 «СНИП 2.08.01-89 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений», утв. приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации № 1034/пр от 30.12.2016 // Минстрой России : [сайт]. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/docs/14465/> (дата обращения 16.10.2023).
3. Численность населения Российской Федерации на 01.01.2023 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13282?print=1> (дата обращения 19.09.2023).
4. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 27. Ч. 1. URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/bse30.htm#x000> (дата обращения: 08.04.2020).
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. 2-е изд. Т. 2. М. : Госполитиздат, 1955. 652 с.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1996. 430 с.
7. Касаткина С. С. Урбосфера: системно-семиотический анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Архангельск, 2019. 38 с.
8. Вебер М. Город : пер. с нем. 2-е изд. М. : Strelka Press, 2018. 252 с.
9. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь : пер. с нем. М. : Strelka Press, 2018. 112 с.
10. 2012.01.018. Парк Р. Э. Город: предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде (перевод с англ.). Park R. E. The city: Suggestions for the investigation of human behavior in the city environment // American J. of Sociology. Chicago, 1915, vol. 20, n 5, p. 577–612 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология : Реферативный журнал. 2012. № 1. С. 129–170. EDN: OPIXDV
11. Николаев В. Г. Парк Роберт Эзра // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/park-robert-ezra-bed0df?v=4005063> (дата обращения: 17.10.2023).

12. 2000.04.027. Маккензи Р. Д. Экологический подход к изучению человеческого сообщества. Mckenzie R. D. The ecological approach to the study of Human Community // Park R. E., Burgess E. W., Mckenzie R. D. The City. Chicago : University of Chicago Press, 1925. P. 6379 (печатается с небольшим сокращением) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология : Реферативный журнал. 2000. № 4. С. 138–153.
13. 97.03.024. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. Wirth L. Urbanism as a way of life // American J. of Sociology. Chicago, 1938. Vol. 44, n 1, p. 1–24 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология : Реферативный журнал. 1997. № 3. С. 169–196.
14. Вершинина И. А. Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24, № 2. С. 48–60. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-2-48-60>
15. Лефевр А. Право на город [пер. с фр. Д. Савосина] // Экономическая социология. 2023. Т. 24, № 1. С. 55–70. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-1-55-70>
16. Кристал И. Урбанистическая цивилизация и ее неурядицы // ЭОН. Альманах старой и новой культуры : сб. ст. Вып. 10. Ирвинг Кристал. Китогам XX века / отв. ред.-сост. Р. А. Гальцева. М. : Ин-т научной информации по общественным наукам РАН, 2014. С. 13–30. (Теория и история культуры). EDN: УМТНРВ
17. Харви Д. Право на город / пер. с англ. и коммент. М. А. Котлярова. Екатеринбург : [Б.и.], 2019. 36 с.
18. Mitchell D. The right of the city: Social justice and the fight for public space. New York : Guilford Press, 2003. 270 p.
19. Вершинина И. А. Западные концепции города и урбанизации в социологии второй половины XX – начала XXI века : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2022. 50 с.
20. Пивоваров Ю. Л. Современная урбанизация: основные тенденции расселения. М. : Статистика, 1976. 191 с.
21. Демиденко Э. С. Урбанизация: концепция и политика городского развития : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Москва, 1992. 46 с.
22. Юридическая урбаноология. Урбанологическая теория : в 2 т. / под общ. ред. В. В. Таболина. М. : Юстицинформ, 2021. 824 с.
23. Медведев И. Р. Разрешение городских конфликтов. М. : Инфотропик Медиа, 2017. 372 с.
2. Set of rules SP 42.13330 “SNIP 2.08.01-89 Urban planning. Planning and development of urban and rural settlements”, approved by order of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation No. 1034/pr of December 30, 2016. *Minstroy Rossii* (Ministry of Construction of Russia. Site) Available at: <https://minstroyrf.gov.ru/docs/14465/> (accessed October 16, 2023) (in Russian).
3. Population of the Russian Federation as of January 1, 2023. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* (Federal State Statistics Service. Site). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13282?print=1> (accessed September 19, 2023) (in Russian).
4. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* (Great Soviet Encyclopedia). 3rd ed. Vol. 27. Pt. 1. Available at: <http://bse.uaio.ru/BSE/bse30.htm#x000> (accessed April 4, 2020) (in Russian).
5. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. In 30 vols. 2nd ed. Vol. 2. Moscow, Gospolitizdat, 1955. 652 p. (in Russian).
6. Durkheim E. *De la division du travail social*. 8e éd. Paris, Les Presses universitaires de France, 1967. 416 p. (Russ. ed.: Moscow, Kanon, 1996. 430 p.).
7. Kasatkina S. S. *Urbosphere: System-semiotic analysis*. Thesis Diss. Dr. Sci (Philos.). Arkhangelsk, 2019. 38 p. (in Russian).
8. Weber M. *Gorod [Stadt]*. 2nd ed. Moscow, Strelka Press, 2018. 252 p. (in Russian).
9. Simmel G. *Bol'shie goroda i dukhovnaia zhizn'* [Big cities and spiritual life]. Moscow, Strelka Press, 2018. 112 p. (in Russian).
10. 2012.01.018. Park R. E. The city: Suggestions for the investigation of human behavior in the city environment // *American J. of Sociology*. Chicago, 1915. Vol. 20, no. 5, pp. 577–612. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sotsiologiya: Referativnyy zhurnal* [Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology: Abstract Journal], 2012, no. 1, pp. 129–170 (in Russian).
11. Nikolaev V. G. Park Robert Ezra. *Bol'shaya rossiy-skaya entsiklopediya* (Great Russian Encyclopedia). Available at: <https://bigenc.ru/c/park-robert-ezra-bed0df?v=4005063> (accessed October 17, 2023).
12. 2000.04.027. Mckenzie R. D. The ecological approach to the study of Human Community // Park R. E., Burgess E. W., Mckenzie R. D. The City. Chicago: University of Chicago Press, 1925. P. 6379 (printed with a slight abbreviation). *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sotsiologiya: Referativnyy zhurnal* [Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology: Abstract Journal], 2020, no. 4, pp. 138–153 (in Russian).
13. 97.03.024. Wirt L. Urbanism as a way of life // *American J. of Sociology*. Chicago, 1938. Vol. 44, n 1, p. 1–24.

References

1. Pivovarov Yu. L. *Rossiya i mirovaya urbanizatsiya: antropokul'turnaya i prostranstvennaya dinamika* [Russia and world urbanization: Anthropocultural and spatial dynamics]. Nalchik, Poligrafservis i T, 2007. 336 p. (in Russian).

- Sotsial'nyye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sotsiologiya: Referativnyy zhurnal* [Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology: Abstract Journal], 1997, no. 3, pp. 169–196 (in Russian).
14. Vershinina I. A. Henri Lefebvre: From the “right to the city” to the “urban revolution”. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2018, vol. 24, no. 2, pp. 48–60 (in Russian). <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-2-48-60>
 15. Lefebvre H. The Right to the City (excerpt). *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology], 2023, vol. 24, no 1, pp. 55–70 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-1-55-70>
 16. Kristol I. Urban civilization and its troubles. *EON. Al'manakh staroy i novoy kul'tury: sbornik statey. Vyp. 10. Irving Kristol. K itogam XX veka* [EON. Almanac of Old and New Culture. Collection of papers. Vol. 10. Irving Kristol. To the results of the 20th century. Theory and history of culture]. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the RAS Publ., 2014, pp. 13–30 (in Russian). EDN: UMTHPB
 17. Harvey D. *Pravo na gorod* [Right to the City]. Translation from English and comment. M. A. Kotlyarova. Ekaterinburg, 2019. 36 p. (in Russian).
 18. Mitchell D. *The right of the city: Social justice and the fight for public space*. New York, Guilford Press, 2003. 270 p.
 19. Vershinina I. A. *Western concepts of the city and urbanization in the sociology of the second half of the 20th – early 21st centuries*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Sociol.). Moscow, 2022. 50 p. (in Russian).
 20. Pivovarov Yu. L. *Sovremennaiia urbanizatsiia: osnovnye tendentsii rasseleniia* [Modern urbanization: Main trends in settlement]. Moscow, Statistica, 1976. 191 p. (in Russian).
 21. Demidenko E. S. *Urbanization: Concept and policy of urban development*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philos.). Moscow, 1992. 46 c. (in Russian).
 22. Tabolina V. V. (ed.) *Legal urbanology. Urbanological theory*. In 2 vols. Moscow, Justitsinform, 2021. 824 p. (in Russian).
 24. Medvedev I. R. *Razreshenie gorodskikh konfliktov* [Resolving urban conflicts]. Moscow, Infotropik Media, 2017. 372 p. (in Russian).

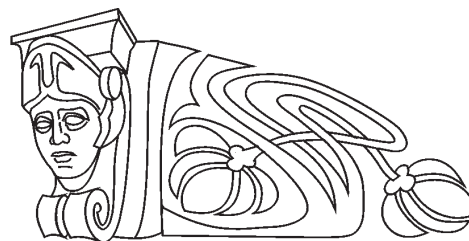
Поступила в редакцию 18.10.2023, одобрена после рецензирования 25.10.2023, принята к публикации 07.11.2023
The article was submitted 18.10.2023; approved after reviewing 23.10.2023; accepted for publication 07.11.2023

Научная статья
УДК 347.63

Проблемы применения презумпции при установлении отцовства

Р. А. Торосян

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Торосян Рима Андраниковна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, [rima_t@mail.ru](mailto:rима_t@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-8870-7809>

Аннотация. Введение. Действующее российское законодательство регулирует порядок установления правовой связи между родившимся ребенком и его отцом, однако на практике возникают проблемы применения презумпции при установлении отцовства. Проблема вызвана тем, что именно супружеские отношения родителей ребенка устанавливают отцовство, а не какие-либо биологические отношения между ребенком и отцом. В контексте семейного права, пожалуй, наиболее значимой юридической презумпцией является презумпция отцовства. Однако по мере развития технологий и развития института семьи определение отцовства становится все более сложным. Юридическая значимость презумпции отцовства заключается в том, что с ее помощью супруги освобождаются от доказывания происхождения ребенка, рожденного во время брака. Презумпция отцовства основана на презумпции действительности брака, которая предполагает, что супруги вступают в брак добровольно и с намерением иметь детей. Эта презумпция служит для защиты прав и интересов ребенка, обеспечивая ему стабильную и безопасную семейную среду. Она также защищает супругов от необоснованных обвинений в неверности или супружеской измене. Однако презумпция отцовства не является абсолютной и может быть опровергнута в суде, если будут представлены неопровержимые доказательства того, что ребенок не является биологическим ребенком супруга. Воздействие этого юридического инструмента в большей степени ощущается тогда, когда его меньше всего ожидают. Чаще всего, когда супружеская пара расстается, не разведясь, или если женщина забеременеет (в браке или вне брака), в случае рождения ребенка от суррогатной матери. В этих и подобных ситуациях существует презумпция того, что отцом является муж. **Теоретический анализ.** Рассмотрены основные теоретические подходы и основания применения презумпции при установлении отцовства как состоявших в браке, так и не состоявших в браке. **Эмпирический анализ.** Проанализированы нормативные акты в области применения презумпции отцовства, в том числе зарубежный опыт. **Результаты.** Сделан вывод о необходимости применения внесудебной процедуры преодоления презумпции отцовства в случаях рождения ребенка от женщины, находящейся в браке с другим мужчиной, а также о необходимости государственного финансирования генетического тестирования для обеспечения возможности использования анализа ДНК как единственного доказательства родства отца и ребенка.

Ключевые слова: презумпция отцовства, биологическое родство, защита отцовства, установление отцовства

Для цитирования: Торосян Р. А. Проблемы применения презумпции при установлении отцовства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 80–88. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-80-88>, EDN: RRIOEK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Problems of the use of presumption in establishing paternity

R. A. Torosyan

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Rima A. Torosyan, [rima_t@mail.ru](mailto:rима_t@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-8870-7809>

Abstract. Introduction. Current Russian legislation regulates the procedure for establishing a legal connection between a born child and his or her father, however, in practice, problems with applying the presumption arise when establishing paternity. The problem is caused by the fact that it is the marital relationship of the child's parents that establishes paternity, and not any biological relationship between the child and the father. In the context of family law, perhaps the most significant legal presumption is the presumption of paternity. However, as technology advances and the institution of family develops, determining paternity becomes increasingly complex. The legal significance of the presumption of paternity lies in the fact that with its help spouses are freed from proving the origin of a child born during marriage. The presumption of paternity is based on the presumption of validity of marriage, which assumes that spouses enter into marriage voluntarily and with the intention of having children. This presumption serves to protect the rights and interests of the child, providing him or her with a stable and safe family environment. It also

protects spouses from unfounded accusations of infidelity or adultery. However, the presumption of paternity is not absolute and can be rebutted in court if irrefutable evidence is presented that the child is not the biological child of the spouse. The impact of this legal instrument is felt most when it is least expected. Most often, when a married couple separates without divorcing or if the woman becomes pregnant (whether married or not), in the case of the birth of a child from a surrogate mother. In these and similar situations, there is a presumption that the husband is the father. **Theoretical analysis.** The main theoretical approaches to and grounds for the use of presumption in establishing paternity, both for the married and unmarried, are considered. **Empirical analysis.** The normative acts in the field of the application of the presumption of paternity, including foreign experience, are analyzed. **Results.** The author comes to the conclusion that it is necessary to apply an out-of-court procedure to overcome the presumption of paternity in cases of the birth of a child from a woman married to another man, as well as the need for state funding of genetic testing to ensure the use of DNA analysis as the only proof of kinship of the father and the child.

Keywords: presumption of paternity, biological kinship, protection of paternity, establishment of paternity

For citation: Torosyan R. A. Problems of the use of presumption in establishing paternity. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 80–88 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-80-88>, EDN: RRIOEK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В системе правового регулирования установления отцовства и материнства немаловажное место занимают презумпции, что подразумевает освобождение лица, в пользу которого устанавливается презумпция, от доказывания утверждаемого этой стороной факта родства [1, с. 155]. Однако, несмотря на важность презумпции в практической деятельности, в российском законодательстве отсутствует единый подход к ее применению, что вызывает проблемы в результате использования, а именно доказывание юридических фактов родства на практике. Презумпция материнства и презумпция отцовства введена в законодательства многих государств. Презумпция отцовства известна еще со времен древнеримского частного права, когда власть отца устанавливалась над детьми, рожденными в законном римском браке, по формуле «тот отец, на которого указывает брак» [2]. Данная презумпция стала правовой традицией и в современном мире применяется в правовых системах многих государств.

Теоретический анализ

Согласно ст. 47 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ), права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей [3]. Следовательно, сведения о родителях детей фиксируются при регистрации рождения ребенка органами записи актов гражданского состояния (ЗАГС).

Так, происхождение ребенка от матери устанавливается органами ЗАГС, основываясь на документах, подтверждающих рождение ее ребенка в медицинской организации, а также усыновления или на основе свидетельских показаний о факте рождения женщиной ребенка вне медицинской организации и на основе

медицинской документации, подтверждающей факты беременности и родов на определенном сроке развития плода.

Интересным представляется вопрос установления отцовства, в процессе которого возникают проблемы, приводящие к нарушению конституционных прав отцов и мужчин заботиться и воспитывать своих детей. Презумпция предполагает, что ребенок, родившийся во время брака, является биологическим ребенком мужа матери. Проблема вызвана тем, что именно супружеские отношения родителей ребенка устанавливают отцовство, а не какие-либо биологические отношения между ребенком и отцом.

Важно отметить, что никто не может лишить мужчину его родительских прав без его воли, а также наделять мужчину, не являющегося родителем, дополнительными правами и обязанностями. Установление отцовства направленно на защиту прав родившегося ребенка на обоюдное и совместное участие обоих родителей в реализации их родительских прав и обязанностей. Также установление отцовства может иметь значение при выяснении того, кто несет или должен нести родительскую ответственность и какие меры по воспитанию детей должны быть приняты.

Презумпция отцовства мужа матери ребенка имеет длительную историю. В Законе СССР «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» [4] и Кодексе о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г. [5] положения, касающиеся презумпции отцовства, отсутствовали. Пунктом 12 «Инструкции о порядке регистрации актов гражданского состояния в РСФСР» 1969 г. указывалась возможность установления отцовства путем внесения записи об отце ребенка в книгу регистрации актов о рождении. При этом в данном акте отсутствует упоминание о возможности преодолеть презумпцию отцовства мужа по заявлению матери.

В постсоветский период вопрос правового регулирования презумпции отцовства получил правовую регламентацию, в частности, в первоначальной редакции СК РФ в ст. 48 присутствовал позднее исключенный (Федеральным законом от 15 ноября 1997 г. № 140-ФЗ [6]) из текста п. 3 «если мать ребенка заявляет, что отцом ребенка является не ее супруг (бывший супруг), отцовство в отношении ребенка устанавливается по правилам, предусмотренным п. 4 настоящей статьи или ст. 49 настоящего Кодекса»: другими словами, была возможность преодолеть презумпцию отцовства бывшего мужа путем подачи совместного заявления матерью ребенка и биологическим отцом.

Эмпирический анализ

В настоящее время презумпция отцовства и материнства закреплена в п. 2 ст. 48 СК РФ, согласно которой если ребенок родился от лиц, состоящих в браке между собой, а также в течение трехсот дней с момента расторжения брака, признания его недействительным или с момента смерти супруга матери ребенка отцом ребенка признается супруг (бывший супруг) матери, если не доказано иное. Отцовство супруга матери ребенка удостоверяется записью об их браке. Следовательно, из положения данной статьи можно определить под презумпцией отцовства – предполагаемое родство – отцовство мужчины (отца) в течение трехсот дней с момента расторжения брака, признания его недействительным или с момента смерти супруга матери ребенка отцом ребенка признается супруг (бывший супруг) матери, чье отцовство предполагается и не требует доказывания. В том числе матерью может быть признана женщина, выносившая и родившая ребенка по договору суррогатного материнства, но решившая не передавать его биологически родителям, а оставить себе его на воспитание ввиду высокой психологической привязанности, что вполне законно, так как матерью ребенка признается женщина, которая его родила.

Кроме того, согласно ст. 48 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» [7], основаниями для государственной регистрации установления отцовства являются:

- совместное заявление об установлении отцовства отца и матери ребенка, не состоящих между собой в браке на момент рождения ребенка;
- заявление об установлении отцовства отца ребенка, не состоящего в браке с матерью ребенка на момент рождения ребенка;

– решение суда об установлении отцовства или об установлении факта признания отцовства, вступившее в законную силу.

При отсутствии указанных обстоятельств отцовство устанавливается и, соответственно, оспаривается в судебном порядке.

На практике нередко возникают проблемы при реализации положений п. 2 ст. 48 и п. 2 ст. 51 СК РФ [3], а именно при установлении отцовства в случае рождения ребенка от лиц, не состоящих в браке между собой, т. е. когда ребенок зачат в результате измены, в том числе в случае раздельного проживания бывших супругов при наличии юридически действующего брака. В подобных случаях в качестве отца ребенка записывается в актах гражданского состояния супруг или бывший супруг матери, даже если фактический супруг и биологический отец ребенка желают установления отцовства в отношении себя.

В настоящее время в законодательстве отсутствует право матери ребенка, будучи в браке, установить отцовство над ребенком в отношении иного мужчины (биологического отца). Так, отсутствие у биологического отца возможности в установлении отцовства в случаях, когда мать ребенка находится в браке, лишает его в реализации конституционного права на заботу и воспитание над собственным ребенком и отнюдь не направлено на защиту прав и интересов ребенка. Ребенок не должен страдать от психологической травмы, которая может возникнуть, когда ему сказали, что отец, которого он знал всю свою жизнь, на самом деле не является его отцом, или ввиду того, что признанный законом отец мало уделяет ему внимания либо грубо с ним общается, так как подозревает, что не является отцом ребенка.

При установлении отцовства в рамках судебного производства бремя доказывания ложится на истца, т. е. отцовство и факт происхождения ребенка от ответчика, путем предоставления любых доказательств, подтверждающих происхождение ребенка от данного лица – ответчика (ст. 49 СК РФ).

Интересным представляется опыт штата Колорадо, где в любом слушании по делу об отцовстве закон гласит, что сторонами по делу являются мать, а также любые мужчины, которые предположительно являются отцом ребенка. Это означает, что все мужчины, которые подпадают под одну из вышеупомянутых презумпций, должны быть частью дела, а также любые мужчины, которые предположительно являются отцом. «Предполагаемый» в данном случае означает человека, который

может быть биологическим отцом, с которым мать ребенка имела сексуальные связи [8].

Важно отметить, что в настоящее время в России отсутствует внесудебный порядок преодоления презумпции, что подвергается критике в научной литературе. Так, биологический отец ребенка вынужден в судебном порядке доказывать свои родительские права в отношении ребенка, рожденного от женщины, находящейся в браке, ну и самому супругу данной женщины в судебном порядке необходимо оспорить свое отцовство. Интересным способом преодоления презумпции отцовства является разработка процедуры опровержения этой презумпции, где преимущественным правом на нее будут обладать супруги или фактический отец ребенка [9, с. 14].

Таким образом, для защиты прав мужчин-отцов и их биологических детей необходимо закрепить в семейном законодательстве право биологических родителей (при наличии брака у матери) подать совместное заявление об установлении отцовства биологического отца при условии, что матерью и ее супругом будет подано заявление, подтверждающее, что данный мужчина не является отцом ребенка. Такая мера предосторожности поможет избежать ошибки при установлении отцовства, ведь существуют случаи, когда мать ребенка ошибочно называет мужчину отцом, не учитывая интересов настоящего биологического отца ребенка. Кроме того, в процессе установления отцовства важную роль играют действия и намерения родителя, стремящегося установить происхождение, а не его супружеские отношения. Такая практика внесудебного преодоления презумпции отцовства присутствует в ряде зарубежных стран, например в Белоруссии, Таджикистане [10, с. 90].

С учетом развития семейных отношений в некоторых государствах в законах об отцовстве обычно используются гендерно-специфические формулировки. Это создает путаницу для однополых пар, потому что неясно, применяется ли к ним супружеская презумпция отцовства. Например, Устав штата Миннесота закрепляет, что когда это необходимо для реализации прав и обязанностей супругов или родителей в гражданском браке между лицами одного пола в соответствии с законами этого государства, включая те, которые устанавливают презумпции отцовства, основанные на гражданском браке, такая гендерно-специфическая терминология, как «муж», «жена», «мать», «отец», «вдова», «вдовец» или аналогичные термины, должна толковаться в нейтральной манере для обозначения лица любого пола [11].

Согласно ст. 48 СК РФ, фактические родители ребенка могут обратиться с заявлением в органы ЗАГС. Однако зачастую возникают ситуации, когда фактический отец ребенка не может или не хочет признавать отцовство по причинам призыва в армию и т.п., в таком случае в свидетельстве о рождении ребенка автоматически отцом будет указан бывший супруг матери ребенка, вне зависимости от его согласия или согласия матери ребенка.

В итоге в сложной ситуации оказываются оба бывших супруга, а также фактический отец ребенка, поскольку оспорить запись об отце ребенка возможно только в судебном порядке (ст. 52 СК РФ). В суд с подобным заявлением могут обратиться все указанные лица. Кроме того, с бывшего супруга будут взыскиваться алименты до тех пор, пока он не докажет в суде, что не является фактическим отцом ребенка [12].

За рубежом родителям предоставляются более широкие права при решении вопроса об установлении отцовства. Матери ребенка или обоим супругам предоставлено право уже во время регистрации рождения заявить о том, что супруг (бывший супруг) не является отцом ребенка. Такая практика для российского законодательства способствовала бы расширению родительских прав, а кроме того, сделала бы процесс установления отцовства более справедливым с учетом интересов всех сторон, способствовала бы избежать длительных судебных процессов по преодолению презумпции отцовства.

Когда дети рождаются в больнице штата Колорадо, персонал берет информацию у матери об отце ребенка для внесения записи в свидетельство о рождении ребенка. Если мать предоставляет эту информацию, этот человек будет внесен без каких-либо проволочек. Если мать не замужем или называется в качестве отца ребенка мужчиной, не являющегося ее мужем, тот должен подписать добровольное признание отцовства, чтобы появиться в свидетельстве о рождении. Эта форма довольно прямолинейна. В данном случае муж матери также должен подписать подтверждение, чтобы оно было действительным [13].

Актуальным вопросом остается необходимость применения внесудебной процедуры для преодоления презумпции отцовства в случаях фиктивного установления отцовства или отказа от отцовства, когда лицо явно знает, что не является биологическим отцом, с целью оспорить отцовство. Такой риск действительно существует, и инициатором такого «фиктивного отцовства» может быть даже мать ребенка, не желающая

установить юридическую связь между ребенком и бывшим мужем, что может негативно сказаться на интересах ребенка [14]. Для защиты прав мужчин, будь то биологические или юридические отцы, в отношении установления их родительских прав и обязанностей необходимо вменить в обязанность органов ЗАГС уведомлять мужчину о том, что его указали в качестве отца ребенка в случае, когда запись об отце основана на презумпции и когда сам мужчина, указанный в качестве отца, действительно может быть не осведомлен об этом факте. Такое уведомление может защитить интересы мужчин и преодолеть возможные негативные последствия, связанные с фиктивным установлением отцовства. Оно также поможет установить более справедливые и достоверные данные о родителях ребенка, что, в свою очередь, способствует защите их интересов. Важно отметить, что внесудебная процедура преодоления презумпции отцовства должна быть четко урегулирована отраслевым законодательством, чтобы избежать злоупотреблений и неправомερных действий. Необходимо учесть все аспекты и последствия такой процедуры, чтобы обеспечить справедливость и защиту прав всех заинтересованных сторон. Таким образом, введение обязанности уведомления мужчин о факте их указания в качестве отца ребенка только на основании презумпции отцовства, а также установления внесудебной процедуры преодоления презумпции отцовства поможет защитить права мужчин и обеспечить интересы ребенка в случаях фиктивного установления отцовства и отказа от отцовства [15, с. 59].

Интересным представляется опыт Японии в преодолении презумпции отцовства. Еще в 1989 г. Верховный суд Японии принял закон, согласно которому женщины не имели права вступать в новый брак спустя шесть месяцев после расторжения предыдущего. Такие длительные сроки были установлены с целью избежать споров об установлении отцовства. В настоящее время данные сроки сокращены до месяца, при этом супруги смогут регистрировать отцовство, если ребенок от прошлого брака родился у женщины в течение трехсот дней после развода [16]. Это означает, что в случае конфликта между презумпцией и биологической реальностью, последний заключивший брак с матерью ребенка считается отцом.

ДНК-тестирование на установление отцовства является важным инструментом, используемым для доказательства или опровержения биологических отношений между родителями и детьми. При этом данная процедура не может

быть проведена без согласия матери. Процесс получения образца для теста ДНК строго регламентирован и требует, чтобы обе стороны дали свое согласие на данную процедуру. Если одна из сторон не даст своего разрешения, то тест не может быть проведен, поскольку это нарушило бы законы о неприкосновенности частной жизни и этические принципы [17, с. 359]. Кроме того, следует обратить внимание на некоторые дополнительные аспекты этой проблемы. Во-первых, необходимо разработать четкие правила для проведения генетических экспертиз и определения отцовства. Это поможет предотвратить возможные злоупотребления или ошибки при проведении таких исследований. Во-вторых, важно учесть психологические и эмоциональные аспекты, связанные с процессом определения отцовства.

Кроме того, следует обратить внимание на потенциальные негативные последствия для детей, связанные с процедурой определения отцовства. Важно обеспечить защиту интересов детей во время и после таких процедур, чтобы минимизировать возможные негативные влияния на их психологическое и эмоциональное развитие. Таким образом, внесудебная процедура преодоления отцовства в современных условиях может быть ценным инструментом в защите прав мужчин (отцов). Однако внедрение такой процедуры должно сопровождаться четкими правилами, учетом психологических аспектов и защитой интересов детей.

Важно отметить, что до XIX в. не было никакого способа доказать, кто на самом деле был отцом ребенка, и все, на что можно было положиться, – это честность и в конечном счете заявление матери. Любой ребенок, рожденный в браке, независимо от того, является он внебрачным или нет, рассматривается как законнорожденный ребенок, с тем чтобы защитить ребенка от калечащего клейма, связанного с ныне устаревшим понятием незаконнорожденных детей [18].

Несмотря на то что брачные отношения являются одним из способов установления отношений между родителями и детьми, биология обеспечивает отдельную основу для этого. С ростом тестирования ДНК теперь можно с достоверностью узнать личность биологических родителей ребенка, а также справедливо распределить родительские обязанности между отцом и матерью. Генетическое тестирование тоже доступно и может быть даже сделано дома, вне судебного процесса. Однако в настоящее время в России данный способ доказывания не

из дешевых, стоимость его варьирует от 15 000 до 30 000 руб. [19]. В данном случае для обеспечения возможности использования анализ ДНК как единственного доказательства родства следует поощрять проведение такого генетического тестирования по более приемлемой цене или даже бесплатно.

Интересным представляется практика ФРГ в отношении применения ДНК-теста для определения отцовства: его запрещается делать без согласия матери ребенка, так как это нарушает права женщины, поскольку это вмешательство в ее личную жизнь, и результаты такого анализа не могут быть приняты в качестве доказательства в суде. При этом судьи проигнорировали желание мужчин знать, являются ли находящиеся у них на содержании дети их собственными.

Спустя два года после этого решения судья Конституционного суда ФРГ высказал свое точку зрения, заявив: «Женские тайны не могут быть поводом для мужских слез». Тем не менее, КС ФРГ рекомендовал германским властям разработать юридическую процедуру, которая бы позволила мужчинам устанавливать свое биологическое отцовство без согласия матери ребенка в случае, если у него есть «мотивированные причины» для сомнений в верности своей супруги. Это предложение вызвало много обсуждений в обществе. Одни считают, что такая юридическая процедура даст возможность мужчинам защищать свои права и установить свое отцовство, особенно в случаях, когда возникают серьезные сомнения в верности жены или партнерши. Другие опасаются, что такая процедура может привести к нарушению прав женщин и их личной жизни. В настоящее время германские власти продолжают обсуждать данный вопрос, стремятся найти баланс между защитой прав мужчин и женщин, чтобы удовлетворить интересы обеих сторон [20].

Однако не всегда ДНК-анализ может способствовать доказыванию отцовства. Курьезный случай произошел с близнецами из Америки. Два брата-близнеца по незнанию встречались с одной девушкой. В результате девушка забеременела, и, как следствие, возникла необходимость в установлении отцовства. Один из близнецов отказался признавать отцовство и подал иск в суд, указывая на своего брата в качестве биологического отца ребенка. Возникла сложная ситуация, так как проведение ДНК-теста, обычно используемого для установления родства, не дало однозначного результата. Генетический материал близнецов практически идентичен, что создало сложности при определении отцовства. Однако,

несмотря на это, проведенный анализ все же показал, что оба брата с вероятностью 99,9% могут считаться отцом ребенка [21].

В России применяется аналогичная практика. Несмотря на то что мать ребенка не может препятствовать подаче в суд заявления на установление отцовства, она вправе не давать свое согласие на проведение экспертизы ДНК. Однако в ходе судебного процесса на основании ст. 79 ГПК РФ [22], истцом-отцом ребенка может быть заявлено ходатайство о проведении ДНК-экспертизы. В случае уклонения матери от предоставления ДНК-анализа ребенка отсутствие результата генетического анализа не влияет на вынесение решения в пользу отца, если будут предоставлены иные доказательства родства.

Интересным также представляется практика установления отцовства в результате посмертного использования вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). В таких случаях, как правило, требуется письменное согласие, заверенное нотариусом, на использование генетического материала мужчины-донора в случае его смерти быть родителем-отцом ребенка, рожденного в результате использования его биоматериала. Важно отметить, что в России законодательством регулируется порядок применения ВРТ, однако отсутствует порядок установления применения посмертной репродукции.

Результаты

В настоящее время также остается актуальным вопрос, связанный с государственной регистрацией рождения детей, которые были рождены суррогатной матерью, а их единственным родителем является генетический отец. Долгое время данная проблема оставалась неразрешенной, так как органы ЗАГС отказывались признавать одиноких мужчин отцами детей, рожденных суррогатной матерью, и, соответственно, отказывались регистрировать рождение детей с указанием этих мужчин в качестве отцов [23]. Однако, как показывает практика, в настоящее время суды имеют другую позицию по данной вопросу, и несмотря на некоторую изменчивость судебной практики, количество решений о признании одиноких отцов, обратившихся за помощью к услугам суррогатной матери, в качестве единственных родителей детей, рожденных от суррогатной матери, увеличивается [24]. Это свидетельствует о том, что суды придают большее значение генетической связи между родителями и ребенком, а не только юридическим аспектам. Однако несмотря на

некоторые положительные изменения судебной практики, законодательство все еще нуждается в доработке, а именно вопросы, связанные с регистрацией детей, рожденных от суррогатной матери, и признанием генетических отцов в качестве единственных родителей.

Существенную роль в изменении судебной практики сыграло Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» [25], которое стало важнейшей вехой в вопросе защиты прав как генетических родителей, так и детей, рожденных от суррогатных матерей. Между тем в данном постановлении о правах одинокого отца быть указанным в качестве одного родителя ребенка/детей, рожденных суррогатной матерью, ничего сказано не было, в отличие от аналогичного права одинокой матери. Следовательно, суды при решении вопроса о записи отцовства были вынуждены руководствоваться лишь положением о защите прав ребенка.

С 2017 по 2021 г. включительно эта практика только укреплялась, однако в июне 2021 г. данная тенденция получила существенное усиление. В этом отношении весьма показательным является Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей” в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области», согласно которому Конституционный суд РФ признал право на материнский капитал за отцами, воспитывающими в браке детей, рожденных суррогатными матерями [26].

Таким образом, на основании вышеизложенного необходимо сделать вывод о необходимости совершенствования судебного порядка преодоления презумпции отцовства, закрепить возможность применения посмертной репродукции, в том числе судебный порядок ее проведения и последующее установление происхождения ребенка от данного лица при использовании ВРТ. Кроме того, рассмотреть возможность применения внесудебной процедуры преодоления презумпции отцовства в случаях рождения ребенка от женщины, находящейся в браке с другим мужчиной, при наличии заявления матери и супруга матери об отсутствии противоречий в процессе установления отцовства, что позволит защитить интересы ребенка, его матери и отца.

Список литературы

1. Булаевский Б. А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений. М. : Инфра-М, 2013. 238 с.
2. Рабец А. М. Презумпция отцовства мужа матери ребенка в семейном праве Российской Федерации и на постсоветском пространстве // Семейное и жилищное право. 2016. № 2. С. 20–23.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301 ; 2023. № 18, ст. 3227.
4. Закон СССР от 27 июня 1968 г. «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» (закон утратил силу) // Свод законов СССР. М. : Известия Советов народных депутатов СССР, 1980–1986. Т. 2. 1984. 1136 с.
5. Кодексе о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32, ст. 1086.
6. О внесении изменений и дополнений в Семейный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 15.11.1997 № 140-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 46, ст. 5243.
7. Об актах гражданского состояния : федер. закон от 15.11.1997. № 143-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 47, ст. 5340 ; 2023. № 16. ст. 2755.
8. Legal Paternity in Colorado. URL: <https://www.graham.law/blog/colorado-paternity-biology-presumptions/> (дата обращения: 02.05.2023).
9. Качур Н. Ф. Презумпции в советском семейном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982. 17 с.
10. Исаева Е. А. Стремление к гендерной нейтральности: трудовая правовая аспекты // Социально-юридическая тетрадь. 2014. № 4. С. 89–101. EDN: SMHNOF
11. Official Publication of the State of Minnesota. Revisor of Statutes. Minnesota Statutes 2022. URL: <https://www.revisor.mn.gov/statutes/cite/517.201> (дата обращения: 02.05.2023).
12. Гражданский кодекс Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52 (ч. I), ст. 5496 ; 2023. № 16, ст. 2758.
13. Legal Paternity in Colorado. URL: <https://www.graham.law/blog/colorado-paternity-biology-presumptions/> (дата обращения: 02.05.2023).
14. Мореева С. Н. Презумпция отцовства и способы ее преодоления // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2 (182). С. 117–119. EDN: AIRYZH
15. Черепанин Е. Ю. Презумпция отцовства: постановка проблемы // Вопросы науки и образования. 2018. № 13 (25). С. 58–60.
16. Японкам разрешили повторно выходить замуж в течение 100 дней после развода. URL: <https://snob.ru/news/yaponkam-razreshili-povtorno-vyehodit-zamuzh-v-techenie-100-dnej-posle-razvoda/> (дата обращения: 02.05.2023).

17. Усачева Е. А. К вопросу о правоприменительных проблемах, связанных с действием презумпции отцовства мужа матери // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж : Научная книга, 2018. С. 358–359. EDN: YAFVGP
18. Миролюбова С. Ю. Проблемы применения ДНК-теста в целях воссоединения семьи и репатриации // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 1. С. 91–100. <https://doi.org/10.34822/2312-3419-2021-1-91-100>
19. Определение биологического отцовства или материнства «папа и ребенок» или «мама и ребенок» // Саратовский Департамент судебных экспертиз : [сайт]. URL: https://sardep.ru/docs/23-opredelenie_biologicheskogo_otcovstva_ili_materinstva.html (дата обращения: 02.05.2023).
20. Басова А. В. Векторы развития конституционной защиты прав человека в связи с прогрессом геномики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 227–234. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-227-234>, EDN: UADMJX
21. Установление отцовства в разных странах мира. URL: <https://testdnk.pro/informacia/ustanovlenie-otcovstva-v-raznykh-stranakh-mira.html> (дата обращения: 02.05.2023).
22. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532 ; 2023. № 1, ст. 50.
23. Максимович Л. Б. Установление происхождения детей: законодательство и практика // Теоретические и практические проблемы государственной регистрации актов гражданского состояния / Асланов Х. Г., Афтахова А. В., Аюпова З. К. [и др.]. Тверь : Изд. А. Н. Кондратьев, 2017. С. 140–144
24. Демичев К. А. Последние тенденции защиты отцовства в контексте позиций конституционного суда РФ // Конституция России и развитие законодательства : сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. Нижний Новгород: Нижегородский ин-т управления – филиал РАНХиГС, 2022. С. 81–86. EDN: WJKUYD
25. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей : постановление Пленума ВС РФ от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
26. По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области : постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 № 30-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Bulaevsky B. A. *Prezumpcii kak sredstva pravovoy okhrany interesov uchastnikov grazhdanskikh pravootnosheniy: monografiya* [Presumptions as a means of legal protection of the interests of participants in civil legal relations]. Moscow, Infra-M, 2013. 238 p. (in Russian).
2. Rabets A. M. Presumption of paternity of the husband of the mother of the child in family law of the Russian Federation and in the post-Soviet space. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law], 2016, no. 2, pp. 20–23 (in Russian).
3. The Family Code of the Russian Federation 223-FZ of December 29, 1995 (an edition of April 28, 2023). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301; 2023, no. 18, art. 3227 (in Russian).
4. The Law of the USSR of June 27, 1968 “On the approval of the Fundamentals of the legislation of the USSR and the Union Republics on marriage and family” (the law has become invalid). *Svod zakonov SSSR* [Code of laws of the USSR]. Moscow, News of the Soviets of People’s Deputies of the USSR, 1980–1986. Vol. 2. 1984. 1136 p. (in Russian).
5. The Code on Marriage and Family of the RSFSR of July 30, 1969. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR* [Vedomosti of the Supreme Council of the RSFSR], 1969, no. 32, art. 1086 (in Russian).
6. On Amendments and Additions to the Federal Code of the Russian Federation. Federal Law 140-FZ of November 15, 1997. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1997, no. 46, art. 5243 (in Russian).
7. On acts of civil status. Federal Law 143-FZ of November 15, 1997. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1997, no. 47, art. 5340; 2023, no. 16, art. 2755 (in Russian).
8. *Legal Paternity in Colorado*. Available at: <https://www.graham.law/blog/colorado-paternity-biology-presumptions/> (accessed May 2, 2023).
9. Kachur N. F. *Presumptions in Soviet family law*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Sverdlovsk, 1982. 17 p. (in Russian).
10. Isaeva E. A. Striving for gender neutrality: Employment law aspect. *Sotsial'no-yuridicheskaya tetrad'* [Socio-Legal Notebook], 2014, no. 4, pp. 89–101 (in Russian). EDN: SMHNOF
11. *Official Publication of the State of Minnesota. Revisor of Statutes. Minnesota Statutes 2022*. Available at: <https://www.revisor.mn.gov/statutes/cite/517.201> (accessed May 2, 2023).
12. The Civil Code of the Russian Federation. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2006, no. 52 (pt. I), art. 5496; 2023, no. 16, art. 2758 (in Russian).
13. *Legal Paternity in Colorado*. Available at: <https://www.graham.law/blog/colorado-paternity-biology-presumptions/> (accessed May 2, 2023).

14. Moreeva S. N. Presumption of paternity and ways to overcome it. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and the State: Theory and Practice], 2020, no. 2 (182), pp. 117–119 (in Russian). EDN: AIRYZH
15. Cherepanin E. Y. Presumption of paternity: statement of the problem. *Voprosy nauki i obrazovaniya* [Questions of Science and Education], 2018, no. 13 (25), pp. 58–60 (in Russian).
16. *Yaponkam razreshili povtorno vyhodit' zamuzh v techenie 100 dney posle razvoda* (Japanese women were allowed to remarry within 100 days after the divorce). Available at: <https://snob.ru/news/yaponkam-razreshili-povtorno-vyhodit-zamuzh-v-techenie-100-dnej-posle-razvoda/> (accessed May 2, 2023).
17. Usacheva E. A. On the issue of law enforcement problems related to the effect of the presumption of paternity of the mother's husband. In: *Tekhnika i bezopasnost' obyektov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy* [Technology and safety of penal system facilities. Collection of materials of the International scientific and practical conference]. Voronezh, Nauchnaya kniga, 2018, pp. 358–359 (in Russian). EDN: YAFVGP
18. Mirolyubova S. Yu. Problems of Using DNA Test for Family Reunification and Repatriation. *Surgut State University Journal*, 2021, no. 1, pp. 91–100 (in Russian). <https://doi.org/10.34822/2312-3419-2021-1-91-100>
19. Definition of biological paternity or motherhood “father and child” or “mother and child”. *Saratovskiy departament sudebnykh ekspertiz* (Saratov Department of Forensic Examinations. Site). Available at: https://sardep.ru/docs/23-opredelenie_biologicheskogo_otcovstva_ili_materinstva.html (accessed May 2, 2023) (in Russian).
20. Basova A. V. Vectors of development of constitutional protection of human rights in connection with the progress of genomics. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 227–234 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-227-234>, EDN: UADMJX
21. *Ustanovlenie ottsovstva v raznykh stranakh mira* (Establishing paternity in different countries of the world). Available at: <https://testdnk.pro/informacia/ustanovlenie-otcovstva-v-raznyx-stranax-mira.html> (accessed May 2, 2023) (in Russian).
22. Civil Procedure Code of the Russian Federation 138-FZ of November 14, 2002. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1997, no. 47, art. 5340; 2023, no. 16, art. 2755 (in Russian).
23. Maksimovich L. B. Establishing the origin of children: legislation and practice. In: *Teoreticheskie i prakticheskie problemy gosudarstvennoy registratsii aktov grazhdanskogo sostoyaniya* [Aslanov Kh. G., Aftakhova A. V., Ayupova Z. K., et al. Theoretical and practical problems of state registration of acts of civil status]. Tver, Izdatel' A. N. Kondratiev, 2017, pp. 140–144 (in Russian).
24. Demichev K. A. Recent trends in paternity protection in the context of the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Konstitutsiya Rossii i razvitiye zakonodatel'stva* [The Constitution of Russia and the development of legislation. Collection of materials of the III All-Russian scientific and practical conference]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod branch of the RANEP Publ., 2022, pp. 81–86 (in Russian).
25. On the application of legislation by courts when considering cases related to the establishment of the origin of children. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 16 of May 16, 2017 (an edition of December 26, 2017). *ATP “Consultant”* [electronic resource] (in Russian).
26. In the case of checking the constitutionality of Article 3 of the Federal Law “On Additional measures of State support for families with children” in connection with the request of the Konakovskiy City Court of the Tver region. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 30-P of June 29, 2021. *ATP “Consultant”* [electronic resource] (in Russian).

Поступила в редакцию 03.06.2023; одобрена после рецензирования 11.09.2023; принята к публикации 20.09.2023
The article was submitted 03.06.2023; approved after reviewing 11.09.2023; accepted for publication 20.09.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 89–98
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 89–98
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-89-98>, EDN: SUIUMZ

Научная статья
УДК 341.4+343 (075.8)

Правовое регулирование института розыска, ареста и возврата активов, полученных преступным путем, как формы международного сотрудничества в Республике Ирландия

Н. Ю. Сливинская

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Россия, 119454, г. Москва, просп. Вернадского, д. 76

Сливинская Надежда Юрьевна, аспирант кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, kathrineelizabeth@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9918-5003>

Аннотация. Введение. Современная обстановка в мире свидетельствует о положительной динамике роста организованной преступности. Получение дохода от незаконной деятельности – одна из угроз, которая требует своевременного реагирования и взаимного сотрудничества правоохранительных органов и должностных лиц по всему миру. В Республике Ирландия соответствующую деятельность осуществляет комплексный аппарат Бюро расследований. **Теоретический анализ.** В функции Бюро входит розыск, арест и конфискация доходов, полученных преступным путем. Особенность процедуры конфискации в Ирландии состоит в том, что она осуществляется вне уголовного судопроизводства, где Бюро отводится роль истца. Формальная процессуальная цепочка выстраивается следующим образом: Бюро расследований, Гарда Шихана, Высокий суд, Министерство юстиции и равенства. **Эмпирический анализ.** Выявлено, что институт розыска, ареста и конфискации в Республике Ирландия регулируется положениями общеуголовных и конвенционных законов, отличающихся наличием принципа экстерриториальности. Вопросы международного сотрудничества и оказания взаимной правовой помощи установлены в ряде законов, принятых на основании профильных конвенций. **Результаты.** Благодаря организованной деятельности Бюро расследований удается избежать излишней бюрократизации процесса и ускорить процедуру формального взаимодействия с центральными компетентными органами и лицами иностранных государств.

Ключевые слова: международное уголовное сотрудничество, формы международного уголовного сотрудничества, конфискация преступных активов, процедура конфискации, бюро расследований, розыск

Для цитирования: Сливинская Н. Ю. Правовое регулирование института розыска, ареста и возврата активов, полученных преступным путем, как формы международного сотрудничества в Республике Ирландия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 89–98. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-89-98>, EDN: SUIUMZ
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Legal procedure of search, seizure and confiscation of criminal assets as a type of international criminal cooperation in the Republic of Ireland

N. Yu. Slivinskaya

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs the Russian Federation, 76 Vernadskogo Ave., Moscow 119454, Russia

Nadezhda Yu. Slivinskaya, kathrineelizabeth@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9918-5003>

Abstract. Introduction. Hodiernal circumstances in the world underline the sparkling growth of organized crime activity. Getting criminal assets is meant to be one the threats that demand rapid response and cooperation of law enforcement bodies and other relevant authorities and officials all over the world. Criminal Assets Bureau is deemed to be such an authority that is entitled to exercise such activity in the Republic of Ireland. **Theoretical analysis.** Criminal Assets Bureau is authorized to search, freeze and confiscate proceeds of crime. Civil proceedings in assets recovery is the essence of the Irish confiscation procedure. Bureau is empowered to be a plaintiff in pleadings. Therefore, the formal proceeding chain is the following: Criminal Assets Bureau, Garda Síochána, High Court, Ministry of Justice and Equality. **Empirical analysis.** The provisions of criminal justice acts and conventional laws, characterized by the principle of extraterritoriality, regulate the search, arrest and confiscation procedure in the Republic of Ireland. International cooperation and mutual legal assistance matters are vested in a number of

laws based on relevant conventions. **Results.** Organized and joint activity of the Criminal Assets Bureau grants an ability to avoid excessive bureaucratization of the process and accelerate formal cooperation in criminal matters with relevant foreign central authorities and officials.

Keywords: international cooperation in criminal matters, forms of international cooperation in criminal matters, confiscation of criminal assets, confiscation procedure, Criminal Assets Bureau, search and seizure

For citation: Slivinskaya N. Yu. Legal procedure of search, seizure and confiscation of criminal assets as a type of international criminal cooperation in the Republic of Ireland. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 89–98 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-89-98>, EDN: SUIUMZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Мировое сообщество, признавая проблему роста организованной преступности, видит необходимость в модернизации и совершенствовании средств и методов по возврату активов, полученных преступным путем. Обеспечение качественного уровня международного сотрудничества является одной из приоритетных задач государства согласно теории права [1, с. 11]. В руководстве ООН по международному сотрудничеству в целях конфискации доходов, полученных преступным путем, отмечено, что государствам необходимо осознавать, что масштабы криминогенной угрозы, исходящей от отмывания денежных средств и иной преступной деятельности, связанной с получением доходов незаконным путем, ныне имеет экстерриториальный характер, что требует дополнительных усилий по координации деятельности правоохранительных органов и должностных лиц по всему миру посредством не только действующих традиционных форм международного сотрудничества, но и такого сравнительно молодого правового института, как международный розыск, арест и конфискация активов, полученных преступным путем [2]. Соответствующие функции правового института в Республике Ирландия на протяжении более 25 лет осуществляет Бюро расследований.

Теоретический анализ

Республика Ирландия является страной общего права, фундаментальные основы которой регулируются Конституцией, которая устанавливает и защищает основные права и предусматривает конституционный надзор за их соблюдением.

Ирландия предусматривает два вида законодательства: первичное (анг. «Primary Legislation») и вторичное (анг. «Secondary Legislation»). Первичное законодательство – это тип нормотворчества, по результатам которого принимаются законодательные акты (англ. «Acts»). Вторичное законодательство включает в себя подзаконные

акты или, иными словами, статутные документы (анг. «Statutory Instruments» или «SI») и уставные акты или регламенты (анг. «By-Laws») [3].

В соответствии с традицией общего права Ирландия сохраняет четкое различие между уголовным и гражданским правом. Закон запрещает многие виды противоправных деяний и противоправного поведения, некоторые из которых являются уголовными преступлениями (анг. «criminal offence» или «offence»), а некоторые рассматриваются как гражданские правонарушения (анг. «civil wrong»), например, такие как деликт (англ. «tort») или нарушение исполнения условий договора (англ. «breach of contract»).

В Ирландии законодательство в сфере уголовной юстиции можно разделить на несколько групп, в частности: 1) законы об уголовной юстиции; 2) законы об уголовной процедуре; 3) конвенционное законодательство (законы, принятые на основании конвенций, направленных на борьбу с отдельными видами преступлений); 4) статуты, принятые в качестве дополнения к содержанию Основного закона; 5) статуты, которые вносят изменения в Основной закон; 6) прецеденты.

Материальное содержание любого закона в сфере уголовной юстиции, как правило, отражает: толкование терминов; описание полномочий Министра юстиции и равенства; составы преступлений и ответственность за их совершение физическими и юридическими лицами; следственные действия уполномоченных должностных лиц и учреждений по расследованию установленных составов преступлений; судебное производство и апелляционный процесс; поправки к закону; положение о расходовании государственных средств; правила сбора и распоряжения денежными средствами, подлежащими уплате в соответствии с нормами закона; положение об утрате силы некоторыми законами и статутными документами; краткое название закона; приложение [4].

В Ирландии постановления о конфискации в уголовном порядке в отношении лиц, осужденных за торговлю наркотическими средствами и другие серьезные преступления, были введе-

ны ст. 4 и 9 ч. 2 Закона об уголовной юстиции 1994 г. (далее – Закон 1994 г.) [5]. Важно отметить, что в его основу легла Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. В соответствии со ст. 3 Закона («Interpretation») под преступлением «незаконный оборот наркотических средств» подразумеваются производство, подготовка, импорт, экспорт, поставка и иные действия, направленные на извлечение прибыли от производства и сбыта наркотических средств. Статья 3 Закона не дает определение «иным преступлениям, отличным от незаконного оборота наркотических средств», однако по смыслу статьи под преступлением понимается любая противоправная уголовная деятельность, направленная на извлечение прибыли. Под преступными доходами в рамках ст. 5 Закона, соответственно, понимаются «любые выплаты или вознаграждения, полученные лицом в любое время в связи с незаконным оборотом наркотических средств или любой иной противоправной уголовной деятельностью, осуществляемой как самим лицом, так и третьими лицами в пользу первого лица». В соответствии со ст. 61 конфискацию осуществляет Гарда Шихана (Национальная служба полиции и безопасности Ирландии) на основании постановления суда.

После Закона 1994 г. было создано агентство, обеспечивающее надежный механизм борьбы с динамично растущей организованной преступностью, – Бюро расследований.

Бюро, связанное с расследованием активов, полученных преступным путем, является многопрофильным агентством, в состав которого входят сотрудники национальной полиции, представители налогового и таможенного ведомств, представители Министерства социального обеспечения, специалисты по правовым вопросам, а также административный и технический персонал. Сильной стороной самого Бюро расследований является то, что оно позволяет обмениваться информацией, оказывать правовую помощь и сотрудничать напрямую в соответствии с аналогичным Законом о Бюро расследований 1996 г., а значит, избегать обычных бюрократических трудностей. Бюро как официальный орган обязано подавать годовой отчет («annual reports») о своей деятельности через уполномоченного представителя национальной полиции министру юстиции, который представляет его парламенту. На официальном сайте содержатся подробные отчеты о деятельности Бюро расследований с 2010 по 2021 г. [6]. С 1996 г.

были арестованы активы стоимостью более 70 млн евро, а налоговые преступления превысили 100 млн евро. Именно благодаря такой эффективной модели и таким высоким показателям Ирландия практически перешла на использование модели процедуры конфискации активов вне уголовного судопроизводства.

Ирландия оказывает помощь другим юрисдикциям в разработке аналогичных механизмов и средств судебной защиты для эффективного выявления результатов преступной деятельности. Бюро активно сотрудничает с Интерполом в части оказания содействия по проведению внутренних расследований. По состоянию на 2023 г. Бюро остается ведущим правоохранительным органом Республики Ирландия, принимающим участие в международных операциях, осуществляемых под руководством Европола и нацеленных на деятельность транснациональных организованных преступных групп, которые пытаются использовать возможности, предоставляемые свободой передвижения через международные границы. В течение 2021 г. Бюро использовало механизмы координации Евроюста для обеспечения поддержки стандартов ведения международного расследования. Рабочие сессии между судебными органами и Бюро проводились под руководством г-на Франка Кэссиди, национального члена Евроюста от Ирландии. В 2002 г. Бюро и Европол совместно организовали конференцию в Дублине. Среди участников были представители правоохранительных и судебных органов. Целью конференции было представить рекомендации по выявлению, отслеживанию и аресту доходов, полученных преступным путем. Одно из высказанных предложений заключалось в том, чтобы рассмотреть возможность создания неофициальной сети в области выявления и возврата преступных активов. В результате была создана сеть CARIN. Бюро продолжает тесно сотрудничать с иностранными правоохранительными органами, в частности с центральными компетентными органами Великобритании, поскольку Ирландия имеет с ней общую сухопутную границу. Бюро также является членом ФАТФ, принимает участие в Конференции по трансграничной организованной преступности и двух совместных следственных группах (рус. «ССГ», англ. «JITS»), созданных в соответствии со ст. 20 Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г. [7].

В 1996 г. были приняты два нормативно-правовых акта: Закон о Бюро расследований [8] и

Закон о доходах от преступной деятельности [9]. Де-факто законы предусматривают следующее: 1) разработку модельной процедуры конфискации активов вне уголовного судопроизводства; 2) создание многопрофильного агентства (Бюро расследований), в задачи которого входят выявление, розыск, конфискация и возврат преступных активов; 3) использование налогового законодательства для взыскания доходов от преступной деятельности; 4) механизм передачи конфиденциальной информации.

Важно отметить, что Закон о доходах от преступной деятельности 1996 г. распространяет концепцию гражданского судопроизводства, основанную на праве справедливости, на доходы от преступной деятельности. Соответственно, если Бюро расследований доказывает на основе принципа разумности и вероятности, что доходы были получены в результате преступной деятельности, то Высокий суд налагает на все активы (материальные или нематериальные) судебный запрет (англ. «Interlocutory order») на 21 день: никто не может распоряжаться таким имуществом. После указанного срока лицо, которое обладает установленной долей в таких активах, может подать ходатайство о промежуточном производстве по делу (англ. «Interim order»). Однако если суд придет к выводу о том, что имущество действительно в целом является доходом от преступной деятельности, то, несмотря на все собранные аргументы и доказательства, суд выносит промежуточное постановление сроком на семь лет. В течение всего срока любое лицо, которое способно предоставить доказательства в рамках концепции «вне разумного сомнения» о том, что имущество не является доходом от преступной деятельности, может подать ходатайство об отмене постановления. Если за семь лет ни одно лицо не смогло доказать законность существования доходов от имущества, Бюро обращается в Высокий суд, который вынес промежуточное постановление, за постановлением об отчуждении, которое фактически аннулирует все права на доходы от такого имущества и на само имущество и передает их центральному казначейству.

Преимущества конфискации активов (материального или нематериального, осязаемого или неосязаемого) вне уголовного судопроизводства состоят в том, что: 1) в первую очередь, отсутствует избирательность действий; 2) все доходы поступают в централизованный фонд; 3) доступно оказание правовой помощи; 4) суд не выносит постановление, если не удостоверится в наличии серьезной несправедливости; 5) если активы были арестованы неправомерно,

возможна выплата компенсации, 6) отсутствует посягательство на существующее право собственности.

Однако есть и некоторые проблемы. Например, в деле *McK vs. D* [10] Верховный суд Ирландии обратился к законодательной интерпретации вопроса о том, подразумевают ли слова «доходы от преступной деятельности» уголовные правонарушения, совершенные за рубежом, в отсутствие явного и действительного указания на иностранную преступность. Проведя анализ законодательного акта, суд пришел к выводу о том, что Закон о доходах от преступной деятельности 1996 г. не применяется к преступлениям, совершенным за границей. Суд также постановил, что в законодательство страны необходимо включить положения, предусматривающие возвращение активов, полученных вследствие совершения противоправных действий на территории другой страны, если такие действия рассматриваются в качестве противоправных как в Ирландии, так и в государстве, в котором такие деяния были совершены. Так, в 2005 г. [11, с. 282] были внесены поправки в Закон о доходах от преступной деятельности 1996 г. Статья 3 Закона установила новое определение понятия «противоправные деяния», что позволило распространить действие Закона на активы на территории Ирландии, которые были получены в результате преступлений, совершенных за ее пределами.

Важно отметить, что согласно Закону о доходах от преступной деятельности 1996 г. (с поправками от 2016 г.) Бюро расследований может арестовывать (замораживать), удерживать и конфисковывать активы в случае, если доказывание в рамках Высокого суда показывает, что активы были получены от преступной деятельности. Процедура проводится в соответствии с гражданским стандартом доказывания, т. е. процедура конфискации без вынесения обвинительного приговора. Очевидно, что вся процедура, связанная с арестом, удерживанием и конфискацией активов от преступной деятельности, рассматривается в рамках гражданского судопроизводства, т. е. в порядке уголовного судопроизводства возбуждается своего рода гражданский иск, истцом в котором будет выступать Бюро расследований, а ответчиком – лицо, которое пытается доказать, что его доходы были получены в порядке ведения установленной законом деятельности. Стандарт уголовного доказывания содержится в одноименном Законе об уголовных доказательствах 1992 г. [12], однако к данной процедуре и категории дел он не применяется.

Эмпирический анализ

Следует отметить, что в настоящее время сформировалась широкая международно-правовая база по противодействию транснациональной организованной преступности, сопряженной с получением преступных активов. Не последнюю роль играет национальное законодательство: основные законы и статуты определяют порядок и принципы оказания взаимной правовой помощи, в частности, по делам о розыске, аресте и конфискации активов, полученных преступным путем [13]. Так, анализируя процесс трансформации института розыска, ареста и конфискации в Республике Ирландия, стоит отметить, что Закон о доходах от преступной деятельности 1996 г. – далеко не единственный закон, который содержит положения о выявлении, розыске, конфискации или аресте имущества. Информация о подобных процедурах содержится также в ряде общеуголовных законов, законов с конвенционными составами и в статутах. Так, для того чтобы лучше вникнуть в суть перечисленных выше процедур, следует рассмотреть каждую группу законов в отдельности.

Общеуголовные законы, в которых закреплён принцип экстерриториальности

1. Закон о таможене 2015 г. [14] предусматривает ответственность за преступления, связанные с ненадлежащим импортом и экспортом товаров, а также за различные таможенные преступления, например такие, как уничтожение, повреждение груза или судна, подделка или фальсификация документов, печати, инициалов, подписи в таможенных документах и другие виды преступлений. Следовательно, в соответствии со ст. 2 Закона «товары, на которые распространяется любой запрет или ограничение на импорт или экспорт» – товары, экспорт или импорт которых запрещен или ограничен любым действующим национальным законодательством или законодательством Европейского союза. Статья 17 предусматривает, что любой груз, в отношении которого было совершено преступление, или такой груз служит или служил объектом преступления, любые товары или упаковки от товаров, которые используются для сокрытия незаконного груза, подлежат конфискации при любых обстоятельствах и на любой стадии транспортировки. Как правило, сотрудник таможни сообщает о конфискации или наложении ареста на какую-либо группу груза или на груз в целом (ст. 18).

2. Закон о рыболовстве и морской юрисдикции 2006 г. [15] предусматривает ответственность за незаконный вылов, хранение и продажу рыбы, за использование незаконного оборудования или другого устройства, предназначенного для вылова рыбы, за вылов рыбы без наличия надлежащей лицензии, за нарушение природоохранных правил при вылове рыбы, за неподчинение сотрудникам по защите морских рыбных промыслов о немедленном возвращении в порт, незаконный сбыт выловленной без лицензии рыбы (ст. 28). В соответствии со ст. 6, «оборудование» – это любая вещь или инструмент, которые используются для обращения, взвешивания, транспортировки, переработки или хранения рыбы. Статья 31 предусматривает конфискацию в отношении всех доходов, полученных от незаконного вылова рыбы, в отношении самого улова, а также морского рыболовного судна, которое осуществляет вылов рыбы без действительной лицензии. В случае конфискации улова суд может вынести решение о его утилизации, а доход от такой деятельности передается казначейству (ст. 30).

3. Закон о торговле детьми и детской порнографии 1998 г. [16] устанавливает ответственность физических и юридических лиц за торговлю детьми, сексуальную эксплуатацию, распространение детской порнографической продукции. В соответствии со ст. 7 Закона Гарда Шихана (полиция Ирландии) получает от суда ордер на проведение обыска в любых помещениях и на осмотр любых лиц. Сотрудник полиции также в праве наложить арест на отдельный предмет или группу предметов, находящихся на месте совершения предполагаемого преступления. Под «детской порнографией» понимается фото-, аудио- и видеоматериал, который отражает действия сексуального или насильственного характера.

Конвенционные законы

Прежде чем непосредственно обратиться к нормативно-правовым актам, необходимо проанализировать, участницей каких конвенций, направленных на борьбу с коррупцией, с отмыванием доходов от преступной деятельности и финансированием терроризма, является Ирландия. Ниже приведен перечень основных конвенций.

1. Единая конвенция о наркотических веществах от 30.03.1961 г. (подписана 05.01.1981 г.).

2. Конвенция о психотропных веществах от 01.02.1979 г. (подписана 05.11.1992 г.).

3. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20.12.1988 г. (подписана и ратифицирована 02.12.1996 г.).

4. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 09.12.1999 г. (подписана и ратифицирована 30.07.2005 г.).

5. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000 г. (подписана и ратифицирована 17.07.2010 г.).

6. Конвенция ООН против коррупции от 31.10.2003 г. (подписана и ратифицирована 09.12.2011 г.).

7. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию от 27.01.1999 г. (подписана и ратифицирована 03.10.2003 г.).

8. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 08.11.1990 г. (подписана и ратифицирована 01.03.1997 г.).

9. Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21.11.1997 г. (подписана 21.11.2003 г.).

Несмотря на все многообразие нормативной базы, положения о процедуре конфискации содержит лишь небольшая группа законов с конвенционными составами. Стоит отметить, что практически во всех указанных ниже законах есть ссылки на Конвенции ООН, ЕС, а также действующие директивы. Более того, в большинстве случаев текст положений о процедуре конфискации, содержащийся в конвенциях или директивах, идентичен тексту положений законодательных актов.

Закон об уголовной юстиции (террористические преступления) 2005 г. [17] устанавливает ответственность за организацию террористических групп, совершение актов бомбового терроризма, финансирование терроризма, захват заложников и совершение преступных деяний в отношении лиц, пользующихся международной защитой. Статья 21 Закона дает определение понятию «имущество» – денежные средства и другое имущество, движимое и недвижимое, материальное и нематериальное, которое используется для целей финансирования терроризма или осуществления иной преступной деятельности, установленной законом. Также со ссылкой на норму 8А ст. 12 Закон устанавливает понятие «денежные активы» («funds») – активы любого рода, будь то материальные или нематериальные, движимые или недвижимые, а также любой документ в электронной или цифровой форме,

удостоверяющий право собственности в отношении любых активов, включая, помимо прочего, банковский кредит, дорожный чек, банковский чек, денежный перевод, акции и иные ценные бумаги, аккредитив. Таким образом, все вышеперечисленное относится к предметам, в отношении которых может быть применена процедура конфискации или ареста.

Закон об уголовной юстиции (кража и мошенничество) 2001 г. [18] устанавливает ответственность за отмывание денежных средств, кражу, ограбление, злоупотребление доверием. Стоит отметить, что Закон также охватывает составы преступлений в сфере информационных технологий: «получение выгоды или причинение убытков путем обмана» или так называемый вид компьютерного мошенничества «fishing», целью которого является доступ к персональным данным пользователей Сети. В ст. 2 содержится определение понятия «имущество» – денежные средства и любое другое движимое и недвижимое, материальное и нематериальное имущество, соответственно, «прибыль» – это любая выгода, полученная в результате преступной деятельности. Закон предусматривает процедуру конфискации в отношении любого имущества и доходов, полученных в результате преступной деятельности или используемых для совершения преступлений (ст. 21). Закон также содержит Приложение 8, в котором полностью изложен текст Конвенции Совета Европы о защите финансовых интересов 1997 г. Следовательно, в рамках ст. 5 Ирландия берет на себя обязательство устанавливать необходимые меры для наложения ареста, проведения процедуры конфискации и изъятия имущества и доходов от мошенничества, активной и пассивной коррупции, отмывания денег.

Закон об уголовной юстиции (коррупционные преступления) 2018 г. [19] устанавливает ответственность за любые акты пассивной и активной коррупции. Статья 2 Закона дает определение «должностное лицо» как любое должностное лицо Ирландии или иностранное должностное лицо: как правило, такое лицо состоит на государственной службе в Ирландии или в иностранном государстве. Сотрудник Гарды Шиханы в рамках ст. 20 вправе арестовать землю, денежные средства и иное имущество, если есть основания полагать, что данное имущество является объектом коррупции. Как правило, арест на имущество накладывается на 72 часа. По решению суда срок ареста может

быть продлен, если расследование в отношении данного имущества находится в производстве. Судья также может вынести решение о конфискации арестованного имущества, если Директор публичного обвинения предоставил суду достаточные доказательства о том, что такое имущество было получено незаконно или может быть использовано в преступных целях (ст. 21). Для целей Закона используется стандарт гражданского доказывания.

Законы, содержащие положения о международном сотрудничестве и взаимной правовой помощи по уголовным делам

1. Основным законом об оказании правовой помощи является одноименный Закон об уголовной юстиции (взаимная правовая помощь) 2008 г. [20]. Основа Закона закреплена в ст. 2, которая включает в себя следующие региональные и международные договоры:

1) Европейская Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20.04.1959 г. и Дополнительный протокол от 17.03.1978 г.;

2) Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам между членами ЕС от 29.05.2000 г.;

3) Конвенция СЕ об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма от 16.05.2005 г.;

4) Решение СЕ 2005/671/ЖНА от 20.09.2005 г. об обмене информацией и сотрудничестве в борьбе с террористическими преступлениями;

5) Европейская Конвенция о пресечении терроризма от 27.01.1977 г.;

6) Рамочное решение СЕ 2003/577/ЖНА от 22.07.2003 г. об исполнении ордеров ЕС о замораживании имущества и доказательствах;

7) ст. 13, 14, 18, 19 и 20 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000 г.;

8) ст. 46, 49, 50 и 57 Конвенции ООН против коррупции от 31.10.2003 г.

Процедуры ареста, конфискации и изъятия закреплены в гл. 2–4 ч. 4 Закона.

Арест имущества и активов возможен только в случае возбуждения уголовного дела. Сотрудник Гарды Шиханы может обратиться в Высокий суд с ходатайством, запрещающим уничтожение, преобразование, перемещение, передачу и распоряжение имуществом, находящимся в пределах или за пределами государственной территории, а также если такое имущество является доказательством по уголовному делу (ст. 32). Передача

постановления об аресте имущества или активов для принудительного исполнения за пределами территории государства осуществляется с помощью свидетельства, которое заполняется судьей Высокого суда, заверяется электронной подписью и отправляется на территорию государства-участника (заявителя) (ст. 33). Свидетельство может сопровождать пояснительная записка о любых формальностях и процедурах для обеспечения соблюдения постановления, если арестованное имущество является доказательством по уголовному делу. Как правило, свидетельство передается от Высокого суда Министру юстиции и равенства, который в свою очередь направляет свидетельство государству-заявителю (ст. 34). Та же процедура предусмотрена в отношении запросов об аресте имущества или активов от государств-участников: заверенное печатью постановление суда, пояснительная записка, в которой должны быть перечислены основания для ареста, нормативные положения, в случае если имущество является доказательством по уголовному делу, – необходимо предоставить краткую информацию по делу и доказательства, обосновывающие необходимость ареста имущества и активов. Весь пакет документов направляется Министру юстиции и равенства, который в свою очередь передает их Высокому суду. Высокий суд согласно концепции «разумного срока» обязан рассмотреть пакет документов в течение 24 часов. Суд может отказаться выносить постановление об аресте или отложить принятие решения. Суд не может отказать в вынесении постановления об аресте имущества, в случае если срок наказания по уголовному делу не достигает 3 лет лишения свободы, даже если на территории Ирландии такое противоправное деяние не будет признаваться преступлением (ст. 35). Постановление об аресте может выноситься в отношении любого движимого и недвижимого, материального и нематериального имущества. Стоит отметить, что ответчик должен выплатить фиксированную денежную сумму в соответствии с орденом о сотрудничестве в конфискации, причем сумма должна быть не меньше той, что представляет собой совокупно оцененное имущество, в отношении которого вынесено постановление о конфискации. Невыплата такой суммы ведет к тюремному заключению. В ст. 52 содержится таблица: в одной колонке указана сумма, а во второй – тюремный срок за невыплату такой суммы. В итоге, в случае если ордер о сотрудничестве в конфискации был удовлетворен, обвиняемый лишается права собственности

на такое имущество. Следовательно, имущество переходит в распоряжение запрашивающего или запрашиваемого государства. В соответствии со ст. 60 конфискованное имущество или доходы от такого имущества в Ирландии переходят в распоряжение Казначейства согласно указаниям Министра финансов.

2. Закон о Европейском ордере на арест 2003 г. [21] также предусматривает процедуру наложения ареста на имущество. Если у сотрудника Гарды Шиханы есть все основания полагать, что в том или ином жилом или нежилом помещении находится имущество, которое является объектом преступления или доказательством по уголовному делу, в отношении которого ведется следствие, то сотрудник вправе обратиться с ходатайством в суд. Суд в свою очередь выдает ордер на обыск, который действителен в течение месяца. Сотрудник может наложить арест на все имущество, или на определенную часть, или на некоторые объекты. В рамках данного закона под «имуществом» понимается движимость.

3. Следует также выделить Закон об уголовной юстиции (совместные следственные группы) 2004 г. [22]. Статьи 3 и 4 Закона посвящены запросам от государств-членов СЕ и, наоборот, в такие государства-члены СЕ о создании следственных групп. Пункт 9 ст. 7 гласит, что Министр юстиции и равенства может получать запрос на выдачу ордера на обыск, дающий право прохода, обыска и выемки (конфискации) в любом помещении и в отношении любого имущества, находящегося там. Статья 9 Закона содержит положения о том, кто может являться членом следственной группы и какие требования необходимо для этого соблюсти.

Результаты

Действующий в Республике Ирландия институт розыска, ареста, конфискации и возврата активов, полученных преступным путем, имеет уникальную и комплексную структуру. Процедура, установленная рядом общеуголовных и конвенционных законов, обладающих признаком экстерриториальности, в отличие от большинства действующих в мире механизмов, осуществляется вне рамок уголовного судопроизводства (гражданская процедура), что позволяет избежать, с одной стороны, излишней бюрократизации процесса, с другой – ускорить его проведение благодаря принятию – в зависимости от ситуации – либо временного решения, либо промежуточного постановления.

Оперативность выполнения процедуры, как и взаимодействие с центральными правоохранительными органами и должностными лицами иностранных государств, обеспечиваются силами аппарата Бюро расследований, деятельность которого регламентирована положениями законов о международном сотрудничестве и оказании взаимной правовой помощи. Представленные в исследовании выводы могут быть использованы для взаимодействия с центральными компетентными органами и должностными лицами Республики Ирландия, что повысит эффективность совместной деятельности по возврату преступных активов.

Список литературы

1. Кунев Д. А. Возврат из-за рубежа преступных активов: теория и практика : учеб. пособие. М. : Прометей, 2021. 542 с.
2. Manual on International Cooperation for the Purposes of Confiscation of Proceeds of Crime (2012). URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/Publications/Confiscation_Manual_Ebook_E.pdf (дата обращения: 29.01.2023).
3. Constitution of Ireland Act (1st July 1937) // Электронный свод законов Ирландии : [сайт]. URL: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/cons/en/html#part4> (дата обращения: 17.01.2023).
4. Working Group to Consider Alternative Approaches to the Possession of Drugs for Personal Use (2019) // Правительство Республики Ирландия [сайт]. URL: <https://www.gov.ie/pdf/?file=https://assets.gov.ie/47477/3bec515ac7a44badb43a21b6e16f562c.pdf#page=null> (дата обращения: 17.01.2023).
5. Criminal Justice Act (Number 15 of 1994) // Электронный свод законов Ирландии : [сайт]. URL: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/1994/act/15/enacted/en/html> (дата обращения: 29.01.2023).
6. Criminal Assets Bureau Annual Report 2021 // Бюро расследований Республики Ирландия : [сайт]. URL: <https://www.cab.ie/wp-content/uploads/2022/07/CAB-Annual-Report-2021.pdf> (дата обращения: 17.01.2023).
7. Criminal Assets Bureau. URL: <https://www.cab.ie/annual-reports/> (дата обращения: 30.01.2023).
8. Criminal Assets Bureau Act (Number 31 of 1996) // Электронный свод законов Ирландии : [сайт]. URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/1996/act/31/enacted/en/html> (дата обращения: 29.01.2023).
9. Proceeds of Crime Act (Number 30 of 1996) // Электронный свод законов Ирландии : [сайт]. URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/1996/act/30/enacted/en/html> (дата обращения: 29.01.2023).
10. The case of the McK vs. D IESC 31 (2004). URL: https://sherloc.unodc.org/cld/case-law-doc/irl/2004/mck_-v-_d_2004_iesc_31.html (дата обращения: 29.01.2023).

11. Докучаев А. И., Волеводз А. Г. Регулирование возврата преступных активов по праву Англии // Библиотека криминалиста. 2017. № 4 (33). С. 282–297.
12. Proceeds of Crime (amendment) Act (Number 1 of 2005) // Электронный свод законов Ирландии : [сайт]. URL: http://www.irishstatutebook.ie/eli/2005/act/1/enacted/en/html?q=Criminal+proceeds+Act+2005&search_type=all (дата обращения: 29.01.2023).
13. Criminal Evidence Act (Number 12 of 1992) // Электронный свод законов Ирландии : [сайт]. URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/1992/act/12/enacted/en/html> (дата обращения: 30.01.2023).
14. Customs Act (Number 18 of 2015) // Электронный свод законов Ирландии : [сайт]. URL: http://www.irishstatutebook.ie/eli/2015/act/18/enacted/en/html?q=forfeiture+&search_type=al (дата обращения: 30.01.2023).
15. Sea-Fisheries and Maritime Jurisdiction Act (Number 8 of 2006) // Электронный свод законов Ирландии : [сайт]. URL: http://www.irishstatutebook.ie/eli/2006/act/8/enacted/en/html?q=forfeiture+&search_type=all (дата обращения: 30.01.2023).
16. Child Trafficking and Pornography Act (Number 22 of 1998) // Электронный свод законов Ирландии : [сайт]. URL: http://www.irishstatutebook.ie/eli/1998/act/22/enacted/en/html?q=forfeiture+&search_type=all (дата обращения: 30.01.2023).
17. Criminal Justice (Terroristic Offences) Act (Number 2 of 2005) // Электронный свод законов Ирландии : [сайт]. URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2005/act/2/enacted/en/print> (дата обращения: 30.01.2023).
18. Criminal Justice (Theft and Fraud Offences) Act (Number 50 of 2001) // Электронный свод законов Ирландии : [сайт]. URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2001/act/50/enacted/en/index.html> (дата обращения: 31.01.2023).
19. Criminal Justice (Corruption Offences) Act (Number 9 of 2018) // Электронный свод законов Ирландии : [сайт]. URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2018/act/9/enacted/en/print> (дата обращения: 31.01.2023).
20. Criminal Justice (Mutual Assistance) Act (Number 7 of 2008) // Электронный свод законов Ирландии : [сайт]. URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2008/act/7/enacted/en/html?q=mutual+assistance> (дата обращения: 31.01.2023).
21. European Arrest Warrant Act (Number 45 of 2003) // Электронный свод законов Ирландии : [сайт]. URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2003/act/45/enacted/en/print> (дата обращения: 31.01.2023).
22. Criminal Justice (Joint Investigation Teams) Act (Number 20 of 2004) // Электронный свод законов Ирландии : [сайт]. URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2004/act/20/enacted/en/html> (дата обращения: 31.01.2023).

References

1. Kunev D. A. *Vozvrat iz-za rubezha prestupnykh aktivov: teoriya i praktika* [Criminal Assets Recovery: Theory and practice]. Moscow, Prometey, 2021. 542 p. (in Russian).
2. *Manual on International Cooperation for the Purposes of Confiscation of Proceeds of Crime* (2012). Available at: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/Publications/Confiscation_Manual_Ebook_E.pdf (accessed January 29, 2023).
3. Constitution of Ireland Act (July 1, 1937). *Electronic Irish Statute Book (eISB)*. Available at: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/cons/en/html#part4> (accessed January 17, 2023).
4. *Working Group to Consider Alternative Approaches to the Possession of Drugs For Personal Use (2019)*. Available at: <https://www.gov.ie/pdf/?file=https://assets.gov.ie/47477/3bec515ac7a44badb43a21b6e16f562c.pdf#page=null> (accessed January 17, 2023).
5. Criminal Justice Act (Number 15 of 1994). *Electronic Irish Statute Book (eISB)*. Available at: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/1994/act/15/enacted/en/html> (accessed January 29, 2023).
6. *Criminal Assets Bureau Annual Report 2021*. Available at: URL: <https://www.cab.ie/wp-content/uploads/2022/07/CAB-Annual-Report-2021.pdf> (accessed January 17, 2023).
7. *Criminal Assets Bureau*. Available at: <https://www.cab.ie/annual-reports/> (accessed January 30, 2023).
8. Criminal Assets Bureau Act (Number 31 of 1996). *Electronic Irish Statute Book (eISB)*. Available at: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/1996/act/31/enacted/en/html> (accessed January 29, 2023).
9. Proceeds of crime Act (Number 30 of 1996). *Electronic Irish Statute Book (eISB)*. Available at: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/1996/act/30/enacted/en/html> (accessed January 29, 2023).
10. *The case of the McK vs. D IESC 31 (2004)*. Available at: https://sherloc.unodc.org/cld/case-law-doc/irl/2004/mck_-_d_2004_iesc_31.html (accessed January 29, 2023).
11. Dokuchaev D. A., Volevodz A. G. Criminal Assets Recovery subject to England Legislature. *Forensic Library Journal*, 2017, no. 4, pp. 282–297 (in Russian).
12. Proceeds of Crime (amendment) Act (Number 1 of 2005). *Electronic Irish Statute Book (eISB)*. Available at: http://www.irishstatutebook.ie/eli/2005/act/1/enacted/en/html?q=Criminal+proceeds+Act+2005&search_type=all (accessed January 29, 2023).
13. Criminal Evidence Act (Number 12 of 1992). *Electronic Irish Statute Book (eISB)*. Available at: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/1992/act/12/enacted/en/html> (accessed January 30, 2023).
14. Customs Act (Number 18 of 2015). *Electronic Irish Statute Book (eISB)*. Available at: http://www.irishstatutebook.ie/eli/2015/act/18/enacted/en/html?q=forfeiture+&search_type=al (accessed January 30, 2023).

15. Sea-Fisheries and Maritime Jurisdiction (Number 8 of 2006). *Electronic Irish Statute Book (eISB)*. Available at: http://www.irishstatutebook.ie/eli/2006/act/8/enacted/en/html?q=forfeiture+&search_type=all (accessed January 30, 2023).
16. Child Trafficking and Pornography Act (Number 22 of 1998). *Electronic Irish Statute Book (eISB)*. Available at: http://www.irishstatutebook.ie/eli/1998/act/22/enacted/en/html?q=forfeiture+&search_type=all (accessed January 30, 2023).
17. Criminal Justice (Terroristic Offences) Act (Number 2 of 2005). *Electronic Irish Statute Book (eISB)*. Available at: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2005/act/2/enacted/en/print> (accessed January 30, 2023).
18. Criminal Justice (Theft and Fraud Offences) Act (Number 50 of 2001). *Electronic Irish Statute Book (eISB)*. Available at: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2001/act/50/enacted/en/index.html> (accessed January 31, 2023).
19. Criminal Justice (Corruption Offences) Act (Number 9 of 2018). *Electronic Irish Statute Book (eISB)*. Available at: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2018/act/9/enacted/en/print> (accessed January 31, 2023).
20. Criminal Justice (Mutual Assistance) Act (Number 7 of 2008). *Electronic Irish Statute Book (eISB)*. Available at: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2008/act/7/enacted/en/html?q=mutual+assistance> (accessed January 31, 2023).
21. European Arrest Warrant Act (Number 45 of 2003). *Electronic Irish Statute Book (eISB)*. Available at: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2003/act/45/enacted/en/print> (accessed January 31, 2023).
22. Criminal Justice (Joint Investigation Teams) Act (Number 20 of 2004). *Electronic Irish Statute Book (eISB)*. Available at: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2004/act/20/enacted/en/html> (accessed January 31, 2023).

Поступила в редакцию 03.02.2023; одобрена после рецензирования 19.09.2023; принята к публикации 29.09.2023
The article was submitted 03.02.2023; approved after reviewing 19.09.2023; accepted for publication 29.09.2023

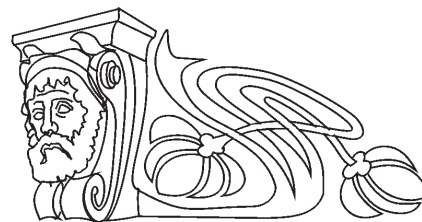

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 99–106
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 99–106
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-99-106>, EDN: SPHNWL

Научная статья
УДК 342.413

Историческая память как категория конституционного права

И. Д. Кирносов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кирносов Иван Денисович, аспирант кафедры конституционного и муниципального права, kir-iv.2215@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1655-8928>

Аннотация. Введение. Историческая память является неотъемлемой частью национального самосознания и определяет основные ценности и принципы жизни общества. Появление в тексте Конституции России правовых норм, закрепляющих концепцию исторического развития Российского государства, устанавливающих новые обязанности государства чтить память защитников Отечества, обеспечивать защиту исторической правды и не допускать умаления значения подвига народа при защите Отечества, позволяет говорить о формировании новой категории конституционного права – категории исторической памяти. **Теоретический анализ.** Общетеоретическое осмысление правовых категорий позволяет выделить такие их черты, как абстрагированность, универсальность, обобщенность, объективность, содержательность, системность. Всеми этими качествами обладают и конституционно-правовые категории, их особенностями являются также высокая степень аксиологичности и основополагающий характер, что обусловлено свойствами Конституции как базового политико-правового акта, определяющего отношения между государством, человеком и обществом. **Эмпирический анализ.** Анализ формирования национальной памяти в дореволюционный и советский периоды показывает, что концепция исторической памяти, как правило, носила идеологический характер. В Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 г., концепция национальной истории отсутствовала. Поправки в Конституцию 2020 г. в том числе были призваны исправить указанный пробел и включали в себя положения, направленные на создание концепции исторической памяти. **Результаты.** Концепция исторической памяти, как она представлена в действующей редакции Конституции, направлена: на установление идеи преемственности в развитии Российского государства; обоснование единства государства, сложившегося в результате тысячелетней истории; на обусловленность духовно-нравственных ценностей традицией; указание на особую роль государства в защите исторической памяти.

Ключевые слова: конституционно-правовая категория, историческая память, национальная концепция истории, историческое наследие

Для цитирования: Кирносов И. Д. Историческая память как категория конституционного права // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 99–106. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-99-106>, EDN: SPHNWL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Historical memory as a category of constitutional law

I. D. Kirnosov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ivan D. Kirnosov, kir-iv.2215@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1655-8928>

Abstract. Introduction. Historical memory is an integral part of national identity and defines the core values and principles of life in society. Legal norms in the text of the Constitution of Russia that consolidate the concept of historical development of the Russian state and establish new obligations of the state to honor the memory of defenders of the Fatherland, to ensure the protection of historical truth and to prevent belittling the significance of the people's feat in defense of the Fatherland allow us to talk about the formation of a new category in the constitutional law – the category of historical memory. **Theoretical analysis.** General theoretical understanding of legal categories allows us to highlight such features as abstraction, universality, generality, objectivity, content, consistency. All these qualities are inherent in constitutional categories; their features also include a high degree of axiology and fundamental character, which, due to the properties of the Constitution as a basic political and legal act, define the relationship between the state, an individual and society as a whole. **Empirical analysis.** The analysis of the formation of national memory in pre-revolutionary and Soviet periods shows that the concept of historical memory was commonly ideological in nature. The concept of national history was absent in Constitution of the Russian Federation, adopted on December 12, 1993. The 2020 Amendments to the Constitution were also intended to correct this gap and include provisions aimed at creating the concept of historical memory.

Results. The concept of historical memory, as it is presented in the current version of the Constitution, is aimed at: establishing the idea of continuity in the development of the Russian state; justification for unity of the state, formed as a result of a thousand-year history; conditionality of spiritual and moral values by tradition; indication of the special role of the state in protecting historical memory.

Keywords: constitutional and legal category, historical memory, national concept of history, historical heritage

For citation: Kirnosov I. D. Historical memory as a category of constitutional law. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 99–106 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-99-106>, EDN: SPHNWL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Внимание к феномену исторической памяти – характерная черта современных социальных наук. Как афористически отмечает в своей монографии С. А. Еремеева, «историки утратили монополию на знание прошлого. Однако авторитет прошлого как места смыслов сохраняется и, возможно, даже укрепляется» [1, с. 12]. Похожей позиции придерживается и О. Ю. Малинова, разделяющая «формальную или профессиональную историю» и «публичную историю»; «публичная история» представляет собой «репрезентации и интерпретации прошлого, адресованные широкой аудитории неспециалистов», «оказывает существенное влияние на формирование представлений о “нас” и мобилизацию групповой солидарности» [2, с. 6]. Восприятие социумом своего прошлого, «общей версии истории» получило обозначение коллективной или исторической памяти.

Современными исследователями историческая память рассматривается как «важнейший компонент общественного сознания» [3, с. 61], «особый механизм, обеспечивающий непрерывность развития социума, передачу культурных достижений от поколения к поколению» [4, с. 181]. К. С. Романова называет историческую память «мощным регулятором общественного сознания» и отмечает, что «многие науки, объединяющиеся вокруг проблемы исторической памяти, едины во мнении о прямой зависимости восприятия событий настоящего времени от знаний и оценки событий прошлого» [5, с. 31].

По мнению А. А. и А. Ю. Дорских, «переживание истории» является одним из способов самоидентификации российской нации [6, с. 124].

Понятие исторической памяти многогранно само по себе. Е. А. Мокроусова обозначает его как «символическую репрезентацию исторического прошлого» [7, с. 14], используя формулировку М. Хальбвакс – «коллективное культурное произведение» [8], и обращается к традиционному пониманию исторической памяти как совокупности передаваемых из поколения в поколение исторических сюжетов, мифов и рефлексий.

Наиболее емкое понятие исторической памяти дано в исследовании Ж. Т. Тощенко,

который считает, что историческая память «представляет собой совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущем и характерном как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей» [9, с. 4].

С точки зрения И. Е. Козновой, коллективная историческая память является результатом компромиссного взаимодействия между государством и обществом, она формируется в процессе реализации общественного стремления к построению консенсусного представления о своем прошлом [10, с. 23]. В связи с этим говорится о государственной «политике памяти» как отдельном виде политических отношений в современном мире [11, с. 122].

Появление в тексте Конституции России правовых норм, закрепляющих концепцию исторического развития Российского государства, устанавливающих новые обязанности государства чтить память защитников Отечества, обеспечивать защиту исторической правды и не допускать умаления значения подвига народа при защите Отечества, позволяет говорить о формировании новой категории конституционного права – категории исторической памяти.

Теоретический анализ

Правовые категории рассматриваются в юридической науке как легалистические абстракции, охватывающие множество правовых явлений и процессов, обобщающие и отражающие их суть.

Образное определение правовой категории было дано советским правоведом А. М. Васильевым, который считал, что «уплотняя юридические знания, правовые категории воспроизводят стороны и моменты правовой действительности в “чистом” от случайных проявлений виде. Благодаря этому они выражают объективно необходимое и существенное в праве» [12, с. 66].

Сравнивая термины «понятие» и «категория», А. С. Автономов отмечал, что «понятие раскрывает изолированное явление», а «в каждой

категории запечатлены закономерности существования и эволюции целого класса явлений, находящихся в тесном и постоянном взаимодействии, в результате чего они образуют систему» [13, с. 5].

По мнению А. А. Рудакова, «научная категория – это развитая форма абстрактного мышления человека, предельно отражающая и обобщающая существенные свойства и связи предметов, явлений и процессов объективного мира в виде содержательных образов, выполняющая логико-гносеологическую и методологическую функцию в познании окружающей действительности» [14, с. 42–43]. Подобной точки зрения придерживается и А. Ю. Акашкин, считающий емкостью, универсальностью и глубокое обобщение необходимыми условиями для обозначения какого-либо явления в качестве категории [15, с. 4].

На примере исследования различных правовых явлений можно сделать выводы об особенностях понимания правовой категории в конституционном праве. Н. С. Бондарь, рассматривая достоинство личности в качестве конституционно-правовой категории, говорит о нем как о неотъемлемом свойстве биосоциального человеческого существа, указывая на широкий междисциплинарный универсально-ценностный характер изучаемого понятия [16, с. 22]. Подобная позиция представлена и в работе Н. Н. Аверьяновой, рассматривающей категории «общего» и «личного» в конституционном праве. Исследовательница привлекает внимание к понятию общего блага, отождествляемого российским народом с духовными ценностями, т. е. нравственными предписаниями, которые воспринимаются большинством в качестве незыблемых устоев общественного бытия. Автор подчеркивает, что «в условиях глобализации встает вопрос о сохранении ... национальной идентичности российского народа. Эти ценности ... необходимо отстаивать и охранять как важнейшее из условий сохранения российской государственности» [17, с. 48].

К. Агафонова, исследуя в качестве конституционно-правовой категории свободу личности, подчеркивает ее обобщенно-комплексный характер, что позволяет субъектам реализовывать всю совокупность конституционных прав [18, с. 42]. Обозначая в качестве конституционно-правовой категории взаимодействие политических партий и государства, Я. А. Коновальчиков полагает, что такой подход позволит «сформулировать теоретическую модель идеальных отношений политических партий и государства», что, в свою очередь, окажет положительное влияние на укрепление конституционных основ плюрализма и многопартийности [19, с. 74].

На инструментально-прогностическую роль конституционно-правовых категорий указывает М. А. Липчанская, подчеркивая, что их конституционное содержание является определяющим «вектором развития отечественного законодательства» [20, с. 66].

Общетеоретическое осмысление правовых категорий позволяет выделить такие их черты, как абстрагированность, универсальность, обобщенность, объективность, содержательность, системность. Всеми этими качествами обладают и конституционно-правовые категории, их особенностью являются также высокая степень аксиологичности и основополагающий характер, что обусловлено свойствами Конституции как базового политико-правового акта, определяющего отношения между государством, человеком и обществом.

Эмпирический анализ

Формирование исторической памяти уходит своими корнями в эпоху дореволюционного периода истории Российского государства, проявляясь как в форме академических научных исследований, так и в виде официальных государственных доктрин, в развитии которых сыграли ключевую роль такие видные деятели, как историк, поэт и литератор Н. М. Карамзин, считавший роль личности ключевым двигателем исторического процесса, и граф С. С. Уваров, предложивший теорию официальной народности в качестве государственной доктрины.

Отечественная концепция истории бдительно охранялась цензурой. Например, Цензурный устав от 10 июня 1826 г. предписывал, что цензорам при рассмотрении исторических произведений следует обращать преимущественное внимание на «нравственную и политическую цель оных и на дух, в котором целое сочинение сего рода написано» (п. 177) [21, с. 172–173]. Исследовательница российской цензуры С. А. Куликова отмечает, что цензурированию подлежали исторические сочинения, «если в них отсутствовали поучительные наставления современников или сочувственно описывались лица, выступавшие против монархического правления» [22, с. 41]. Таким образом, деятельность цензоров была направлена на формирование концепции исторического развития, не противоречащей общему запрету критики монархической власти.

Конституционно-правовое решение проблемы отношения к истории получило свое отражение в советских конституциях.

Конституция РСФСР 1918 г. обозначала в качестве основной задачи построение государства, свободного от эксплуатации, установление социалистической организации общества и декларировала критическое отношение к буржуазной цивилизации прошлого, поэтому она содержала лишь лаконичную оценку исторического процесса как непрерывной борьбы эксплуатируемых и эксплуататорских классов.

Основной закон СССР от 1924 г. уже отмечал в преамбуле несколько исторических событий: октябрь 1917 г., годы Гражданской войны и образование советских республик. Таким образом, Конституция декларировала начало нового исторического периода и не содержала отсылок к прошлой (досоветской) истории.

После принятия Конституции СССР 1936 г. намечился отход от революционных и интернациональных идеалов и сосредоточение на государственных и патриотических ценностях. В тексте Конституции полностью игнорировалась историческая проблематика: преамбула, где могла бы даваться оценка предыдущим периодам отечественной истории, отсутствовала, среди полномочий органов государственной власти СССР и союзных республик указаний на сохранение исторического наследия не содержалось.

Брежневская Конституция «развитого социализма» 1977 г. в тексте преамбулы подробно излагает обобщенный идеологически мотивированный вариант прочтения истории, называя советское государство «государством нового типа, основным орудием защиты революционных завоеваний, строительства социализма и коммунизма», а события 1917 г. – «всемирно-исторический поворот человечества от капитализма к социализму». Трактовка конкретных исторических событий имеет идеологический окрас: к примеру, победа в Великой Отечественной войне представляется не иначе как «яркое проявление силы социализма». «Развитое социалистическое общество», построенное в СССР, согласно тексту Конституции 1977 г., является «закономерным этапом на пути к коммунизму».

Конституция 1993 г. создавалась и принималась в исторических обстоятельствах, когда вопросы, связанные с исторической памятью, не являлись частью актуальной повестки. Перед законодателями стоял ряд задач, направленных на создание и закрепление конституционных основ существования молодого демократического государства, противопоставляющего себя на политическом, экономическом и мировоззренческом уровнях советской модели управления. Поэтому

конституционные проекты если и содержали нормы, напрямую или косвенно связанные с исторической памятью, то лишь в виде лаконичных и единичных положений.

К примеру, в преамбуле Саратовского проекта Конституции РФ говорилось, что Конституция принимается гражданами, «сознавая историческую ответственность за судьбу России» [23, с. 9].

В проекте Конституции РФ, подготовленном Конституционной комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации ст. 52 говорила об обязанности граждан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории, культуры и природы, а ст. 70 декларировала взаимодействие общества и государства в деле «сохранения, развития и защиты национальных культур, памятников истории, интеллектуального и художественного наследия...» [24, с. 49, 70].

В Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 г., концепция национальной истории отсутствовала. В Преамбуле Конституции содержатся краткие положения, имеющие отношение к отечественной истории и памяти, такие как «исторически сложившееся государственное единство», «память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость», а также «возрождение суверенитета России». Кроме того, в Конституции РФ установлена обязанность каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (ч. 3 ст. 44), охрана памятников истории и культуры отнесена к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (п. «д» ч. 1 ст. 72) [25].

Такое лаконичное отражение исторической проблематики в тексте Конституции критиковалось в науке конституционного права. Например, Б. О. Ширей обращал внимание на то, что «Преамбула Конституции РФ незаслуженно умалчивает о событии, ставшем эпохальным в истории всего человечества – победе во Второй мировой войне. Данью памяти жертвам диктатуры политического режима XX в. могло бы стать публичное осуждение в Преамбуле Конституции РФ репрессий XX в. и провозглашение решимости народа не допустить повторения подобного в будущем» [26, с. 14].

Конституционалисты отмечают, что отсутствие консенсуса в понимании исторического прошлого страны, характерное для периода перестройки, когда принималась Конституция, не могло не отразиться на ее содержании,

«в итоге тема советской истории и ее связи с “новой” Россией была попросту проигнорирована авторами документа» [27, с. 48].

Поправки в Конституцию в 2020 г. в том числе были призваны исправить указанные пробелы и включали в себя положения, направленные на создание концепции национальной памяти.

Этому служат, во-первых, положения ч. 1 ст. 67.1, провозглашающие Российскую Федерацию правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, участия в международных договорах за пределами территории РФ; во-вторых, нормы ч. 2 этой же статьи, где содержится указание на «преемственность в развитии Российского государства», «исторически сложившееся государственное единство» и опять «память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога». В ч. 3 ст. 67.1 получили закрепление нормы, направленные на защиту государственной мемориальной концепции: в частности, устанавливаются обязанности Российской Федерации чтить память защитников Отечества, обеспечивать защиту исторической правды и не допускать умаления значения подвига народа при защите Отечества. Таким образом, представленная в ст. 67.1 конституционно-правовая концепция национального образа истории России основывается на принципах единства и преемственности и не содержит негативных оценок каких-либо отдельных периодов нашей истории. Она способствует формированию новых обязанностей государства по защите исторической памяти и закрепляет основные механизмы такой защиты.

Именно норма о государственной защите исторической правды, сформулированная в ч. 3 ст. 67.1, вызвала больше всего дискуссий в научной литературе. Авторы обращают внимание на соотношение норм ст. 67.1 с другими принципами и институтами конституционного права. В. Д. Мазаев указывает, что в «понятиях “правопреемство в историческом развитии”, “защита исторической правды”, “патриотизм”, “гражданственность”, “общероссийская культурная идентичность” дается представление о важнейших идеологических ориентирах для общества, государства, личности» [28, с. 22].

П. А. Астафичев, рассматривая понятие «историческая правда» в качестве категории современного конституционного права, говорит о потенциальных противоречиях в новых нормах Конституции, критикуя закрепляемый ими идеологизированный взгляд на отечественную

историю, по мнению автора, ограниченный рамками Второй мировой войны, и указывает на широкий нормативный смысл вновь принятых конституционных положений. Автор задается вопросом о возможности иного прочтения исследуемых норм, вне контекста идеологически сформированных нормативных установок императивного ограничивающего характера [29, с. 120].

Результаты

Можно сделать вывод, что историческая память – многогранная конституционно-правовая категория, охватывающая широкий круг общественных отношений. В тексте Конституции Российской Федерации она концептуализируется в понятиях «исторически сложившееся государственное единство», «тысячелетняя история», «преемственность в развитии Российского государства», «память предков», которая постулирована как основа патриотизма («любовь и уважение к Отечеству») и духовно-нравственных ценностей («вера в добро и справедливость», «идеалы», «вера в Бога»), «защита исторической правды», сохранение памяти о «подвиге народа при защите Отечества», «охрана памятников истории и культуры».

Таким образом, концепция исторической памяти, как она представлена в действующей редакции Конституции, направлена: 1) на установление идеи преемственности в развитии Российского государства; 2) на обоснования единства государства, сложившегося в результате тысячелетней истории; 3) на обусловленность духовно-нравственных ценностей традицией (они переданы нам от предков); 4) на указание на особую роль государства в защите исторической памяти.

Закрепление правового определения термина «историческая память» – важнейший шаг в процессе конституционализации исследуемого понятия, конкретизации его в правовом поле.

Список литературы

1. Еремеева С. А. Память: поле битвы или поле жатвы? М. : Дело, 2021. 360 с.
2. Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз: Журнал политической философии и социологии политики. 2017. № 4 (87). С. 6–22. EDN: ХТХФРР
3. Кохан Ж. С., Рыболова Е. А., Толстиков В. А. Историческая память как важнейший компонент общественного сознания // Гуманитарные, социально-

- экономические и общественные науки. 2021. № 3. С. 61–64. <https://doi.org/10.23672/0108-5857-3421-v>, EDN: RTRQCM
4. Тюкина Л. А. Память и историческая память: соотношение понятий // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 181–187. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-1-20-181-187>
 5. Романова К. С. Дискурсы исторической памяти // Дискурс-Пи. 2016. № 3–4 (24–25). С. 31–36. EDN: ZCPUBL
 6. Дорская А. А., Дорский А. Ю. Официальная политика памяти в современной России: юридическое измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9, вып. 2. С. 124–138. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.201>
 7. Мокроусова Е. А. Исторический подход к проблеме памяти: понятие исторической памяти // Всероссийский журнал научных публикаций. Август 2011. С. 14–15.
 8. Хальбвак М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2> (дата обращения: 06.05.2023).
 9. Тоценко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.
 10. Кознова И. Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. 2003. № 2. С. 23–24. EDN: HUAOGH
 11. Аникин Д. А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 5 (18). С. 121–126.
 12. Васильев А. М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М. : Юридическая литература, 1976. 264 с.
 13. Автономов А. С. Системность категорий конституционного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 40 с.
 14. Рудаков А. А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей. М. : Проспект, 2016. 232 с.
 15. Акашкин А. Ю. Правовая категория: содержание и значение // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2008. Т. 4, вып. 1. С. 3–7.
 16. Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31. EDN: YMXSHZ
 17. Аверьянова Н. Н. Категории «общее» и «личное» в конституционном праве России // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 7. С. 44–51. <https://doi.org/10.17803/19941471.2021.128.7.044-051>
 18. Агафонова К. Категория свободы в конституционном праве России // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 1. С. 34–44.
 19. Коновальчиков Я. А. Взаимодействие политических партий и государства как конституционно-правовая категория // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 74–81. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.94.9.074-081>
 20. Липчанская М. А. Конституционная категория «управление делами государства»: проблема определения и содержания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 66–70.
 21. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862. М. : Nobel Press, 2012. 484 с.
 22. Куликова С. А. Конституционный запрет цензуры в России / под ред. Г. Н. Комковой. М. : Проспект, 2017. 256 с.
 23. Саратовский проект Конституции России / предисл. В. Т. Кабышева. М. : Формула права, 2006. 64 с.
 24. Проект Конституции РФ, подготовленный Конституционной комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации: Документы и материалы. М. : Республика, 1993. 95 с.
 25. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
 26. Ширей Б. О. Конституционные основы сохранения исторического и культурного наследия Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 28 с.
 27. Куликова С. А., Митрохин В. А. Преемственность как политико-правовая категория развития государства // Политический образ будущего России: Стратегические приоритеты и перспективы в условиях идейно-ценностного плюрализма : сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Вилков. Саратов : Саратовский источник, 2020. С. 47–52. EDN: WBRRIG
 28. Мазаев В. Д. Поиск новых смыслов продолжается (по внесенным поправкам к Конституции РФ) // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 7. С. 15–31. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.176.7.015-031>
 29. Астафичев П. А. Историческая правда как категория современного конституционного права: опыт конституционных поправок 2020 г. // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 116–121. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.81.5.116-121>, EDN: DXXGVB

References

1. Ereemeeva S. A. *Pamyat` : pole bitvy ili pole zhatvy?* [Memory: Battlefield or harvestfield?]. Moscow, Delo, 2021. 360 p. (in Russian).

- 4, 2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).
26. Shirey B. O. *Constitutional foundations for the preservation of the historical and cultural heritage of the Russian Federation*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Saratov, 2013. 28 p. (in Russian).
27. Kulikova S. A., Mitrokhin V. A. Succession as a political and law category of a state development. In: *Politicheskiy obraz budushchego Rossii: Strategicheskiye prioritety i perspektivy v usloviyakh ideynostennostnogo plyuralizma* [Vilkov A. A. (ed.) Political Image of the Future of Russia: Strategic Priorities and Prospects in Conditions of Ideological and Value Pluralism. Proceedings of All-Russia scientific-practical conference]. Saratov, Saratovskiy istochnik, 2020, pp. 47–52 (in Russian). EDN: WBRRIG
28. Mazaev V. D. The Search for New Meanings Continues (Concerning the Amendments to the Constitution of the Russian Federation). *Lex Russica*, 2021, vol. 74, no. 7, pp. 15–31 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.176.7.015-031>
29. Astafichev P. A. Historical truth as a category of modern constitutional law: On 2020 constitutional amendments. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2021, vol. 5, pp. 116–121 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.81.5.116-121>, EDN: DXXGVB

Поступила в редакцию 06.06.2023; одобрена после рецензирования 26.06.2023; принята к публикации 20.09.2023
The article was submitted 06.06.2023; approved after reviewing 26.06.2023; accepted for publication 20.09.2023

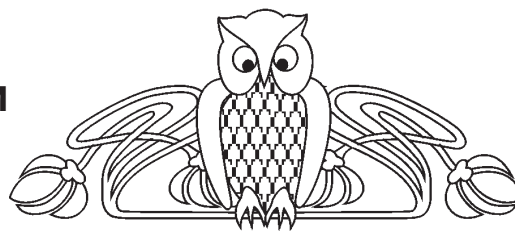

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 107–115
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 107–115
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-107-115>, EDN: WGELMS

Научная статья
УДК 342

Правовое регулирование интеграции цифрового пространства ЕАЭС

М. Г. Мустафаев

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Мустафаев Мамед Гусейн оглы, аспирант кафедры конституционного и международного права, yakamoz1001@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8594-3838>

Аннотация. Введение. В современном мире все страны в различной степени вовлечены в процесс цифровой трансформации национальных экономик. Существует глобальный тренд совершенствования экономических и финансовых систем на основе цифровых решений. В то же время информационные технологии оказывают влияние на международное сотрудничество и межгосударственную интеграцию. Экономическая интеграция стран на современном этапе становится неэффективной без внедрения цифровых технологий, обеспеченных надлежащим правовым регулированием. Деятельность наднациональных и национальных органов интеграционных объединений адаптируется к стремительно развивающейся информационной среде. **Теоретический анализ.** Основными направлениями правового обеспечения интеграционных процессов в сфере цифровизации пространства Евразийского экономического союза на современном этапе являются создание механизмов государственного управления посредством принятия стратегий и программ на национальном уровне. Будущее развитие взаимоотношений государств-членов ЕАЭС в рамках правовой интеграции на пути цифровой трансформации во многом зависит от консолидации и координирования принимаемых национальными правительствами решений в сфере информационных технологий, внедряемых в систему государственного управления. Данная мера требует гармонизации и унификации основополагающих правовых документов государств-членов Евразийского союза, отвечающих за развитие цифровой кооперации стран-участниц ЕАЭС в долгосрочной перспективе. Кроме того, особая роль отводится сближению механизмов организации и функционирования национальных цифровых платформ и сервисов на пути создания единой информационной системы трансграничного пространства ЕАЭС. При выявлении коренных проблем формирования общего цифрового пространства в рамках Евразийского союза имеет место изучение зарубежного опыта построения единых цифровых площадок в рамках интеграционных объединений на примере Европейского союза. **Результат.** Совершенствование действующего правового регулирования цифровой интеграции в ЕАЭС обусловлена усилиями государств-членов по осуществлению тесной координации и принятию согласованных решений для продвижения общей цифровой повестки Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, ЕАЭС, цифровизация, цифровая трансформация, цифровое пространство, международная интеграция

Для цитирования: Мустафаев М. Г. Правовое регулирование интеграции цифрового пространства ЕАЭС // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 107–115. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-107-115>, EDN: WGELMS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Legal regulation of the integration of the EAEU digital space

M. G. Mustafaev

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Mamed G. Mustafaev, yakamoz1001@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8594-3838>

Abstract. Introduction. In the whole world, all countries are involved to varying degrees in the process of digital transformation of the national economy. There is a global trend towards the use of the processes based on digital solutions. In addition, there are significant opportunities for the emergence of integration processes. Digital integration has an impact on international cooperation. The economic integration of countries becomes impossible without the digitalization of economic systems, legal frameworks, and technologies. The activities of supranational and national bodies of integration associations are adapting to the rapidly developing digital environment. **Theoretical analysis.** The main directions of legal support for integration processes of digitalization of the Eurasian Economic Union (the EAEU) space at the current stage is the creation of public administration mechanisms through the adoption of policies and programs at the national level. Future development of relations between the EAEU member states within the framework of legal integration on the path of digital transformation largely depends on consolidation and

coordination decisions made by national governments in the field of information technologies introduced into the public administration system. This measure requires harmonization and unification of the fundamental legal documents of the member states of the Eurasian Union, which are responsible for the development of digital cooperation of the EAEU member countries in the long term. In addition, a special role is given to the convergence of mechanisms for the organization and functioning of national digital platforms and services towards the creation of a unified information system of the cross-border space of the EAEU. When identifying the fundamental problems of forming a common digital space within the Eurasian Union, the author studied foreign experience of building common digital platforms within the framework of integration associations using the example of the European Union. **Results.** The improvement of the current legal regulation of digital integration in the EAEU is due to the efforts of the member states to implement close coordination and make agreed decisions to promote the common digital agenda of the Eurasian Economic Union.

Keywords: Eurasian Economic Union, EAEU, digitalization, digital transformation, digital space, international integration

For citation: Mustafaev M. G. Legal regulation of the integration of the EAEU digital space. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 107–115 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-107-115>, EDN: WGELMS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В XXI в. путь к осознанию новой технологической реальности лежит через внедрение цифровых технологий, прежде всего в экономике. Цифровые технологии играют определяющую роль в конкурентоспособности стран и межгосударственных объединений. Цифровая трансформация финансово-экономических и административных процедур на сегодняшний день является одним из главных условий устойчивого развития интеграционных процессов.

На современном этапе перехода к цифровой экономике и информационному обществу становится более актуальным вопрос развития «цифрового права» как регулятора общественных отношений в цифровой сфере. Действующее законодательство в полной мере не обеспечивает необходимых условий для окончательного формирования цифровой экономики. Наличие несистематизированного правового регулятора, состоящего из классических правовых конструкций, свойственных традиционной экономической модели развития и применимых лишь к отдельным механизмам цифровой экономики, не позволяет в полной мере реализовать преимущества цифровой экономики.

Отношения, возникающие в связи с развитием цифровой экономики, затрагивают интересы различных субъектов права, что требует не только регламентации их прав и обязанностей, но и совершенствования механизмов реализации их взаимодействия. Следовательно, возникает вопрос адаптации действующих правовых норм и институтов к современной цифровой среде либо разработке совершенно новой нормативно-правовой базы, регуливающей отношения в цифровой сфере в отдельно отведенной отрасли права.

Наряду с этим экономики относительно молодых межгосударственных интеграционных объединений вроде Евразийского экономического союза (ЕАЭС) требуют выработки наиболее эф-

фективного подхода к процессу ускоренной цифровой трансформации соразмерно новым вызовам.

В отечественной литературе существует небольшое количество исследований, посвященных комплексной оценке цифровой повестки развития ЕАЭС. Подобные работы есть у С. А. Дятлова, В. И. Трунина, А. А. Яника и др.

С учетом актуальности и высокой значимости исследований в ближайшие годы следует ожидать расширения базы научных трудов в этом направлении, в том числе в контексте выхода первых результатов запущенных проектов в рамках цифровой повестки Евразийского союза.

Теоретический анализ

Цифровой переход в рамках Союза начался с принятия среднесрочной стратегии, а именно с решения Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» [1], которым предусмотрено, что цифровая повестка реализуется в сферах экономического сотрудничества, определенных Договором об ЕАЭС. Стоит отметить, что компетенция Союза в сфере разработки и принятия актов, в том числе в сфере цифровой экономики, ограничена теми областями сотрудничества, которые закреплены в Договоре [2].

Под эгидой ЕАЭС сформировался понятийный аппарат в сфере цифровой экономики, закрепляющий такие понятия, как «кросс-отраслевые процессы», «регулятивная песочница», «цифровая платформа», «цифровая трансформация», «цифровая экосистема», «цифровое преобразование», «цифровое пространство Союза», «цифровой актив». Государства-члены ЕАЭС самостоятельно разрабатывают, формируют и реализуют национальную политику в сферах цифровизации экономики, в том числе осуществляют мероприятия на национальном уровне по развитию цифровой повестки.

При этом реализация цифровой повестки Союза не должна препятствовать реализации национальной политики в сфере цифровизации экономики государств-членов Союза. Исходя из этого, государства-члены ЕАЭС самостоятельно выбирают сферы и направления развития процессов цифровизации экономик с помощью национальных программ, а также правовых актов в сфере цифровой экономики.

Вместе с тем цифровая повестка ЕАЭС выступает документом стратегического планирования, устанавливающего цели, принципы, задачи, направления и механизмы сотрудничества государств-членов Союза по вопросам цифровой трансформации, что обеспечивает гармонизацию правового регулирования перехода к цифровой экономике в рамках ЕАЭС. Также в целях развития евразийского интеграционного процесса при разработке мероприятий по внедрению цифровых технологий государства-члены проводят согласованную политику, основанную на праве ЕАЭС.

Реализация цифровой повестки основывается на использовании информационно-коммуникационных технологий, применение которых регламентировано ст. 23 Договора об ЕАЭС и Протоколом об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского союза. Данным Протоколом предусмотрены меры по созданию интегрированной информационной системы внешнеторгового оборота ЕАЭС.

Одновременно в целях эффективного использования цифровых ресурсов в рамках ЕАЭС приобрела актуальность единая стратегия по созданию интегрированной информационной системы (ИИС) ЕАЭС. Решением Совета Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) от 22 августа 2017 г. № 100 утверждена Стратегия развития интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза на период до 2025 года [3]. Система информационной интеграции призвана обеспечить обмен между странами-участницами Союза разного рода данными, в том числе организационные меры электронного документооборота, направленного на формирование общности процессов в рамках ЕАЭС по выстраиванию единого трансграничного цифрового пространства [4].

Создается и структурируется цифровая экономика государств-членов в форме электронных публичных и частных отношений субъектов, являющихся как уполномоченными органами государств, так и предпринимательскими сегментами в ЕАЭС.

В то же время особенностью поэтапного перехода к цифровой экономике государств-членов ЕАЭС стало принятие последовательных мер, основанных на нормах национального права. Это связано с тем, что большой массив вопросов в сфере цифровой экономики не вошел в компетенцию Союза и относится к сфере национального регулирования государств-членов ЕАЭС. С учетом динамичного развития интеграционных процессов под эгидой Евразийского союза особое значение уделяется сопряжению концепций развития на национальном уровне с актами, вырабатываемыми в рамках Союза.

Следовательно, такая согласованность действий государствами-членами ЕАЭС должна учитываться в ходе совершенствования внутрисоюзного права, которое постоянно гармонизируется с международно-правовыми актами, носящими юридически обязательный характер и действующими на пространстве Евразийского экономического союза.

На современном этапе развитие цифровой интеграции естественным образом охватывает вопросы совершенствования таможенного регулирования и оптимизации торговых процедур.

В настоящее время под эгидой ЕАЭС с разной степенью успеха реализуются четыре проекта: «Экосистема цифровых транспортных коридоров Евразийского экономического союза», «Унифицированная система поиска “Работа без границ”», «Цифровое техническое регулирование в рамках Евразийского экономического союза», «Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтракта и трансфера технологий».

В то же время в качестве отдельно выраженного проекта отсутствует институт цифровой таможни. Однако работа в этом направлении в Союзе все же ведется. Само создание цифровой экосистемы способствует формированию и развитию института цифрового таможенного регулирования, что подкрепляется правовыми инструментами на союзном уровне.

Одним из перспективных направлений, заданных ЕЭК, является создание и развитие экосистемы цифровых транспортных коридоров (ЭЦТК) [5]. Основой данной экосистемы выступают инструменты обмена информацией в цифровом виде, что обеспечивает пользователям более автономный режим работы независимо от места нахождения.

Таким образом, экосистема способствует, прежде всего, информационной интеграции, что находит свое отражение во всех сферах взаимодействия государств-членов ЕАЭС, и в

первую очередь таможенной. Использование ее возможностей упрощает и ускоряет процессы обмена информацией внутри Союза и позволяет полностью отказаться от долгих процедур, обеспечивающих транспортно-логистические операции. Функционирование экосистемы позволит путем цифрового обмена обеспечить сведениями создание общих стандартов для транспортно-логистических сервисов, а также освободит пользователей от административной загрузки, замедляющей развитие таможенной сферы. Следовательно, создание и функционирование экосистемы направлено на интеграцию информации о транспортных средствах, перевозчиках, грузах, разрешительных и сопроводительных документах на всех этапах перевозки [6], что существенно продвигает идею создания цифрового таможенного регулирования в рамках ЕАЭС.

В этом контексте стоит отметить решение Совета ЕЭК от 14 сентября 2021 г. № 87, которым одобрен проект по созданию информационно-коммуникационной «витрины» национальных сервисов экосистемы цифровых транспортных коридоров Союза. Данный проект стал первым шагом на пути формирования цифровой экосистемы. Реализация проекта осуществляется путем апробации некоторых приоритетных сервисов в рамках пилотного формата по применению цифровых инструментов в управлении мультимодальными перевозками. Так, предполагается уделить внимание сервисам по применению электронной международной транспортной накладной (автомобильный транспорт, железнодорожный транспорт), электронного путевого листа.

Вместе с тем нельзя не отметить проблемы, возникающие на пути информационной интеграции в рамках ЕАЭС, среди которых ярко выражен замедленный характер реализации проектов и низкие темпы по внедрению необходимых цифровых инструментов. Прежде всего, стоит акцентировать внимание на существующих правовых барьерах на пути достижения унификации и гармонизации национального законодательства государств-членов ЕАЭС в данной сфере.

Следует отметить, что большая часть вопросов, связанных с развитием цифровой экономики, выходит за рамки полномочий ЕАЭС. Это подразумевает, что регулирование в этой сфере осуществляется государствами-членами Союза автономно. Согласно ст. 3 и 5 Договора об ЕАЭС, Союз действует в рамках полномочий, которые ему делегированы государствами-членами в соответствии с этим Договором и международными соглашениями в рамках

ЕАЭС. В экономических секторах, не указанных в Договоре ЕАЭС как сферы единой или координированной политики, участники ведут собственную политику независимо. При этом органы Евразийского союза не имеют права принимать обязательные для государств-членов решения. Цифровая экономика, представляющая собой сегмент экономики, где процессы производства, распределения, обмена и потребления претерпели цифровые изменения с применением ИКТ, не входит в компетенцию ЕАЭС.

Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» [7] устанавливает, что государства-члены ЕАЭС самостоятельно иницируют, разрабатывают и осуществляют национальные стратегии в области цифровизации экономики, связи, информатизации, а также обеспечения стабильности и безопасности единого информационного пространства и связи, включая реализацию национальных мер по развитию цифровой повестки. Вместе с тем реализация цифровой повестки ЕАЭС не должна мешать разработке и осуществлению национальной политики в области цифровизации экономики.

Можно сделать вывод, что ЕАЭС фактически не имеет полномочий в указанной области, что не только ограничивает, но и исключает возможность принятия Евразийским союзом мер прямого воздействия по вопросам создания и развития цифровых экономик в странах-членах.

Однако выполнение такой задачи требует подходящего международного регулирования, так как, согласно п. 2 ст. 5 Договора об ЕАЭС, обязанности государств-членов по внедрению координированной политики ограничены рамками и масштабами, установленными исключительно международным соглашением, т. е. Договором о ЕАЭС или международными соглашениями в рамках ЕАЭС. При этом, согласно Договору о ЕАЭС, под координированной политикой подразумевается политика, проводимая странами-членами в различных областях, включающая гармонизацию законодательных норм, в том числе на основе решений органов ЕАЭС, до уровня, необходимого для достижения целей, установленных в Договоре об ЕАЭС. Гармонизация законодательства в данном контексте означает приближение законов стран-участниц для создания схожего или сопоставимого правового регулирования в определенных областях.

Таким образом, наиболее важным представляется решение ряда задач по выявлению полно-

мочий ЕАЭС в области цифровой экономики и предоставлению органам ЕАЭС возможности принимать решения, на основе которых государства-члены будут исполнять свои обязанности по гармонизации правового регулирования. Такого рода расширение полномочий Союза в указанных вопросах может быть осуществлено постепенно Судом ЕАЭС посредством толкования положений Договора об ЕАЭС, подкрепленным судебной практикой. Кроме того, эффективность в рамках Евразийского экономического союза может быть достигнута через заключение соответствующего международного соглашения в рамках ЕАЭС, которое будет определять обязанности стран-членов по сближению их законодательства.

Также на данном этапе существуют проблемы политико-правового характера. Так, создание экосистемы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС началось еще в 2018 г., когда были разработаны проект Договора об экосистеме цифровых транспортных коридоров ЕАЭС и модельный закон «О цифровой платформе государств-членов Евразийского экономического союза экосистемы цифровых транспортных коридоров Евразийского экономического союза». В 2019 г. завершилась разработка концепции создания ЭЦТК. В 2020 г. распоряжением Совета ЕЭК от 23 ноября 2020 г. № 29 утвержден перечень необходимых сервисов и элементов цифровой инфраструктуры. В 2023 г. проект ЭЦТК до сих пор не запущен в полном виде, планируется реализация в пилотных форматах.

Кроме того, основа цифровизации – интегрированная информационная система ЕАЭС (ИИС) – также находится в неоконченном состоянии. Исходная версия ИИС введена еще в 2009 г. для обеспечения внешней торговли в рамках Таможенного союза. Однако система больше похожа на совокупность слабо связанных между собой организационных национальных сегментов.

По информации из уст Председателя Коллегии Евразийской экономической комиссии Михаила Мясникова, которой он поделился во время пленарной сессии цифрового форума «Digital Almaty 2023: Цифровое партнерство в новой реальности», в рамках ИИС введено в эксплуатацию 54 общих процесса, по которым осуществляется обмен информацией. В то же время необходимо заметить, что перечень общих процессов утвержден еще в 2015 г., а количество процессов, планируемых к полной реализации к 2020 г., составляет порядка 79 единиц [8].

М. Мясникович также отметил, что расширение цифровых возможностей порождает новые

информационные угрозы как для отдельных стран Союза, так и для ЕАЭС в целом. При этом он также подчеркнул, что зачастую обеспечить общую платформу не представляется возможным в связи с принципиальной позицией ряда государств по вопросу информационной безопасности под видом защиты суверенитета [9].

Отдельное внимание активизации взаимодействия в области цифровой трансформации уделил Президент РФ. По словам российского лидера, необходимо ускорить и процесс согласованного введения в государствах-членах Союза электронного юридически значимого документооборота, обеспечив правовые и технологические условия для взаимного признания таких документов. «Важно, чтобы цифровые технологии и решения в сфере экономической деятельности внедрялись во всех странах ЕАЭС на базе единых принципов и подходов, которые целесообразно закрепить отдельным актом Евразийского межправительственного совета», – отметил В. В. Путин [10].

Стоит также обратиться к правовым основам формирования единого цифрового пространства в рамках других интеграционных объединений, опыт которых может быть использован для выработки предложений по имплементации лучших практик в право ЕАЭС.

В первую очередь, интерес вызывают европейские государства с их высоким уровнем кооперации, которой также характерно придание большей значимости цифровым механизмам в экономике, что находит свое отражение в нормативно-правовых актах, программных документах и решениях государственных органов.

Одной из первых инициатив, носящих системный характер, стала программа Европейского союза «Цифровой единый рынок». Реализация данной программы сопряжена с масштабными комплексными изменениями законодательства государств-членов ЕС и европейского правопорядка. Помимо жестких рамок самой программы (декларации и планы действий), органы ЕС приняли большое количество рамочных и конкретных актов в различных областях, тем самым способствуя привлечению инициатив, запуску экспериментальных правовых режимов на уровне ЕС и отдельных государств. Это позволило в короткие сроки запускать и поддерживать должным финансированием и инфраструктурным обеспечением необходимые для экономики ЕС проекты.

Комбинируя традиционные нормативные акты с актами мягкого права, органы ЕС достигли значительных успехов в создании общих

цифровых процессов на союзном уровне. Показательным также является и то, в каких формах находят свое выражение нормы права и как используются в отношении институтов Евросоюза. К примеру, для урегулирования вопроса предоставления цифровых услуг по краудфандингу в качестве акта вторичного права Комиссия ЕС выдвинула регламент как более жесткую форму нормативного контроля. Данный нормативно-правовой акт на уровне ЕС призван унифицировать существующие режимы коллективного финансирования посредством использования информационных технологий [11].

Принятие регламентов также обусловлено необходимостью создания безопасного цифрового пространства, в котором будет гарантирована защита основных прав пользователей цифровых услуг.

Таким образом, наличие эффективной и прагматичной законодательной инфраструктуры в виде рамочных актов и актов мягкого права позволяет ускорить переход к цифровому обществу.

Однако, несмотря на отсутствие прямого эффекта вследствие принятия законодательных актов в цифровой сфере, принятые нормы, прежде всего, оказывают положительное влияние на деятельность правительств государств-членов ЕС, одновременно являясь препятствиями нарушения прав граждан, что так или иначе положительно сказывается на цифровизации различных коммерческих и некоммерческих сегментов экономики.

Вместе с тем и в рамках европейской интеграции, по различным оценкам, цифровые процессы также сталкиваются с проблемами торможения перехода к цифровой экономике. В частности, на европейском пространстве специфика препятствий на пути развития цифровой повестки некоторыми экспертами исследуется в сравнении, например, с отставанием от США и неиспользованием существующего потенциала европейскими странами [12].

Трудно согласиться с выводами И. М. Поповой в части преодоления разрыва в регулировании цифровой интеграции с помощью принятия на уровне Союза принципа интеграции разных скоростей. По мнению автора, «данная модель предполагает интеграцию заинтересованных членов с возможностью присоединения остальных на более поздних этапах. Те страны, в которых регуляторная среда более развита, могут начать прорабатывать совместные нормативные документы, а остальные будут решать задачи на национальном уровне и присоединятся, как только будут прояснены все вопросы и приняты не-

обходимые нормативные документы». Опыт СНГ в достаточной мере продемонстрировал слабые стороны разнотемпного формата интеграции в рамках одного проекта среди отдельных государств, результатом которого, как известно, стала постепенная трансформация внешнеполитической повестки участников, особенно в условиях конкурентной активности со стороны ЕС.

В то же время нельзя не согласиться с И. М. Поповой в том, что одной из главных причин разрыва между национальным и наднациональным уровнями в вопросе цифровой интеграции выступает «главенство суверенитета и национальных интересов стран-членов». Данный фактор, безусловно, является существенным препятствием для решения правовых проблем и устранения барьеров при формировании нормативно-правовой базы [13].

Верным представляется заключение А. А. Яника о том, что «фактически происходит медленное, но обладающее большой инерцией расхождение политической и прагматической реальностей: в последние годы все страны-члены, за исключением России, предпочитают решать свои задачи без оглядки на интеграционные цели, тогда как на политическом уровне неизменно декларируются ценности гармонизации совместных усилий, чтобы сохранить преимущества общего рынка ЕАЭС» [14, с. 55]. Такая позиция автора отображает реальные проблемы развития цифровой повестки при нынешнем состоянии дел. При этом с помощью осознания сложившейся ситуации могут увеличиться шансы на решение указанных проблем в краткосрочной перспективе.

В этом контексте стоит согласиться с мнением Г. Г. Головенчика в том, что «с целью преодоления отсталости от ведущих цифровых стран следует создавать общество, обладающее необходимыми цифровыми навыками» [15, с. 16]. Для достижения этой цели, по мнению данного автора, необходимо ускорение развития использования Интернета населением посредством обучения широких слоев населения цифровой грамотности, расширения социальной базы использования ИКТ и повышения их социальной востребованности.

Таким образом, решение существующих проблем с развитием цифровой повестки на союзном уровне возможно посредством эффективного распространения среди населения государств-членов ЕАЭС навыков и возможностей по использованию Интернетом и имеющейся сетевой инфраструктурой в рамках ЕАЭС. Данный способ, несомненно, будет выступать катализатором

развития цифровых процессов через призму принципа «снизу вверх», что только расширит межгосударственное взаимодействие.

Проведенный анализ правового положения развития цифровой интеграции в рамках ЕАЭС показывает динамику в формировании единого цифрового пространства. Заметна активность государств-членов Союза в вопросах перехода к цифровой экономике посредством совершенствования правового регулирования цифровой трансформации на национальном уровне (развиваются государственные цифровые сервисы, увеличивается доля электронного межведомственного документооборота, расширяются отрасли с внедрением ресурсов электронной торговли).

Вместе с тем, несмотря на разнообразие существующих стратегий на национальном уровне, единые подходы к цифровой интеграции в рамках ЕАЭС окончательно не оформлены. Нередко государства-члены Союза, за исключением, возможно, России, предпочитают действовать в вопросах цифровой повестки без оглядки на общие интеграционные цели, тогда как на политическом уровне декларируются намерения по объединению усилий. Рамочные соглашения и акты мягкого права, национальные и региональные стратегии в сфере цифровизации в настоящее время составляют основу развития и внедрения информационных технологий в структуру Союза.

Отсутствие единых выработанных подходов к регламентации отношений, возникающих на пути перехода к цифровой экономике, не позволяет своевременно принимать эффективные системные решения.

Результат

Все главные документы, устанавливающие курс внедрения цифровой повестки, выделяют первостепенность интересов на уровне стран и национальных стратегий в развитии цифровой экономики. Следовательно, на уровне, превышающем национальные границы, возможны лишь действия по синхронизации и координации деятельности членов Евразийского экономического союза. Это является одной из главных причин того, что на современном этапе реализация цифровой повестки в рамках ЕАЭС происходит не так быстро, как планировалось. Были приняты стратегические документы и более конкретные акты для сотрудничества в определенных областях, но отсутствие регулятивных документов на уровне Союза, регулирующих более обширные аспекты сотрудничества, такие как управление данными, замедляет интеграцию.

Тем временем в определенных секторах каждая из стран ЕАЭС готова усилить интеграцию и активно взаимодействовать с Комиссией для выработки соответствующих решений. В областях, где Комиссия имеет определенную автономию или получает единогласную поддержку от государств-членов, интеграционный процесс развивается более активно. Однако часто возникает разрыв между уровнями принятия решений и национальные действия отстают, что требует усиленной координации. Поэтому важно увеличить взаимодействие национальных структур и Комиссии, ускоряя принятие решений на национальном уровне. Эта проблема тесно связана с необходимостью улучшения правовой и институциональной основы внедрения цифровой повестки.

В связи с этим важно рассмотреть возможность интеграции области цифровизации в Договор ЕАЭС, так как он служит фундаментом для определения областей ответственности и сотрудничества.

Таким образом, первостепенной и реалистичной задачей представляется максимальная гармонизация национальных программ в области цифровой экономики и формирование единой цифровой политики на наднациональном уровне. Особое значение приобретает совершенствование действующей нормативно-правовой базы, призванной укрепить и ужесточить цифровые процессы и выполнение мероприятий, направленных на разработку необходимой цифровой инфраструктуры.

В целях совершенствования законодательства, регулирующего отношения, возникающие в связи с развитием цифровой экономики, необходимо сконцентрировать внимание в первую очередь на приоритетных и комплексных отраслях, таких как единое трансграничное цифровое пространство, и иных областях межгосударственного взаимодействия, связанных с проверкой и подтверждением документов, с помощью сквозных автоматизированных процессов, реализованных на пространстве ЕАЭС.

Следовательно, одной из приоритетных задач ЕЭК в ближайшей перспективе становится разработка принципиально нового правового механизма, предусматривающего сокращение типовых традиционных процедур, выполняемых в рамках административных процессов. Скоординированное совершенствование действующего правового регулирования цифровой интеграции для достижения совместно поставленных целей придаст импульс для реализации

действующих и новых проектов. При этом необходимо учитывать, что поддержка сервисов G2G предполагает использование интегрированной информационной системы ЕАЭС, т. е. интеграцию с другими системами наднационального и национального уровней.

Принимая во внимание, что национальные правовые документы государств-членов ЕАЭС придают малое значение координации стратегий и концепций цифрового развития с аналогичными документами партнеров по интеграции, вопросы гармонизации национальных межгосударственных информационных платформ и формирование единых требований в рамках Евразийского экономического союза остаются наиболее важными и открытыми.

Список литературы

1. Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года : решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 г. № 12 (подписано в г. Сочи 11.10.2017) // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. 2014. 5 июня. URL: <https://eec.eaeunion.org> (дата обращения: 01.04.2023).
2. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 15.03.2018) // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. 2014. 5 июня. URL: <https://eec.eaeunion.org> (дата обращения: 01.04.2023).
3. Об утверждении Стратегии развития интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза на период до 2025 года : решение Совета Евразийской экономической комиссии от 22.08.2017 г. № 100. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О Концепции трансграничного информационного взаимодействия : решение Евразийского межправительственного совета от 09.08.2019 г. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. План мероприятий по формированию экосистемы цифровых транспортных коридоров Евразийского экономического союза : распоряжение Евразийского межправительственного совета № 4 от 30.01.2020 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564200761> (дата обращения: 01.04.2023).
6. Мозолева Н. В. Экосистема цифровых транспортных коридоров ЕАЭС как перспективный инструмент развития Союза // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2020. № 4 (41). С. 31–36. EDN: ZLBQVZ
7. Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года : решение Высшего евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 (с изм. и доп.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/555625953> (дата обращения: 01.04.2023).
8. О перечне общих процессов в рамках Евразийского экономического союза и внесении изменения в Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 19.08.2014 г. № 132 ; решение Коллегии Комиссии от 14.04.2015 г. № 29 (с изм. и доп.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420268983> (дата обращения: 01.04.2023).
9. Выступление Председателя Коллегии Евразийской экономической комиссии Михаила Мясникова во время пленарной сессии V Международного цифрового форума «DigitalAlmaty 2023: Цифровое партнерство в новой реальности» 02.02.2023 г. в г. Алматы. // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. URL: <https://eec.eaeunion.org> (дата обращения: 01.04.2023).
10. Путин: ЕАЭС имеет все возможности, чтобы стать одним из мощных полюсов многополярного мира // Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС). URL: <https://tass.ru/politika/16858715> (дата обращения: 01.04.2023).
11. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on European Crowdfunding Service Providers (ECSP) for Business // COM/2018/0113 final – 2018/048 (COD). URL: <https://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения: 01.04.2023).
12. Bughin J., Hazan E., Labaye E., Manyika J., Dahlström P., Ramaswamy S., de Billy C. C. Digital Europe: Realizing the continent's potential // McKinsey Digital. 2016. June 29. URL: <https://www.mckinsey.com/> (дата обращения: 01.04.2023).
13. Попова И. М. Проблемы реализации цифровой повестки ЕАЭС // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16, № 1. С. 127–141. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-01-06>
14. Яник А. А. Цифровое пространство ЕАЭС: актуальное состояние и перспективы // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2021. № 3. С. 42–61. <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2021.3.36454>
15. Головенчик Г. Г. Рейтинговый анализ уровня цифровой трансформации экономик стран ЕАЭС и ЕС // Цифровая трансформация. 2018. № 2 (3). С. 5–18.

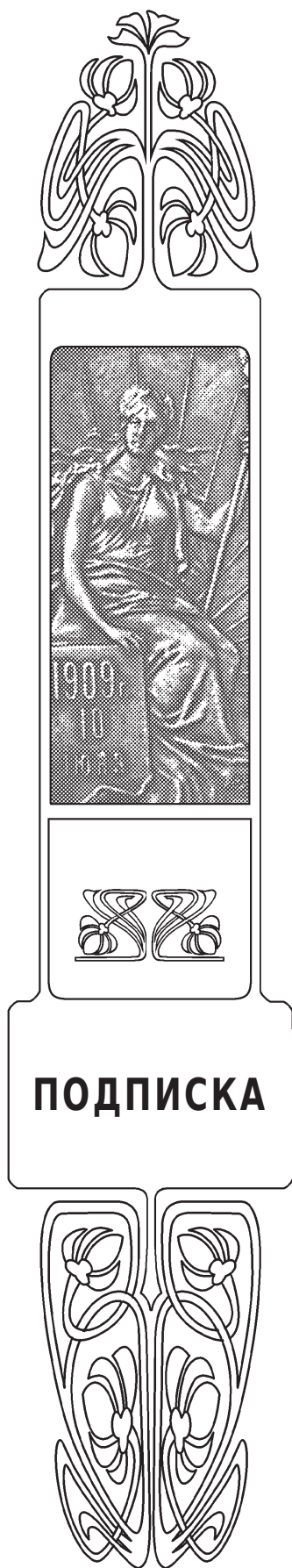
References

1. On the Main Directions for the Implementation of the Digital Agenda of the Eurasian Economic Union until 2025. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council no. 12 of October 11, 2017 (signed in Sochi on October 11, 2017). *Eurasian Economic Commission*. Site. 2014. June 5. Available at: <https://eec.eaeunion.org> (accessed April 1, 2023) (in Russian).
2. Treaty on the Eurasian Economic Union (signed in Astana on May 29, 2014) (as amended on March 15, 2018). *Eurasian Economic Commission*. Site. 2014. June 5. Available at: <https://eec.eaeunion.org> (accessed April 1, 2023) (in Russian).

3. On approval of the Strategy for the development of the integrated information system of the Eurasian Economic Union for the period up to 2025. Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission no. 100 of August 22, 2017. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
4. On the Concept of Cross-border Information Interaction. Decision of the Eurasian Intergovernmental Council no. 7 dated August 9, 2019. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
5. Action plan for the formation of an ecosystem of digital transport corridors of the Eurasian Economic Union. Decree of the Eurasian Intergovernmental Council no. 4 of January 30, 2020. *Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/564200761> (accessed April 1, 2023) (in Russian).
6. Mozoleva N. V. Ecosystem of digital transport corridors of the EAEU as a promising tool for the development of the Union. *Akademicheskii vestnik Rostovskogo filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii* [Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy], 2020, no. 4 (41), pp. 31–36 (in Russian). EDN: ZLBQVZ
7. On the Main Directions for the Implementation of the Digital Agenda of the Eurasian Economic Union until 2025. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council no. 12 of October 11, 2017 (with amendments and additions). *Electronic Fund of Legal and Regulatory and Technical Documents*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/555625953> (accessed April 1, 2023) (in Russian).
8. On the list of common processes within the framework of the Eurasian Economic Union and amendments to the Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission no. 132 dated August 19, 2014. Decision of the Board of the Commission no. 29 of April 14, 2015 (with amendments and additions). *Electronic Fund of Legal and Regulatory and Technical Documents*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/420268983> (accessed April 1, 2023) (in Russian).
9. Speech by the Chairman of the Board of the Eurasian Economic Commission Mikhail Myasnikovich during the plenary session of the V International Digital Forum “Digital Almaty 2023: Digital Partnership in the New Reality” on February 2, 2023 in Almaty. *Eurasian Economic Commission*. Site. Available at: <https://eec.eaeunion.org> (accessed April 1, 2023) (in Russian).
10. Putin: The EAEU has every opportunity to become one of the powerful poles of the multipolar world). *Information Telegraph Agency of Russia (ITAR-TASS)*. Available at: <https://tass.ru/politika/16858715> (accessed April 1, 2023) (in Russian).
11. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on European Crowdfunding Service Providers (ECSP) for Business. *COM/2018/0113 final – 2018/048 (COD)*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/> (accessed April 1, 2023).
12. Bughin J., Hazan E., Labaye E., Manyika J., Dahlström P., Ramaswamy S., de Billy C. C. Digital Europe: Realizing the continent’s potential. *McKensy Digital*, 2016. June 29. Available at: <https://www.mckinsey.com/> (accessed April 1, 2023) (in Russian).
13. Popova I. M. Problems of implementation of the digital agenda of the EAEU. *Bulletin of International Organizations*, 2021, vol. 16, no. 1, pp. 127–141 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-01-06>
14. Yanik A. A. Digital space of the EAEU: current state and prospects. *International Law and International Organizations*, 2021, no. 3, pp. 42–61 (in Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2021.3.36454>
15. Golovenchik G. G. Rating analysis of the level of digital transformation of the economies of EAEU and EU the countries. *Digital Transformation*, 2018, no. 2 (3), pp. 5–18 (in Russian).

Поступила в редакцию 11.05.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 10.09.2023
The article was submitted 11.05.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 10.09.2023

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36012
Оформить подписку на печатную версию
можно в интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (eup.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7 (845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7 (845-2) 27-85-29

E-mail: izdat@sgu.ru, publ@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,

экономический факультет

Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-38

E-mail: sgu-eup@rambler.ru

юридический факультет

Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-17

E-mail: kulikovasveta@inbox.ru

Website: <https://eup.sgu.ru>

ISSN 1994-2540

24001

9 771994 254007

ISSN 1994-2540 (Print). ISSN 2542-1956 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Том 24, выпуск 1

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

- Серия: Акмеология образования. Психология развития
- Серия: История. Международные отношения
- Серия: Математика. Механика. Информатика
- Серия: Науки о Земле
- Серия: Социология. Политология
- Серия: Физика
- Серия: Филология. Журналистика
- Серия: Философия. Психология. Педагогика
- Серия: Химия. Биология. Экология
- Серия: Экономика. Управление. Право**

